

ТАЙНЫ ПЯТИМАРОВ

С.А. ПОПОВ

С. А. ПОПОВ

ТАЙНЫ ПЯТИМАРОВ

Очерки по древней и
средневековой истории
оренбургских степей

ЮЖНО-УРАЛЬСКОЕ КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО 1971

В этой книге в форме научно-популярных очерков рассказывается о древней и средневековой истории Оренбургского края вплоть до основания города Оренбурга. Особенно подробно останавливается автор на самых значительных этапах истории южноуральских степей. Это очерки, в которых повествуется о сарматских племенах, о поздних кочевниках — тюркоязычных народах, о переходе вольных казачьих ватаг с Волги на Яик и заселении оренбургских степей русскими людьми и представителями нерусских народностей Поволжья. Для воссоздания страниц далекого прошлого нашего края автор использует богатый археологический материал, в изыскании которого сам принимал активное участие, а также античные источники и средневековые документы Московского государства. Книга послужит добрым советчиком и путеводителем при изучении глубокой старины Оренбургского края для преподавателей школ, техникумов и вузов, для школьников, студентов, тружеников села и города и самого широкого круга читателей.

В неведомое

Сборы окончены. Все снаряжение нашей экспедиции, инструменты погружены в машину. Затем мы сами рассаживаемся, устраиваясь кто как сумеет.

Тронулись... Итак экспедиция началась. Промелькнули улицы Оренбурга. Остался позади мост через реку Урал. И вот машина помчала нас в степную даль.

Начало июля. Солнце печет немилосердно, но свежий встречный ветерок освежает наши лица, несет приятную прохладу. В машине 'весело: смех, шутки, песни.

Мы держим путь к берегам красивой реки Киндели, к окрестностям хутора Барышникова и села Герасимовки. Неподалеку от них находятся древние курганы, которые возвышаются там с незапамятных времен.

В который уже раз отправляемся мы в оренбургские степи на раскопки курганов и древних поселений. Мы едем на встречу с неведомым, далеким временем, о котором не могут поведать ни летописи, ни свидетельства историков древности. О них могут рассказать лишь вещественные памятники — следы неустанного человеческого труда, сохранившиеся в древних могилах и в местах бывших поселений.

В экспедиции участвуют опытные ученые и специалисты — археологи Института археологии Академии

наук СССР, научные работники Московского государственного исторического и Оренбургского областного музеев, студенты-археологи Московского государственного университета, студенты исторического факультета Оренбургского пединститута, учащиеся средних школ Оренбурга и страстный любитель археологии рабочий Орско-Халиловского металлургического комбината Р. Н. Ацевохский. Все — горячие приверженцы археологической науки.

Поздно вечером мы приезжаем на речку Кинделю. Ночуем под открытым небом, а на утро разгружаем машину и начинаем строить наш лагерь. Скоро на самом берегу реки под сенью огромных вязов вырастает белый полотняный городок с длинным обеденным столом и «кухней», то есть печкой, вырытой в обрыве реки. В этой печке мы будем готовить обеды и ужины — борщ, кашу, лапшу и компот. Не беда, что каша будет припахивать дымком, а лапша порой будет походить на кашу. После того, как целый день поорудуешь лопатой на свежем воздухе, аппетит появляется отменный.

Не легок труд археолога в поле: жара, пыль, комары, порой непогода. Бывает и такое, когда приходится безрезультатно вынимать немало земли. Но все это с лихвой окупается удачной находкой, ценным наблюдением, которые позволяют понять и представить жизнь, быт и исторические судьбы племен и народов, населявших оренбургские степи сотни и тысячи лет назад.

Но вот кончился трудовой день. Вечер. Тихо опускается за горы огромный огненный шар. Красив солнечный закат! И тут же приходит мысль: и те, кто насыпал эти курганы, так же, как и мы сейчас, любовались когда-то таким же вот закатом.

Пужинав, мы покидаем наш палаточный табор и отправляемся в степь к высокому кургану. Его мы не будем пока тревожить раскопками, и он долго еще будет хранить свои тайны. Пахнет полынью. С реки потянуло прохладой. Мы взбираемся на курган и устраиваемся на его вершине. Вот выплывает луна и зажигаются па небе тысячи звезд. Тихо. Лишь из соседнего хутора доносятся звуки гармошки. Мы разговариваем тихо, как бы боясь нарушить очарование чудесной ночи. Наконец кто-то запевает песню. За ней следует другая. Вот так и просидел бы на кургане до самого утра...

А назавтра мы пойдем на раскопки, чтобы выведывать тайны далеких неведомых времен.

Москва... Шурша шинами по асфальту, троллейбус идет по Большой Пироговской улице. Здесь меньше движения, тише, спокойней. Вот и остановка. Рядом старинное здание Государственного архива древних актов — богатейшее хранилище документального материала по истории досоветского времени нашей Родины. Здесь среди сотен тысяч документов хранятся и те материалы, на страницах которых отражены события, происходившие в Оренбургском крае несколько столетий назад.

Я иду сюда, чтобы встретиться с тем неведомым мне временем, события которого не сохранились в народной памяти. Лишь на листах плотной старинной бумаги оставили они след в виде четких записей писца XVI века и беглой скорописи канцеляристов XVII и XVIII веков.

Поднимаюсь в обширный читальный зал. Тихо. Слышен только шелест страниц и осторожные шаги по мягким ковровым дорожкам. Сажусь за свободный стол и заказываю 'интересующие меня «Ногайские дела». Скоро передо мной вырастает стопка из нескольких томов в аккуратных кожаных переплетах. Это дипломатическая переписка Ивана Грозного и его сына Федора Ивановича с заводжскими ногайскими князьями и мирзами. Ровный, четкий полуустав, писанный писцом XVI века, читается легко и свободно.

«...Лето 7090* ноября в 26 день приехал из Нагаи** к Москве Василей Глебов да служилой татарин Токай Янгиреев. А посыланы в Нагаи к Урусову княжому сыну к Хан мирзе в прошлом в 89 году вместе с Васильем с Пелепелицыным с товарищи. А как у него государево дело в Нагаех делалось и тому Василей дал список...

* До введения Петром I гражданского календаря в России летоисчисление вели с «сотворения мира». Гот начинался с сентября месяца. 26 ноября 7090 года соответствует 26 ноября 1581 года.

** В старинных документах принято написание «Нагайская орда», «нагайцы», в современной исторической литературе — «Ногайская орда», «ногайцы». В данных очерках стаое написание это^п слова употребляется только при цитировании старинных документов.

Да в то же де время волские атаманы взяли у Хан мирзы на Бике улусного человека. И Хан де мирза того человека у козаков откупил. А дали за него пятьдесят лошадей да пятьдесят кафтанов. Да опосле де и того учинилась у Хан мирзы весть, что волские козаки нагайских послов, которые шли к Москве, побили на Сомари. А на Еике козаки у нагайских татар в улусех лошади отогнали...»[1]

Я читаю и живо представляю, как одно событие сменяется другим. Представляю заволжскую дику степь и мчащийся по ней огромный табун коней, гонимый ногайцами на продажу в Москву, старинный ногайский городок Сарайчик на Яике, возникший еще во времена Золотой Орды, и гордого московского посла, не желающего править «посольство» перед ногайским князем потому, что тот не сходит с коня, не чтит достоинство «царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси...»

Незаметно идет время. Темнеет. Зажигаются огни настольных ламп. Я переворачиваю лист за листом. И узнаю все о новых и новых событиях из истории заволжских степей конца XVI века.

Звенит звонок. Пора уходить. Я с сожалением закрываю рукопись и аккуратно укладываю ее в стол, чтобы завтра снова вернуться к ней. Выхожу на улицу, все еще полный впечатлений от прочитанного, и медленно, не без труда возвращаюсь к делам и заботам нашего времени.

Древние художники Каповой пещеры

В Белоредком районе Башкирской АССР, на реке Белой, на территории Государственного заповедника в ста километрах от Тюльганского района Оренбургской области находится одна из наиболее грандиозных и красивых пещер Южного Урала — пещера Шульган-Таш, или Капова пещера.

Ее первым исследователем был известный оренбургский историк, первый член-корреспондент Российской Академии наук Петр Иванович Рычков. Движимый огромной научной пытливостью, он в морозный январский день 1760 года верхом через сугробы снега добрался до Каповой пещеры в сопровождении башкир и нескольких солдат с Вознесенского медеплавильного завода. П. И. Рычков осмотрел лишь нижний ярус пещеры и составил обстоятельное ее описание [2]. Но ни П. И. Рычков, ни другие ученые и путешественники, побывавшие здесь в последующее время, не подозревали об уникальных памятниках древности этой пещеры.

...Прошло почти 200 лет со дня посещения П. И. Рычковым пещеры Шульган-Таш. И только 1959 год принес ей мировую известность. В этом году научный сотрудник Башкирского заповедника зоолог А. В. Рюмин, исследуя пещеру, обратил внимание на рисунки древ

них животных на ее стенах. Открытие А. В. Рюмина привлекло внимание Института археологии Академии наук СССР. Для изучения рисунков и всей пещеры Шульган-Таш была организована специальная экспедиция во главе с известным советским археологом, крупным специалистом по древнекаменному веку (палеолиту *) О. Н. Бадером. В течение нескольких лет (1960—1964) археологическая экспедиция изучала Капову пещеру. Внимательно осматривались стены, потолки обоих ярусов пещеры. Выяснилось, что нижний ярус имеет протяженность 260 метров, верхний — 450 метров. Работы велись в тяжелых условиях. Не раз археологи рисковали жизнью. Но и результаты оказались блестящими.

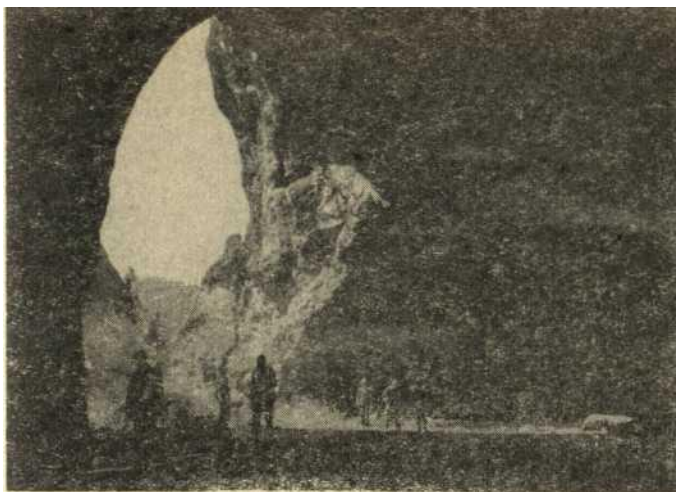
В одном из грандиозных гротов второго яруса высотой до 26 метров и шириною до 40 метров оказались рисунки древних художников поздней поры древнекаменного века (позднего палеолита). На одной стене были силуэтные рисунки животных ледниковой эпохи — шерстистого носорога, двух лошадей и четырех мамонтов, на другой — изображения бизона или носорога и трех мамонтов. Они сделаны в профиль в позе идущих.

Все рисунки были красного цвета. Писались они красной землей (охрой), смешанной с животным клеем, на гладкой желтовато- или коричневатой-серой поверхности стен пещеры. Размеры рисунков составляют от 44 до 112 сантиметров. Уровень расположения их указывает на то, что древние художники, рисуя, стояли в основном на полу и лишь некоторые из них рисовали с каких-то подмоеток.

Большая группа схематичных рисунков красного цвета обнаружена археологами также в дальних залах нижнего этажа пещеры. Однако они пока трудно поддаются расшифровке. Возможно, некоторые из них представляют изображения наземных жилищ [3].

Подобные изображения (пещерная живопись) давно известны в Западной Европе. Они обнаружены в северной Испании и южной Франции. В пределах же СССР такие изображения впервые открыты в Каповой пещере.

* «Палеолит» — греческое слово, состоящее из двух слов: «па- лайос» (древний) и «литос» (камень).

Устье Каповой пещеры

**Изображения животных ледниковой эпохи на стенах второго яруса
Каповой пещеры**

Кто же они, древние художники Каповой пещеры?

Нет никакого сомнения, что это были люди, жившие в те же времена, когда обитали древние животные — мамонт, носорог, бизон, дикая лошадь, — которых древние художники и изображали на стенах пещеры.

Это были охотники поздней поры древнекаменного века (позднего палеолита), обитавшие в горных и степных районах Южного Урала 15—30 тысяч лет назад.*

* Палеолит по времени занимает период от 800 тысяч до 15 тысяч лет назад и делится на ранний и поздний.

В то время огромный ледниковый щит покрывал еще значительную часть Восточно-Европейской равнины (Валдайское оледенение) и оказывал огромное воздействие на климат. Дремучие хвойные леса покрывали горы Южного Урала. Современные степные районы представляли собою холодные степи с островками хвойных лесов, с рощами из березы, осины, черемухи. Непролазные заросли ивы тянулись в пойменных долинах рек. В степях паслись стада мамонтов, сибирских шерстистых носорогов, диких быков— бизонов, северных оленей и косяки диких лошадей. В лесных и горных трущобах бродили пещерные львы, пещерные медведи, россомахи. В те времена обитали также многие из современных животных. Огромное количество лесной и водоплавающей птицы населяло леса и воды. Обо всем этом говорят многочисленные находки костей этих животных на Южном Урале.

В 1909 году на окраине села Городище (в 40 километрах ниже Оренбурга по реке Уралу) крестьяне при выемке глины обнаружили костные остатки молодого мамонта—нижнюю челюсть с зубами, позвонки, ребра, бивни. В 1949 году в Оренбургский краеведческий музей поступила прекрасно сохранившаяся нижняя челюсть мамонта. Ее нашел шофер Д. А. Салов в русле пересохшего ручья у поселка Новопетровки Сорочинского района. В 1950 году поступила в Оренбургский музей верхняя челюсть носорога.

По археологическим раскопкам и по находкам мы можем представить образ жизни древних охотников.

Жили они матриархальными родовыми общинами. Вооруженные каменными орудиями, копьями с каменными или костяными наконечниками, гарпуном, они охотились на лесную и степную дичь, на крупных животных ледниковой эпохи — мамонтов, шерстистых носорогов, бизонов. Древние люди собирали также съедобные растения, коренья, плоды, ягоды.

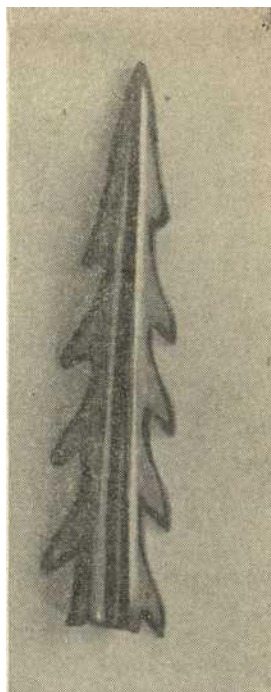
Следы обитания древних охотников ледниковой эпохи (а в их числе были и древние художники Каповой пещеры) обнаружены в ряде мест на Южном Урале — в пещерах Башкирии по рекам Юрюзань, Сим, Катав, Большой Ик (Мурадымова пещера), на реке Малый Кизил близ села Смеловского в районе Магнитогорска и в других местах.

Значительно меньше таких следов открыто в оренбургских степях. Видимо, там, где отсутствовали горные пещеры, поселения древних охотников представляли из себя группы землянок на открытом месте. Поэтому следы обитания здесь не могли так хорошо и отчетливо сохраниться, как под сводами пещер.

В начале XX века местным археологом-любителем П. С. Назаровым была открыта стоянка древних охотников в бывшем Орском уезде близ деревни Идельбаево *. На стоянке найдены кремневые орудия, а рядом — множество костей двух видов вымерших быков, дикой лошади, лося, северного оленя и волка. К сожалению, находки П. С. Назарова не сохранились [4].

В 1925 году студентом Осокиным в осыпи оврага у поселка Кравцово бывшего Бузулукского уезда обнаружены два обломка костяных гарпунов. Один был изготовлен из рога северного оленя, второй — по-видимому, из кости мамонта. На первом оказался гравированный орнамент в виде волнистой, местами прерывающейся линии. В непосредственной близости от находок найдены кости мамонта [5].

К позднему палеолиту или, возможно, несколько более позднему времени относится обломок костяного гарпуна, обнаруженный в 1961 году на берегу реки Ток ниже села Нижнеяиково Красногвардейского района.

Обломок костяного гарпуна. Найден в 1961 году у села Нижнеяиково Красногвардейского района. Хранится в Оренбургском краеведческом музее

* В сообщении об этом открытии говорится, что стоянка находится близ деревни Идельбаево на реке Губерле. Однако такого населенного пункта на реке Губерле нет. Наверняка речь идет о большом башкирском селе Идельбаево, что на реке Кураган, левом притоке Сакмары, неподалеку от Медногорска.

Исследования памятников позднего древнего каменого века указывают, что охотники на мамонтов, дикую лошадь, северного оленя прекрасно владели резьбой по кости. Они оставили скульптурные изображения мамонта, северного оленя. Владели они и живописью. Что же побуждало древних охотников обращаться к изображению животных?

Изучение этого вопроса ведет нас в область мышления и древних религиозно-магических представлений древних охотников. Необходимо обратить внимание на то, что большинство памятников пещерной живописи находится в глубине пещер, в труднодоступных местах. Выполнялись они несомненно при свете факелов. Например, рисунки животных на стенах пещеры Нио (Франция) расположены на расстоянии 800 метров от входа. Так же глубоко находятся замечательные произведения древних художников в знаменитой пещере Альтамира (Испания).

«Чтобы попасть в самые замечательные хранилища палеолитического искусства,— пишет видный советский археолог А. П. Окладников,— приходится пробираться в темную глубину пещер через узкие колодцы и щели, часто ползком, даже переплывать через преграждающие путь подземные реки и озера» [6].

В совершенно аналогичных условиях оказались рисунки в Каповой пещере. «Зал рисунков» (так именуется ныне грот с рисунками) расположен в труднодоступном месте. Он находится во втором ярусе пещеры. Неизвестно, как проникали в него древние люди — с вершины ли горы по Каким-нибудь проходам, ныне заваленным, или как теперь, то есть с первого яруса.

«Чтобы достичь палеолитических рисунков верхнего этажа Каповой пещеры,— пишет руководитель экспедиции О. Н. Бадер,— надо преодолеть очень трудный и опасный подъем с круто наклонными и вертикальными скользкими стенами, который внутри пещеры ведет из галереи нижнего этажа в верхние и имеет высоту 29 метров... Вначале мы пользовались для подъема на второй этаж веревкой с узлами, а в 1961 году — пятью деревянными лестницами и одной, завершающей их, веревочной» [7].

Здесь, в огромном гроте, в глубине Каповой пещеры древний художник при свете факелов красной краской

наносил на стены изображения тех животных, на кото» рых он вместе с соплеменниками охотился, убивая которых, получал мясо, шкуры, кости. К изображению животных древнего художника побуждал, конечно, не эстетический интерес, а практическая потребность: стремление обеспечить своему роду успешную охоту. Изображение животного тесно связывалось в сознании человека с самим животным. Нарисовать его, в особенности с копьями, вонзившимися в туловище, значило то же, что и поразить его. (Например, в пещере Ласко во Франции фигуры лошадей изображены с вонзившимися в них дротиками) .

Мы можем живо представить себе, как в глубине пещеры при свете факелов возле изображений животных первобытные люди перед отправлением на охоту совершали колдовские обряды. Они должны были принести желанный успех в охоте на таких крупных представителей животного мира ледниковой эпохи, как мамонт и шерстистый носорог.

Так рисунки Каповой пещеры ведут нас к пониманию представлений далеких обитателей Южного Урала — древних охотников позднего палеолита.

Исследование Каповой пещеры не закончено. Быть может, она таит в себе еще немало ценных археологических памятников.

*
* *

С течением времени менялись климатические условия. Произошло значительное потепление. Огромные ледниковые толщи, покрывавшие северо-западную часть Европы в позднепалеолитическое время, стали таять и 15—20 тысяч лет назад окончательно исчезли в горах Скандинавии. С потеплением климата стал меняться животный и растительный мир. Стада огромных мамонтов и сибирских носорогов отходили на север и постепенно вымирали в полярных широтах. Исчезли пещерные медведи, пещерные львы. Лишь такие животные ледниковой эпохи, как северный олень, песец и другие, приспособились к новым климатическим условиям. Животный и растительный мир принял современные формы.

Наступает новая эпоха в жизни первобытных охотни-

ковсреднекаменный век или мезолит*. Эта эпоха приходится на 5—13 тысячелетия до нашей эры.

В мезолитическую эпоху произошли крупные изменения в жизни охотников древнекаменного века. Возникла новая техника изготовления каменных орудий.

Появляются новые типы орудий: микролиты — мельчайшие каменные орудия геометрических форм, служившие наконечниками стрел и вкладышами в костяную и деревянную основу, и макролиты — массивные орудия, напоминающие топоры.

Люди изобрели лук и стрелы. Появляется первое домашнее животное — собака. Люди научились делать первые плоты и лодки, изготавливать различные рыболовные снасти.

Вещественные памятники и следы обитания человека среднекаменного века обнаружены на Южном Урале пока только в пределах Башкирской АССР и Челябинской области [8]. Ежегодно расширяющиеся археологические исследования, несомненно, уже в ближайшие годы откроют следы обитания людей времен мезолита и в пределах оренбургских степей.

Развитие производительных сил в среднекаменный век подготовило новый этап человеческой истории —новокаменный век или неолит**.

О вещественных памятниках, о жизни и быте человека неолитического времени в оренбургских степях мы расскажем в следующем очерке.

* «Мезолит» — греческое слово, состоящее из слов «мезос» (средний) и «литос» (камень).

** «Неолит» — греческое слово, состоящее из слов «неос» (новый) и «литос» (камень).

Древние рыболовы и охотники

Произошло это недалеко от поселка Поляны, возле одинокой горы, известной среди местного населения под именем «Корсак-бас», то есть «голова лисицы». Вершина ее в условиях степного ландшафта видна за много километров. Шофер, проезжавший около горы, вынужден был остановиться из-за неполадок в машине. Он вышел из кабины и взял один из камней, лежавших неподалеку, чтобы подложить под колесо. И тут же обратил внимание на необыкновенно строгую форму и гладкую поверхность этого камня. Он привез его домой и передал в школу. В школе «камень» пролежал много лет. Позднее, когда молодая учительница поступила в пединститут и прослушала курс лекций по археологии, она заинтересовалась необыкновенной находкой. Так топор, сделанный из яшмы, оказался у нас в музее.

Интересна история другой находки.

...Летом 1959 года участники экскурсии — юные краеведы из Оренбурга, руководимые энтузиастом краеведения Б. А. Коростиным, оказавшись в селе Илеке, услышали о каком-то предмете древности, много лет хранящемся у бывшего учителя пенсионера К. З. Емельянова. Школьники пришли к старому учителю. И он, конечно, не мог устоять перед просьбой юных краеведов. Редкость

ный предмет оказался в их руках, а затем перешел в коллекцию Оренбургского краеведческого музея. Он оказался клиновидным топором, имеющим такую же форму, что и топор из села Поляны, только изготовлен был из кремнистого сланца и имел большие размеры (длина — 19 сантиметров, ширина по лезвию — 8 сантиметров). Топор удивлял правильной шестигранной формой и прекрасной полировкой. Его лезвие было так тонко отшлифовано, что, казалось, стоит еще чуть-чуть подточить и им можно будет чинить карандаш. Его нашли связисты. Восточнее села Илека они копали ямы под столбы. При раскопке одной из них и был найден топор.

Обе эти находки являются вещественными памятниками древних жителей Оренбургской области — древних рыболовов и охотников новокаменного века (неолита), живших в IV—III тысячелетиях до н. э.

В период неолита у древних охотников Южного Урала возникли новые лучшие способы обработки и изготовления каменных орудий. Человек научился шлифовать, сверлить и пилить. Появились первые, не грубо обработанные, а хорошо отшлифованные каменные топоры, с помощью которых можно было рубить деревья и обрабатывать их.

Крупнейшим шагом вперед в то время было изготовление глиняной посуды (керамика). Появление глиняных изделий считается важнейшим признаком неолитической эпохи.

Хозяйство неолитического человека в отличие от хозяйства древних охотников палеолита основывалось не только на охоте и собирательстве, но и на рыбной ловле, которая местами была главным источником существования. Лишь в некоторых южных районах нынешней территории СССР человек неолитического времени переходит к земледелию и скотоводству, например, в Средней Азии, на территории Туркменской ССР.

Каменными топорами, насаженными на деревянную рукоятку, каменными долотами, огнем человек новокаменного века изготовлял лодки, выдалбливая и выжигая их из толстого ствола дерева. Он научился обрабатывать дикорастущие волокнистые растения, например, дикую коноплю и крапиву. Из волокон их он пряд пряжу и ткал грубую материю.

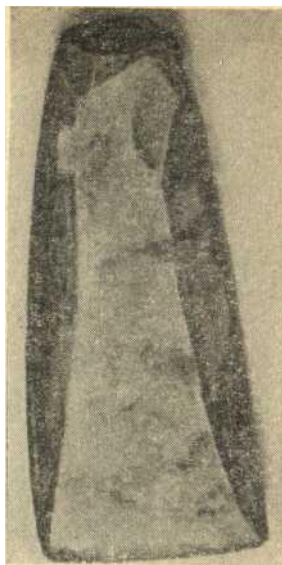
Вооруженный луком и стрелами, изобретенными еще

в среднекаменный век, сопровождаемый собакой, 'прирученной' человеком также еще в эпоху мезолита, рыболов и охотник неолитического времени бил зверя, ловил рыбу, добывая таким образом средства к существованию.

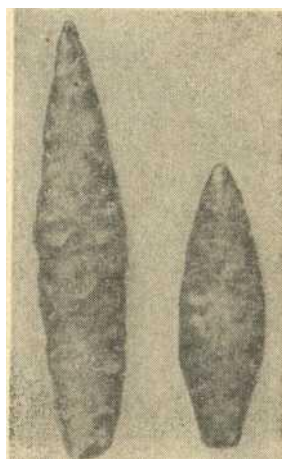
Природа, окружавшая неолитического человека, была более благоприятной, чем та, которая окружала древних охотников на мамонта, древних художников Каповой пещеры. Климат был близок к современному, даже значительно мягче и влажнее, чем теперь. Богатые леса покрывали большие площади оренбургских степей. Дубовые, липовые рощи располагались на сыртах. Огромный дремучий сосновый бор стоял на месте нынешнего Бузулукского бора. Значительные осадки способствовали обилию вод. Животный и растительный мир был близок к современному, только более богат и разнообразен. Реки и озера, старицы и протоки, леса и степи были богаты рыбой и дичью.

Вещественных памятников неолитической поры в Оренбургской области обнаружено пока немного. Кроме уже упомянутых находок известны следующие.

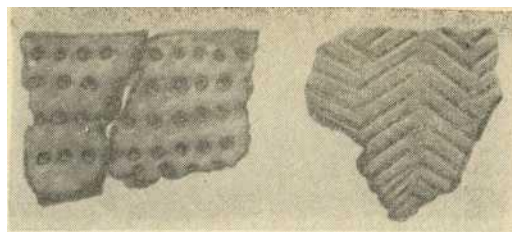
В 1950 году недалеко от города Бузулука местный краевед В. Д. Чернов обнаружил в устье реки Ток несколько обломков глиняной посуды. Они

Каменный топор-тесло. Найден в Илекском районе

Кремневые наконечники дротика и стрелы, найденные у Соль-Илецка и в Новоорском районе

**Обломки глиняной посуды неолитического времени,
обнаруженные в устье реки Ток. Хранятся в
Оренбургском краеведческом музее**

**Кремнистые пластины и желваки, от которых эти
пластины откалывались. Находка учеников поселка
Интернационального Матвеевского района. Хранятся
в Оренбургском краеведческом музее**

резко отличались от современных: в изломе — темного углистого цвета, на поверхности проглядывали кусочки измельченных речных раковин. Снаружи они украшены орнаментом: один обломок в виде правильных рядов круглых ямок, второй — в виде елочки, нанесенной штампиком. Подобный орнамент характерен именно для неолитической эпохи. Нет никакого сомнения, что найденные обломки являлись когда-то частью глиняных горшков древних рыбаков и охотников неолитического времени, имевших свою стоянку где-то в устье реки Ток.

Глиняная посуда изготовлялась тогда женщинами. Они лепили ее от руки. Чтобы глиняное тесто было луч-

ше и хорошо лепилось, к глине прибавляли уголь, толченую дресву, измельченные кусочки речных раковин — беззубок. Из приготовленного теста лепили жгуты, которые накладывали друг на друга, а затем сглаживали, получая стенку горшка. Донышко делалось округлым, яйцеобразным, чтобы удобнее было ставить горшки в очаг между камнями или в углубление на земляном полу жилища. Когда горшок был вылеплен, его снаружи и внутри обмазывали тонким слоем глиняного раствора. Как только горшок подсыхал, на его внешнюю сторону наносили рисунки специальным штампиком или палочкой. Затем ставили обжигать в костер. Частью именно таких глиняных горшков и были когда-то обломки глиняной посуды, найденные в устье реки Ток.

Такие же обломки с орнаментом в форме елочки и прямых линий, нанесенных мелким зубчатым штампом, найдены в районе плотины Красиковской ГЭС на реке Ток. Эти находки бесспорно указывают на то, что и здесь была стоянка или поселок древних рыболовов и охотников.

Интересна находка учеников поселка Интернационального Матвеевского района. На окраине поселка, в обрыве берега пересохшего ручья, ребята нашли несколько десятков длинных узких кремнистых пластин, с одной стороны, совершенно гладких, с другой—имеющих грани. Ясно, что пластины когда-то были отколоты от продолговатого кремнистого желвака. Там же обнаружены и сами желваки. На них ясно выделялись грани отколов.

Находка учеников поселка Интернационального интересна тем, что показывает, как велась первичная обработка камня для изготовления каменных орудий — резцов, скребков, наконечников стрел, различных проколов, каменных лезвий.

Древний мастер внимательно выбирал каменный желвак, затем сильными ударами отбойника (камня) отбивал от него ненужные боковые выступы, стремясь придать желваку продолговатую форму с плоским верхом. Обработанный таким образом желвак человек зажимал ступнями ног и затем с силой нажимал на его край упругой крепкой заостренной костью (отжимником). В результате от желвака отслаивались длинные узкие пластины. (Именно такие пластины и найдены учениками поселка

Интернационального). Оставшаяся сердцевина желвака (ядрище, нуклеус) отбрасывалась.

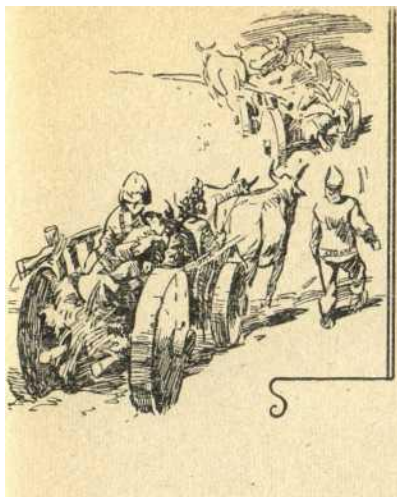
Дополнительной тщательной обработкой маленьким отжимником пластинам придавалась форма наконечника стрелы, скребка, ножа и т. д.

Известны и другие находки неолитического времени, обнаруженные в ряде мест области. Обломки глиняной посуды встречены на берегах рек Джарлы (Адамовский район), Киимбая (Домбаровский район) [9]. В нашей области найдены также кремневые наконечники стрел, каменные полированные топоры и молотки, которые относятся как ко времени рыболовов и охотников новокаменного века, так и к последующему времени. Один из каменных наконечников стрел был найден в 1907 году на горе Маяк в Оренбурге, другой — в 1949 году на песчаном берегу Урала под городом Оренбургом.

Следы обитания древних рыболовов и охотников были обнаружены также в районе села Таналык. В настоящее время эти места залиты водами Ириклинского моря [10].

Археологические находки эпохи неолита в оренбургских степях не дают нам материалов для суждения о религиозных представлениях людей того времени. Можно предполагать, что, как и в других местах, древние рыболовы и охотники оренбургских степей почитали животных, отдельные явления природы, имели колдунов-знахарей, исполняли различные магические обряды и не понимали явления смерти. Они хоронили покойников в неглубоких ямах, заворачивая их в звериные шкуры вместе с украшениями, глиняными сосудами и пищей, полагая, что человек не умер, а заснул.

Будущие археологические находки и исследования несомненно дадут новый и более обширный материал, который позволит лучше и глубже изучить жизнь неолитических рыболовов и охотников Оренбургской области.

Окрашенные кости

Сотни курганов — древних могил — рассеяны по степям и сыртам Оренбургской области. Поэты, писатели пишут о них как о немых свидетелях, ушедших в далекое прошлое исторических событий. Это не совсем так. Для науки курганы не немые, а говорящие свидетели.

Древнее население области, насыпавшее эти курганы, верило, что со смертью человека его жизнь не кончилась, что она продолжится в ином мире, где он будет нуждаться в тех же предметах, в каких нуждался в земной жизни. Поэтому близкие покойного клали в могилу посуду, украшения, орудия труда, оружие и т. д.

Изучение этих предметов знакомит нас с жизнью, бытом древнего человека. Но не только наличием сохранившихся вещей давних времен исчерпывается значение древних могил как исторического источника. Изучение обряда погребения (трупоположение, трупосожжение, парное погребение — мужчины и женщины), положение костяка человека (на спине в вытянутом положении, на боку в скорченном состоянии и т. д.), характер могильной ямы, костные останки человека, кости животных, посыпка покойника красной охрой, мелом, углями от погребального костра раскрывают нам материальную культуру древних людей, позволяют судить об их социальных

отношениях, занятиях, религиозных воззрениях, о внешнем облике (антропологические особенности), о тех животных—домашних и диких,— которые окружали человека, о взаимоотношениях его с соседними племенами и далекими народами. Вот почему древние могилы являются важнейшим историческим источником для понимания тех периодов истории древнего населения оренбургских степей, от которых не сохранилось никаких письменных памятников.

Среди древнейших курганов Оренбургской области встречается много таких, которые содержат «окрашенные костяки». О них речь пойдет чуть ниже. А пока несколько слов вообще о курганах.

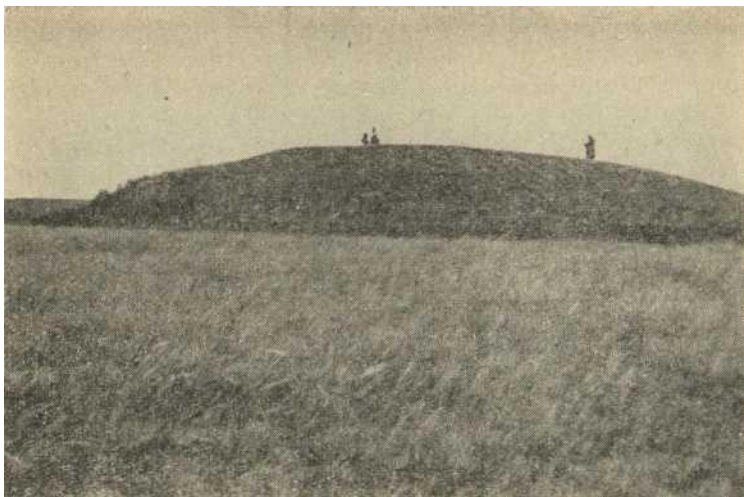
Курганы оренбургских степей — это обычно земляные насыпи, редко — с примесью камня. Величина их бывает различна: от еле заметной насыпи до холма 7-метровой высоты. Так, три огромных, 6—7-метровой высоты кургана возвышаются на сырте недалеко от села Старый Ку- мак Новоорского района. Их подошвы сливаются друг с другом.

Часто вокруг подошвы кургана или на некотором расстоянии от него виден ров, некогда опоясывавший курган. Иногда у подошвы, а нередко и в насыпи видны гребни массивных каменных плит. Они когда-то служили опорами, поддерживавшими земляную насыпь кургана.

Со временем изменялся древний облик курганов. Они значительно уменьшились в размерах. Особенно воздействовали на их форму ветры. Теперь у больших курганов обычно северная сторона круче, южная — положе. Это следствие воздействия преобладающих северных и северо-восточных ветров. Поверхность курганов заросла травой, мелким кустарником, кое-где зарослями дикой степной вишни. Огромная масса мелких курганов ныне распахана, и лишь опытный глаз археолога способен выделить их среди распаханного поля или моря пшеницы.

Обычно курганы располагаются группами. Иногда в такой группе насчитывается несколько десятков курганных насыпей, которые образуют как бы кладбище или курганный могильник. Реже они встречаются в одиночку.

Курганы располагаются по берегам степных рек и мелких речек, вдоль берегов стариц и сухих ложбин,

**Земляной курган группы Иш-Оба («три кургана») у села Старый Кумак
Новоорского района**

бывших некогда руслами рек. Они тянутся цепочками и группами по вершинам сыртов, с которых открывается обширная панорама на десятки километров вокруг.

Местное русское население называет курганы «мара ми» и «шишками». Казахи, башкиры и татары именуют их «оба» или «уба».

Многочисленные народные предания по-своему объясняют их происхождение. Одни говорят, что они сооружены Пугачевым и его сподвижниками, которые якобы зарыли в курганах богатые клады, а над ними, чтобы обмануть кладоискателей, хоронили покойников. Другие предания утверждают, что когда-то в глубокую старину здесь происходили великие битвы и над могилами павших воинов сооружались курганы. Причем каждый воин якобы сыпал на могилу полную тюбетейку земли. Воинов было так много, что над могилой вырастали огромные курганы.

Многие крупные курганные группы получили в народе свои названия. В основу их положено или количество курганов в группе, или местоположение, или размеры их.

Например, на территории Соль-Илецкого района известны несколько курганных групп, именуемых «Пяти-

мэрами». Так они названы потому, что издали на горизонте видны силуэты пяти курганов. На самом же деле курганов там больше. Недалеко от села Октябрьского находится большой курган, известный под именем «Чертова шишка». Группу курганов у села Мирюлюбовки Сорочинского района называют «Богатырскими рядами». Три огромных кургана у села Старый Кумак казахи именуют «Иш-оба», то есть «Три кургана». Встречаются и такие названия, как «Близнецы». Так назывались, например, до раскопки два кургана, находившиеся рядом с поселком Кумак Соль-Илецкого района. Они были одинаковой высоты, стояли рядом. Возникало впечатление близости, родственности этих курганов.

Обычно считают, что под каждой курганной насыпью находится только одна могила и одно погребение (то есть захоронен один человек). Это ошибочное мнение. В кургане — как в насыпи, так и под нею, — может быть не одна, а иногда даже несколько десятков могил, в каждой из которых случается несколько погребений. Скрытые курганной насыпью погребения могут относиться к разному времени, так как в первую древнюю насыпь и даже в первую древнюю могилу хоронили и в последующее время. При этом претерпевала изменение сама курганная насыпь. При последующих захоронениях ее видоизменяли, делали выше. Вследствие этого форма древней насыпи иногда угадывается лишь во время раскопок.

В зависимости от времени, а также от социального или имущественного положения умершего вещи в погребениях («могильный инвентарь», «заупокойный инвентарь») бывают разными. Встречаются погребения с богатыми украшениями и оружием. Таковы погребения родовых старейшин, племенных вождей. Погребения же рядовых членов общины, напротив, бедны.

Многие из древних курганов, особенно высоких, разграблены, раскопаны кладонискателями. Уже в XVIII веке в оренбургских степях были целые артели «маровщиков», то есть людей, занимавшихся раскопкой маров. В 1753 году одна из таких групп в составе 5 человек была поймана на реке Узени и доставлена в Оренбург. Отдельные грабительские раскопки курганов продолжают и в наше время, нанося огромный вред исторической науке.

Как показывают раскопки, ограблением курганов занимались и в древние времена, иногда даже люди, близ

кие по времени тем, кто сооружал курганы. Гонимые жаждой захватить богатые и денные вещи, они смело шли против тогдашних религиозных представлений, и проникали в могильные ямы, срывая с покойника украшения, захватывая ценное оружие и другие вещи.

В настоящее время выработана специальная методика по раскопке и научному изучению курганов. В соответствии с нею проведены, например, раскопки тех курганных памятников, в которых обнаружены погребения с «окрашенными костяками». О них сейчас пойдет речь.

*
* *

В 1956 году начала раскопки Оренбургская археологическая экспедиция Института археологии Академии наук СССР и Оренбургского областного краеведческого музея. Эта работа продолжается и до настоящего времени. Начальник экспедиции со дня организации — старший научный сотрудник Института археологии доктор исторических наук К. Ф. Смирнов.

В августе—сентябре 1956 года был открыт ряд курганных групп на территории колхоза им. 8 Марта (ныне колхоз «Дружба») Соль-Илецкого района. Одна группа включала в себя более чем 30 невысоких расплывчатых курганов, расположенных вдоль древнего берега реки Илека недалеко от маленького поселка Увак. Она была названа Увакским могильником. Один курган этой группы был тогда же раскопан. Приведу выдержки из дневника, который я вел во время работы по раскопкам этого кургана.

«Мы постепенно, осторожно выкидывали землю лопатой из могилы. Чем глубже мы опускались в неё тем определенной становились размеры и форма. Ее длина составила 1,8 метра, ширина — 1,6 метра. Она имела отвесные стенки и несколько округлые углы. В засыпке могилы встречался древесный тлен и крупные куски толстых, опущенных вниз плах — остатков от прогнившего и провалившегося в могилу деревянного перекрытия. Встречались также куски земляной красной охры, особенно в норах грызунов, которые проложили свои ходы в могиле. Мы углубились уже на 1,5 метра от древнего почвенного слоя, т. е. от уровня той почвы, на поверхности

сти которой родичи покойного начали копать могилу. Дальше копать лопатой было опасно. Мы перешли на ножик и совок, чтобы не повредить и не нарушить положение скелета и тех вещей, которые могли быть при нем. Действительно, скоро обозначился скелет.

С большой осторожностью, с помощью ножа и кисточки, мы расчистили, скелет погребенного. Он лежал на песчаном дне могилы на глубине 1,7 метра от древнего почвенного горизонта и 2,4 метра от вершины кургана. Все кости скелета были кроваво-красного цвета. Я с удивлением и даже с оттенком некоторого страха смотрел на кости, как будто залитые кровью.

Это был скелет пожилого мужчины. Он лежал на спине, головой на восток — северо-восток, с несколько приподнятыми коленями, упавшими в правую сторону. Очевидно, покойник был положен на спину с подогнутыми вверх коленями. Когда связки распались, колени упали вправо. Череп, вдавившись в плечи, лежал на затылке, немного склонившись также вправо. Кисти рук лежали между бедренными костями, а предплечья — на подвздошных костях. Все кости скелета, а особенно череп и ступни ног, сверху и снизу были интенсивно окрашены красной охрой. Пятна красной охры встречались также на дне могилы, особенно около головы. Комок охры лежал также с левой стороны у головки бедренной кости. Покойник был положен на какую-то подстилку, так как на дне могилы ясно обозначался тлен коричневого и темного цвета. Никаких вещей при погребенном не оказалось.

Мы взяли череп, длинные кости рук и ног и тщательно их упаковали. Они поедут в Москву, в Институт антропологии. Там их будут изучать, чтобы установить антропологический тип погребенного, пол, возраст.

Раскопка могилы закончена. Мы снова ее закопали...»

Так было раскопано древнее погребение с «окрашенным костяком». Оно не было первым на территории Оренбургской области. Еще в 1923 году самарский археолог Вера Васильевна Гольмстен раскопала подобное погребение на территории совхоза Березняки бывшей Пилюгинской волости Бугурусланского уезда [11].

Новый случай открытия погребения с «окрашенным костяком» в Увакском могильнике представлял большой интерес.

Археологическая наука установила, что погребения с окрашенными и скорченными костяками встречаются на обширной территории степей от Нижнего Поволжья до южнорусских степей между Доном и Днепром. Племена, оставившие подобные погребения, в археологической литературе получили условное название «ямных племен» вследствие их обычая хоронить умерших в больших, иногда глубоких и всегда тщательно выкопанных могилах.

Обычай посыпки охрой умерших несомненно был связан с религиозными представлениями. Вероятно, охра связывалась с почитанием огня, солнца. Ей приписывались такие же священные, очистительные свойства, как огню и солнцу.

Над могилами древнеямные племена сооружали земляную насыпь. Курганы древнеямных племен — самые древние на территории СССР.

Изучением многочисленных ямных погребений и отдельных поселений в пределах южнорусских степей и Нижнего Поволжья (в Астраханской, Волгоградской, Саратовской областях и Калмыцкой АССР их изучено свыше 350) установлено, что на всей этой обширной степной территории в третьем тысячелетии до н. э. жили близко родственные племена, вероятно, потомки неолитических рыболовов и охотников, но вступившие в новый этап развития — в меднокаменный век или энеолит.*

У древнеямных племен появляются первые металлические орудия труда, изготовленные из меди. В основном это были мелкие предметы — шилья, ножи, долота. Все основные орудия труда, как и раньше, в неолитическую эпоху, были каменные. Основным хозяйственным занятием ямных племен становится скотоводство — разведение мелкого и крупного рогатого скота и лошадей. Вероятно, им были знакомы и зачатки земледелия. Наличие парных погребений — мужчины и женщины — свидетельствует о том, что в связи с возросшим значением труда мужчины при скотоводстве у ямных племен матриархально-родовая община начинает сменяться

* Слово «энеолит» состоит из латинского слова «энеус» (медь) и греческого «литос» (камень). Иногда этот период именуют также греческим термином «халколит» («халкос» по-гречески означает «медь»).

патриархальной. Главой в семье становится мужчина, счет родства начинает вестись по линии отца.

Погребения, обнаруженные на территории совхоза «Березняки» и в Увакском могильнике, вероятно, оставлены ямными племенами, далеко продвинувшимися на восток, в междуречье Урала и Волги.

Это предположение подтвердилось и дальнейшими раскопками Оренбургской археологической экспедиции, произведенными на территории нашей области.

*
* *

В 1957 году в Увакском могильнике раскопан курган, находившийся в соседстве с тем, который вскрыт в 1956 году. В этом втором оказалось несколько разновременных погребений. Но центральным, основным и наиболее древним было погребение с «окрашенным костяком».

Здесь встретилось то же, что и в могиле, раскопанной в 1956 году: красная охра, обломки жердей, служивших перекрытием могилы, древесный тлен. Отличие состояло в том, что положение костяка было иным, а на дне могилы находился толстый слой толченого мела.

Скелет, принадлежавший мужчине лет 45—50, был в необычной позе: на животе, с закинутой назад головой и соединенными над тазом кистями рук, голени были резко согнуты и лежали на бедрах. По-видимому, покойник был погребен в сидячем положении со связанными ногами и потом упал на грудь. Никаких вещей, кроме сильно окатанного кремневого отщепа, в могиле не было обнаружено. Несомненно, данное погребение отражало религиозные воззрения ямных племен — страх перед мертвыми. Покойник был связан, чтобы он не мог подняться и нанести вред живым [12].

В 1960 году раскопки Увакского могильника были возобновлены небольшой группой, возглавляемой участником Оренбургской археологической экспедиции, научным сотрудником Московского государственного исторического музея Э. А. Федоровой-Давыдовой.

«Окрашенные костяки» были открыты в 9 курганах. Все погребения с «окрашенными костяками» имели те

же отличительные признаки, которые встречены в выше-описанных двух погребениях: большие прямоугольные могилы со следами перекрытий из жердей или плах, положение костяка на спине с подогнутыми вверх коленями, наличие кусков красной охры, меловая подсыпка на дне могилы и пр. Из всех погребений только в двух оказались вещественные памятники. В могиле, в которой были похоронены младенцы, оказался глиняный круглодонный сосуд. В погребении мужчины средних лет обнаружен медный нож и литой двухобушковый молот. Оба предмета, видимо, изготовлены из самородной меди, так как в них оказалось свыше 99% чистой меди [13].

В 1963 году Оренбургская археологическая экспедиция начала археологические исследования курганов в Новосергиевском районе, в окрестности села Герасимовки и хутора Барышникова.

С давних пор на высоком коренном левом берегу реки Киндели ниже хутора Барышникова стояла группа из шести курганов: двух больших высотой в 4 и 3 метра и четырех меньшего размера. Экспедиция раскопала пять, оставив нетронутым большой курган. В каждом из них основным, первым, было погребение с «окрашенным костяком», которое характеризовалось, в основном, теми же признаками, какие наблюдались на Увакском курганном могильнике. В трех погребениях оказались круглодонные глиняные сосуды яйцевидной формы с орнаментом.

Из этих пяти погребений особо интересным оказалось центральное погребение в раскопанном двухметровом кургане. В большой прямоугольной могиле (1,10 X X 1,60 метра) глубиной 1,40 метра от древнего горизонта была погребена взрослая женщина. Она была положена на подстилке из трав и коры на правый бок с подогнутыми ногами. Предплечья рук лежали крестообразно одна на другой в области живота. Создавалось впечатление, что они были связаны. Скелет был сильно окрашен красной охрой [14].

В 1964 году Оренбургская археологическая экспедиция раскапывала курганную группу между хутором Барышниковым и селом Герасимовкой на реке Кинделе несколько выше того места, где проводились раскопки 1963 года. И здесь также были древнейшие погребения.

Погребение с «окрашенным костяком» из курганный группы, расположенной у села Герасимовки Новосергиевского района. (Цифры на фото означают: курган № 7, погребение № 1. Острые стрелы указывает север)

Особенно заинтересовало погребение в кургане № 7. В могиле лежал скелет молодого мужчины в типичной для ямных погребений позе: на спине, с согнутыми в коленях ногами, головой на северо-восток. Кости скелета имели красноватый цвет от посыпки охрой. Дно могилы было посыпано также охрой и мелом. В могиле оказалась интересная вещь: в северо-восточной части ее стояло наклонно массивное сплошное деревянное колесо диаметром 50 сантиметров с хорошо выточенной выступающей втулкой. Своей нижней частью оно упиралось в дно могилы - и частично прикрывало грудную клетку, голову и правое плечо покойника. Около колеса лежала ровно обточенная деревянная палочка, возможно, чека, закреплявшая ось в ступице. К сожалению, колесо настолько плохо сохранилось, что взять его и реставрировать не удалось. Эта редчайшая находка (в южнорусских степях известны всего несколько находок колес и повозок в древнеямных погребениях) свидетельствует о том, что древнеямные племена оренбургских степей во второй половине и в конце третьего тысячелетия

Деревянное колесо, найденное в погребении № 1 кургана № 7 у села Герасимовки

тия до н. э. запрягали домашних животных (лошадей, рогатый скот) в тяжелые повозки с массивными сплошными колесами [15].

Археологические раскопки на территории Оренбургской области в 1968 году увеличили список погребений с «окрашенными костяками».

В полевой сезон этого года археологическая экспедиция Оренбургского областного краеведческого музея производила раскопки курганного могильника на левом берегу реки Бузулука, рядом с центральной усадьбой совхоза им. Свердлова Тоцкого района. В одном из земляных курганов этой группы (курган ноль) диаметром в 24 метра и высотой более метра обнаружено три погребения.

Основным, наиболее древним из них оказалось ямное погребение. Оно было совершено в глубокой, тщательно выкопанной могильной яме с отвесными стенками (дно могилы находилось на глубине 4,75 метра от вершины кургана и 3,65 метра от уровня древнего горизонта почвы). Глубина могилы сильно усложняла раскопки. Приходилось спускаться по веревке, а землю вытаскивать с помощью веревки и ведра.

На дне могилы лежал хорошо сохранившийся костяк взрослого человека, положенного на спину, головой на восток, с очень незначительным отклонением на северо-восток. Ноги покойника были согнуты в коленях и приподняты вверх. После распада тканей они упали в правую сторону. Правая рука была вытянута вдоль туловища, и фаланги пальцев лежали на правом бедре. Левая рука была согнута в локте, и кисть ее лежала на правой руке.

Кости скелета имели красноватый цвет от посыпки покойника красной охрой. Особенно отчетливо сохранились следы охры в области черепа, груди, таза, бедренных костей, на кистях рук. На костях лежал тонкий слой истлевшей коры или дерева, в области таза — несколько кусочков древесного угля, а на левом колене оказался след меловой посыпки. С правой стороны скелета, рядом с голенью, находилась нижняя челюсть барана. Однако больше всего поразило археологов костяное кольцо, надетое на левый мизинец и прекрасно сохранившееся. Оно имело гладкую отшлифованную поверхность — возможно, результат длительной носки [16].

Подобные костяные кольца обнаружены также в погребениях ямной культуры в Нижнем Поволжье. Являлись ли они только украшением, или несли в себе особый скрытый смысл, — об этом можно лишь строить догадки [17].

Все перечисленные выше погребения с «окрашенными костяками» несут типичные черты погребений ямных племен, прежде всего поволжской группы этих племен.

В оренбургских степях обнаружены не только погребения, но и следы поселений ямных племен. Упомянутая выше археолог В.В. Гольм-стен и известный знаток древностей Южного Урала покойный археолог К.В. Сальников указывают, что типичные обломки глиняной посуды ямных племен встречаются на дюнах по берегам реки Самары между Куйбышевым и Бузулуком, в частности, близ села Палимовки Бузулукского района.

Все эти данные заставляют полагать, что древнее население оренбургских степей, оставившие погребения с «окрашенными костяками», поволжского происхождения.

Развитие скотоводства и увеличение населения тре-

бовало новых пастбищ, и нижеволжские ямные племена во второй половине третьего тысячелетия до н. э. начинают двигаться на восток, в заволжские и оренбургские степи. Они селятся по Самаре и ее притокам — Кинели и Бузулуку, по среднему течению Урала, его притоку Кинделе и дальше [18].

Здесь, на новых местах, ассимилируя местное неолитическое население, они продолжают развивать свое хозяйство, удерживая свой старый погребальный обряд. Осваивая новую хозяйственную территорию, ямные племена начинают добывать местные медные руды, плавить их и изготавливать медные орудия, о чем говорят находки медных орудий, найденных в одном из погребений в Увакском могильнике.

Так раскопки погребений с «окрашенными костяками» осветили нам одну из страниц древней истории Оренбургской области — то время, когда в ее степях появились первые скотоводы, ездившие на тяжелых деревянных колымагах, изготавливавшие первые медные орудия и знакомые, вероятно, с зачатками земледелия.

Древние скотоводы, земледельцы и металлурги

Неподалеку от рабочего поселка Домбаровки протекает степная речка Ушкатты, впадающая в реку Кам- сакты в непосредственной близости от поселка.

Обширные заводы Ушкатты, заросшие высокими камышами, чередуются мелкими и узкими протоками. Еще недавно здесь было безлюдно. Теперь на этих берегах расположились совхозные фермы, пасутся гурты совхозных стад. Обилие рыбы и дичи привлекает сюда множество рыболовов и охотников.

На берегах этой маленькой степной речушки, возле фермы № 11 совхоза «Домбаровский», видно множество торчащих из земли каменных плит, которые образуют большие прямоугольные ограды. Это следы пребывания здесь древних обитателей берегов Ушкатты.

Некоторые из поселений уже раскопаны археологами. В соседстве с одним из них находится древний медный рудник в виде открытого карьера. Здесь же, вблизи поселения, и в некоторых других местах по Ушкатте найдены древние могилы. Они представляют собой четырехугольные или кольцеобразные ограды, составленные из каменных плит, торчащих из земли, иногда с небольшой земляной насыпью посередине. Они принадле

жат тем же древним жителям Ушкатты, которые когда-то добывали здесь медную руду, пасли скот, занимались земледелием и изготавливали не только каменные, но и медные, и бронзовые орудия труда [19].

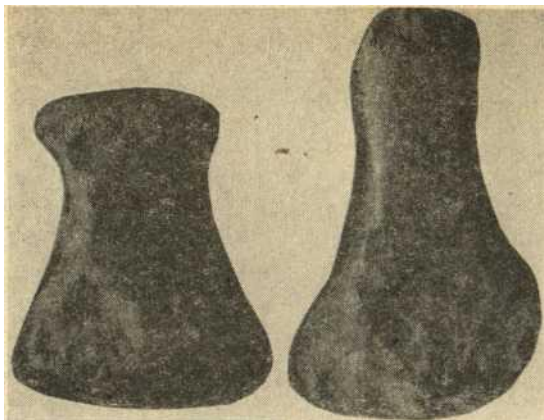
Эти археологические памятники относятся ко второму тысячелетию до н. э.

Следы таких же поселений древних скотоводов, земледельцев и металлургов, их могильные памятники, места добычи медной руды обнаружены во многих других местах Оренбургской области и в целом по Южному Уралу.

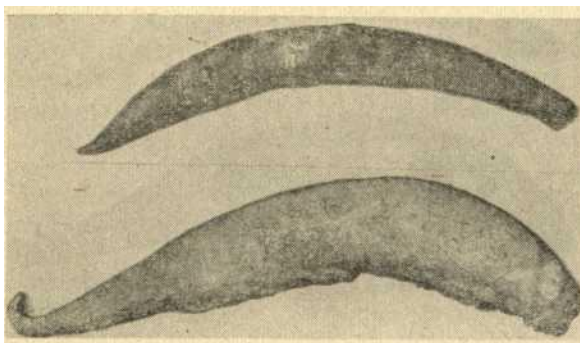
Изучение этих памятников показывает, что во втором тысячелетии до н. э. на Южном Урале жили оседлые патриархальные родовые общины, главным занятием которых было оседлое пастушеское скотоводство, земледелие и добыча медной руды. Рыбная ловля, охота, собирательство отошли на второй план. Древние скотоводы разводили крупный и мелкий рогатый скот, лошадей, вероятно, также верблюдов. Археологи полагают, что лошадь использовалась не только на мясо, но и как ездовая и тягловая сила. Вероятно, верховым и тягловым животным был также и верблюд.

Древние земледельцы каменными и медными мотыгами обрабатывали мягкие припойменные участки вдоль рек, богатые плодородными илистыми наносами. Здесь они сеяли злаки — пшеницу (в поселении у села Алексеевки у г. Кустаная на жертвенном месте обнаружены глиняные горшки с остатками стеблей и зерен пшеницы), просо, известное уже в предшествующее время. Жали медными серпами, мололи зерно на каменных зернотерках [20].

Древние скотоводы и земледельцы были также опытными и искусными горняками и металлургами. Добыча и плавка медной руды, возникшая на Южном Урале еще во второй половине третьего тысячелетия до н. э., получила дальнейшее развитие. Древние металлурги второго тысячелетия до н. э. не только добывали медную руду, не только отливали из меди медные орудия. Они освоили изготовление нового сплава путем прибавления к меди небольшого процента олова. Этот сплав, именуемый в наше время бронзой, давал более прочные, более долговечные и красивые орудия труда — бронзовые.

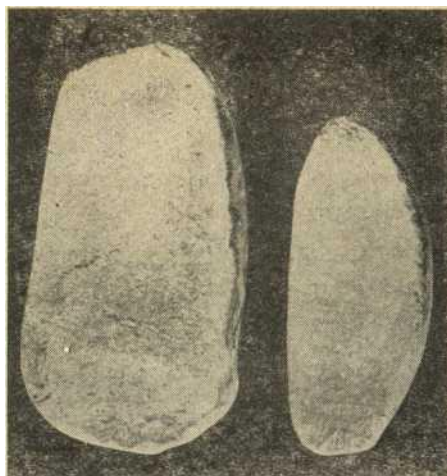
Каменные мотыги. Найдены на центральной усадьбе совхоза им. Горького Новоорского района

Медные серпы, найденные на территории Оренбургской области

С появлением бронзовых орудий наступает новая эпоха в развитии производительных сил — бронзовый век.

В бронзовый век продолжают крупные изменения в общественном устройстве древних родовых коллективов. С развитием скотоводства, земледелия, металлургии все больше возрастает экономическое значение мужчины. В его руках сосредотачивается скот — главный источник существования. На него приходятся основные

**Каменные зернотерки из погребения
бронзового века. Адамовский район**

хозяйственные работы — пастьба скота, расчистка земель под посевы, горное дело. Экономическое значение женщины упало. Ее основным делом стало домашнее хозяйство. Существовавший десятки тысячелетий матриархат— материнский род — перерастает в отцовский— патриархат. Главой в роде, в семье становится мужчина. Правда, еще долго, в течение многих столетий пережитки материнского рода сохраняются в недрах патриархата: счет родства по линии матери, отдельные обряды, участие женщин в родовых советах, в выполнении жреческих обязанностей и т. д.

Судя по наблюдениям археологов и исследованиям палеоботаников и палеонтологов, древние патриархальные коллективы скотоводов и земледельцев Южного Урала жили в условиях более сухого, чем теперь, климата.

Следы поселений, могильники, рудники древних скотоводов и земледельцев второго тысячелетия до н.э. открыты во многих местах Оренбургской области, но лишь некоторые из них изучены археологами. Следы поселений открыты на берегах речки Джарлы в Адамовском районе, около сел Подольского, Брацлавки. в устье речки Кунгурлюк против села Адамовки, у посел

ка Осетин. Во всех этих местах встречаются обломки глиняной посуды, типичной для того времени. Известны следы поселений также у станции Шильда и на речке Березовке, открытые любителем-археологом инженером В. В. Веселовым.

Целый ряд поселений в Домбаровском районе, на берегах степных речек Ушкатты и Киимбай выявлен жителем села Еленовки опытным краеведом А. С. Новиченко, знатоком природы Домбаровского и соседних с ним районов.

Оренбургская археологическая экспедиция открыла и провела пробные раскопки на месте древнего поселения на левом берегу речки Кара-Бутак, выше села Аландского Кваркенского района. Ныне место поселения распаивается. Масса обломков глиняной посуды и костей домашних животных — коров, овец, лошадей — лежит на поверхности поля.

В 50-х годах ученики Гавриловской восьмилетней школы открыли следы поселения древних земледельцев и скотоводов неподалеку от своего села на правом берегу речки Чебенки, притока Сакмары. Здесь обнаружены кости животных и большое количество обломков глиняной посуды.

Зафиксированы следы поселений также на речке Боровке у хутора Дорогов Матвеевского района, у села Матвеевки Сорочинского района, у села Жидшшвки Тоцкого района, у села Феклинки Бузулукского района и т. д.

В ряде мест области обнаружены также могильные памятники родовых общин бронзового века. Они известны на берегах упоминавшихся выше рек Джарлы, Ки- имбая, Ушкатты и Кара-Буака. Они располагаются в соседстве с поселениями. Некоторые из них раскопаны археологами.

Могилы того времени открыты и частично раскопаны у села Новый Кумак недалеко от города Орска, у села Хабарного на высоком правом берегу Урала, на левом берегу Илека у поселка Увак на территории колхоза «Дружба» (Увакский могильник), на берегах реки Киндели у села Герасимовки, в верховьях реки Бузулук у села Новой Белогорки, на берегах реки Бузулук у сел Курманаевки, Перевозинки, на территории совхоза им. Свердлова и в ряде других мест.

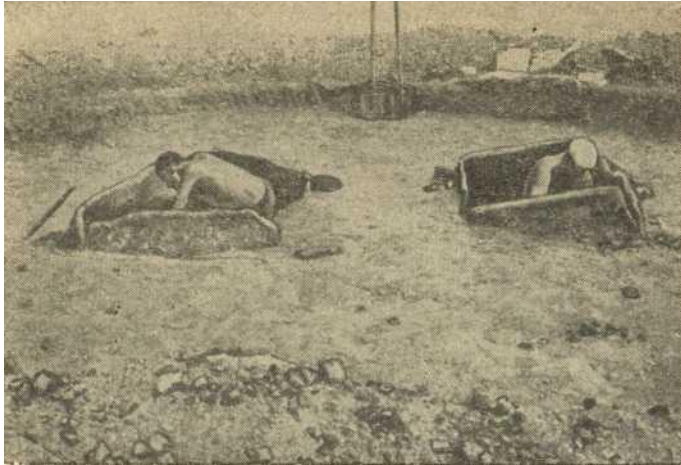
Внешний вид могил бывает различным. В западных районах области они имеют форму расплывчатых земляных насыпей, в восточных районах иногда представляют собой небольшую круглую земляную насыпь, обложенную подшоше в форме кольца каменными плитами, поставленными на ребро. Встречаются и в виде четырехугольных загоронок из каменных плит. Различается и внутреннее устройство могил: в восточных районах области часто стенки могил обложены каменными плитами, образующими род каменного ящика, который при захоронении покрывался каменной плитой. Такие могилы исследованы на реке Джарлы недалеко от Адамовки.

В западных районах области погребения совершались в грунтовых могилах без каменных плит (исключение — могильник у села Новая Белогорка). Иногда стенки могил обкладывались деревом в форме сруба и могила накрывалась деревянным настилом.

Если археологи наблюдают особенности во внешнем виде могил, их внутреннем устройстве, то обряд погребения однороден. Всюду на территории области наблюдается обряд трупоположения в определенной позе: на боку (чаще левом), в скорченном положении, ноги согнуты в коленях, руки — в локтях, кисти рук у лица. Покойника клали головой на северо-восток. Такая поза придавалась независимо от пола и возраста. При покойнике в могиле оставляли предметы быта, глиняные горшки с пищей, куски мяса.

Погребения с трупосожжениями встречаются редко.

Работами Оренбургской археологической экспедиции в период с 1956 по 1969 год обнаружено лишь 10 таких погребений. Об обряде трупосожжения можно судить по раскопкам курганного могильника, расположенного рядом с центральной усадьбой совхоза имени Свердлова на левом берегу реки Бузулука. Здесь обнаружено несколько погребений бронзового века с трупосожжениями. Покойник сжигался где-то на стороне. Остатки трупа в виде мелких обломков сгоревших костей и золы, а также кусочки спекшейся от жара земли собирались и клались либо в глиняный горшок-уриу, который устанавливался в могиле, либо просто сыпались на дно могилы в форме небольшой кучки. Сюда же, в могилу ставили один-два глиняных горшка с пищей.

**Расчистка погребений бронзового века в каменных «ящиках»,
Адамовский район**

**Детское погребение бронзового века.
Курганный группа у села Новая Бело- горка
Сорочинского района (стрелкой показано
направление на север, цифры указывают
номер кургана и погребения)**

Погребение с остатками трупосожжения. Курганная группа возле центральной усадьбы совхоза им. Свердлова Тодкого района

Оба обряда — и трупосожжение, и трупоположе- ние — сосуществовали. Полагают, что первый проник из Южного Зауралья, с территории Челябинской области, где он был типичен для раннего этапа истории древних скотоводов и земледельцев бронзового века.

Изучение обрядов захоронения позволяет до некоторой степени проникнуть в мир религиозных представлений древних племен оренбургских степей бронзового века. Очевидно, они не понимали явления смерти (поэтому покойнику придавали положение спящего, ставили в могилу пищу), почитали огонь и поклонялись ему.

Среди могильных памятников того времени встречаются обширные земляные насыпи диаметром более 20 метров, высотой свыше метра. Это родовые кладбища, содержащие по несколько десятков захоронений, близких друг другу по времени. Так, под сильно расплывшейся земляной насыпью кургана в верховьях реки Бузулук у села Новая Белогорка оказалось свыше 40 погребений. За единичными исключениями все они были детскими могилами, что указывает на высокую детскую смертность в то время.

Часто встречаются парные захоронения: женщина с детьми, мужчина с женщиной. Наличие в одной могиле мужчины и женщины указывает на подчиненное положение женщины и о ее насильственной смерти. Обычай, присущий патриархально родовым общинам: жена — рабыня мужа не только при его жизни, она остается ею и после смерти мужа.

Древние скотоводы и земледельцы оренбургских степей второго тысячелетия до н. э. были искусными и опытными горняками и металлургами.

Южный Урал богат медными рудами. Причем ими богата не только горная часть Южного Урала, но и его окраина — оренбургские степи. Здесь широко известны медистые песчаники. Они встречаются во многих районах области, особенно в междуречье Сакмары и Урала. Медистые песчаники залегают здесь сравнительно неглубоко и удобны для добычи посредством открытых карьеров и неглубоких шахт. Такие старинные южноуральские медеплавильные заводы XVIII века, как Воскресенский, Преображенский, Верхоторский работали исключительно на медистых песчаниках, располагавшихся недалеко от Оренбурга, в бассейне небольших правых притоков Сакмары — Янгиза, Верхней Каргалки, Средней Каргалки и Нижней Каргалки. Возникшие здесь в XVIII веке рудники получили название Каргалинских рудников. Они эксплуатировались в течение всего XVIII века, а часть из них — даже в начале XX века.

Однако первооткрывателями медистых песчаников на Каргалинских рудниках были не рудокопы и рудознатцы XVIII века, а древние рудокопы и металлурги второго тысячелетия до н. э. По их следам — отвалам породы, шахтам, выплавленным слиткам меди — шли рудокопы XVIII века. Они приписывали древние разработки медистых песчаников некоему легендарному народу чудь, якобы жившему в этих местах. Поэтому эти древние рудники назывались «чудскими рудниками».

Предания о чуде широко распространены на севере Европейской части СССР и в Западной Сибири. Под чудью здесь разумеются древние народы, якобы жившие здесь до прихода русских. Широко распространено также предание о гибели чудского народа. Оно гласит

следующее. Якобы чужь выкапывала глубокие ямы, устраивала потолок на столбах, который сверху засыпался землей. Затем чужь заходила в яму и подрубала столбы, поддерживавшие потолок. Потолок рушился, и под его обломками и землей хоронила себя чужь.

Владелец ряда медеплавильных заводов на Южном Урале в XVIII веке Яков Твердышев рассказывал оренбургскому историку П. И. Рычкову в 50-х годах XVIII века, что на территории Каргалинских рудников «в старину с таким искусством горная работа производилась, что нынешние штейгеры и горные служители лучше того не делают, ибо де во многих местах руду из такой глубины доставали, что поверх той руды лежит земли сажен на 20, а многие де такие шахты и копи, из коих руда выбрана, на самых ровных местах. Однако ж штольни поныне нимало не осыпались, но так стоят, как бы в недавнем времени работа на них производилась»,. Твердышев же сообщал, что таких рудокопных мест «великое множество» и что «по тем же речкам Кар- галам и в вершинах реки Самары находят сделанные из красного кирпича небольшие ручные печки и фунта по два и по три медные слитки» [21].

Сын Петра Ивановича Рычкова Николай Петрович Рычков, изучавший природу Оренбургской губернии в составе академической экспедиции П. С. Палласа и бывавший на Каргалинских рудниках летом 1769 года, тоже сообщает о следах древних рудокопов. В вершинах речки Янгиза он осмотрел медный рудник заводчика Осокина под названием Шахтемирский, в котором «прежде бывали чудские копи, и старинные рудокопатели оставили такое множество руды, что хотя уже 20 лет работают нынешние промышленники, но еще до сего дня находят превеликое множество руды». Древние «рудокопные ямы» он обнаружил также в других рудниках по реке Янгизу [22].

Горные рабочие, работавшие на Каргалинских рудниках в XIX веке, называли древние шахты «ордынскими» и подмечали интересную особенность: «орда», то есть древние рудокопы, брали только лучшую руду, оставляя плохую и посредственную. Нельзя с уверенностью утверждать что все «ордынки», все следы древних разработок на Каргалинских рудниках относятся ко второму тысячелетию до н. э., но нет сомнения, что

впервые начали здесь разрабатываться медистые песчаники именно в то время.

В 60 километрах от Каргалинских рудников и в 30 километрах от Оренбурга, на левом берегу реки Бердянки, находится другой интересный памятник древних металлургов. Это также медный рудник. Он разрабатывался и в XVIII веке и именовался тогда Сайгачьим рудником, а в наше время называется «Рудниковскими шишками».

Здесь остатки древнего рудника сохранились в виде высоких холмообразных отвалов по краям нескольких больших и глубоких (до 5 метров) ям. Еще недавно в одной из них виднелись устья трех сводчатых завалившихся штолен, вырубленных в плотных слоях красного песчаника, а в другой — завалившаяся «дудка», то есть узкая шахта круглой формы. С южной стороны рудника до сих пор сохранилась штольня. Ее устье со сводчатым верхом до двух метров высоты и шириной 1,5—1,7 метра. Галерея штольни полого идет вглубь до 13 метров. На поверхности земли от устья штольни идет пологий подъем вверх на протяжении 40 метров. Несомненно здесь шла вывозка руды. Два курганообразных возвышения с кусочками медной руды на поверхности указывают на производившийся здесь отбор и дробление добытой руды.

Академик П. С. Паллас, осматривавший медные рудники по реке Уралу выше Оренбурга в 1769 году, называет Сайгачий рудник «примечания достойным медным заводом», обнаруженным «уже за несколько лет по находящимся там старинным ширфам и штольням». Во времена Палласа там производилась добыча медной руды владельцами южноуральских медеплавильных заводов купцами Твердышевым и Мясниковым. Так как рудник находился в «киргиз-кайсацкой степи», то для защиты рудокопов поселялась команда с пушками и сам рудник был обнесен земляным валом. Паллас сообщает одну интереснейшую подробность. Он пишет:

«При Сайгачьем руднике найдена кроме многих ширфов чрезвычайно пространный и во многих местах разработанный штольня еще в хорошем состоянии, при расчищении которой найдены не только лепешки сплавленной меди, но и много круглых, из белой глины сделанных горшков, в которых медь плавил, да и кости

Устье штольни медного рудника у села Благословенки Оренбургского района в урочище «Рудниковские шишки»

засыпанных землею работников, но не видели ни малейшего следа плавильных печей». Весьма вероятно, что это та самая штольня, остатки которой сохранились до наших дней [23].

Хотя у нас и нет прямых доказательств, но сообщение Палласа о наличии «лепешек сплавленной меди» заставляет думать, что Сайгачий рудник был открыт и разрабатывался именно древними рудокопами и металлургами второго тысячелетия до н. э.

Следы древних медных рудников обнаружены также в восточной половине Оренбургской области. Известный геолог И. И. Рудницкий сообщает о следах древнего медного рудника в устье реки Блявы недалеко от города Медногорска. Следы двух рудников известны в Домбаровском районе на берегах рек Киимбай и Ушкатты. Здесь руда добывалась открытым способом. Рудник на речке Киимбае открыт жителем села Еленовки краеведом А. С. Новиченко в 1918—1919 гг. Он представляет собой открытый карьер в виде впадины длиной 46, шириной — 38 и глубиной до 4 метров. Рядом оказалась площадка, покрытая мелкими кусочками

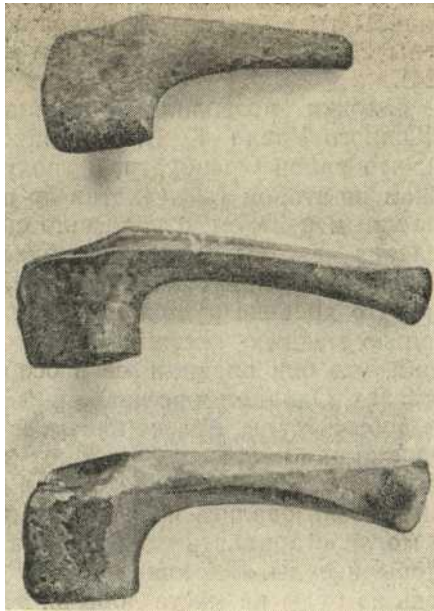
медной руды. Здесь, очевидно, дробили руду, очищая ее от породы, выбирали куски с богатым содержанием меди и делали промывку. Геологом И. Л. Рудницким на руднике были найдены каменные песты и плиты, при помощи которых производилось дробление.

Два древних медных рудника — также в форме открытых карьеров — обнаружены 40 лет назад геологами на берегах речки Ушкатты. Об этих рудниках говорилось выше. Один из них достигал в длину до 130, а в ширину — 20 метров. Возле карьеров найдены каменный пест, каменный молоток, обломки плавильных горшков.

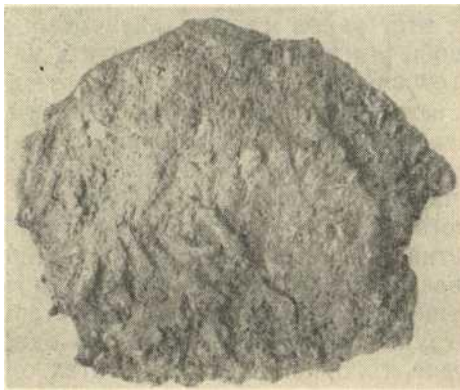
Археолог Е. Е. Кузьмина, изучавшая памятники эпохи бронзы на Ушкатте, указывает, что некоторые медные предметы обнаруженные в этом месте на поселениях древних скотоводов и земледельцев второго тысячелетия до н. э., отлиты из меди, добывавшейся из Ушкаттинско-го медного рудника.

На территории Оренбургской области обнаружены не только следы добычи, но и следы выплавки меди древними людьми. Особенно интересны находки слитков меди, названных медными «лепешками» из-за их формы. Медные «лепешки» — это продукт выплавки медной руды в каких-то примитивных печах или ямах. В Оренбургском областном музее хранятся медные «лепешки» толщиной 1,5—3 сантиметра, диаметром около 16—20 сантиметров и весом от 1600 до 3850 граммов. Верх у них ноздреватый, низ — плоский, ровный. Интересно, что известные нам медные слитки найдены в основном в радиусе нескольких десятков километров от Оренбурга, Каргалинских рудников и Сайгачьего рудника. Рядом с некоторыми из них обнаружены предметы быта древних скотоводов и земледельцев второго тысячелетия до н. э. Именно такой характер имела находка, обнаруженная в Соль-Илецке в 1954 году. При рытье фундамента здесь были найдены два медных слитка с обломками глиняного сосуда древних скотоводов и земледельцев второго тысячелетия до н. э. Эта находкашний раз подтверждает, что если не все, то большинство медных слитков — результат деятельности древних металлургов эпохи бронзы.

Особенно интересна находка, обнаруженная в 1915 году в селе Рычковке (40 километров от Оренбурга вниз по реке Уралу). Здесь в вершине оврага, разде-

**Медные топоры — кайла. Хранятся в
Оренбургском краеведческом музее**

**Медная «лепешка». Вес 3350 г. Найдена в Соль-
Илецке. Хранится в Оренбургском
краеведческом музее**

ляющего усадьбы трех братьев Даминевых, на глубине метра найдены 22 медных слитка общим весом 3 пуда 26 фунтов [24].

Все эти находки позволили виднейшему знатоку древностей Южного Урала К- В. Сальникову сделать вывод о том, что район Оренбурга в эпоху бронзы, то есть в основном во втором тысячелетии до н. э., был как бы «промышленным центром, откуда шло снабжение металлом населения не только соседних областей, но, может быть, и более отдаленных районов» [25].

Мы знаем, что древние рудокопы добывали медную руду с помощью медных, костяных, каменных и деревянных орудий, что они плавили ее в особых печах — горнах или тиглях. Однако у нас нет данных о характере организации добычи руды. Мы не знаем, находились ли древние рудники во владении только определенных патриархальных родов древних скотоводов и земледельцев или же ими пользовались и дальние родовые общины, которые могли отправлять сюда специальные экспедиции для добычи руды. Возможно, эти экспедиции выплавляли медь из руды на месте добычи, а может быть, доставляли в свои поселения руду в сыром виде. Значительное число медных слитков, найденных в районе Оренбурга с его ближайшими рудниками — Каргалинскими и Сайгачьими все же заставляет думать, что древние родовые общины этого района крепко держали в своих руках этот район и специализировались не только в области добычи и плавки медной руды, но также и в области изготовления металлических орудий. Готовую продукцию в виде слитков и орудий труда они обменивали на различные предметы ближним и дальним родовым общинам.

Детальное изучение археологических памятников древних скотоводов, земледельцев и металлургов второго тысячелетия до н. э. на территории Оренбургской области привело археологов к важному и интересному выводу о существовании в оренбургских степях в этот период двух групп племен, стоявших на одном хозяйственном уровне, говоривших на диалектах одного и того же древнеиранского языка, но различавшихся некоторыми особенностями в материальной культуре (формы и орнаментация глиняной посуды, формы некоторых орудий труда и т. д.), в религиозных воззрениях (спо

собы устройства могил, обряд погребения), в антропологическом отношении.

Группа племен, обитавших в западной части области, была по своему происхождению тесно связана с поволжскими, условно именуемыми в археологической науке «срубными» племенами (они устраивали деревянные срубы в могилах). Другая группа племен, располагавшаяся на востоке области, несла характерные черты тех племенных объединений, которые занимали степи Северного Казахстана и территории, простиравшиеся далеко на восток, вплоть до верховьев Енисея. Эта группа именуется в археологии «андроновскими племенами» (по названию могильника, изученного в районе села Андроновое, около города Минусинска).

Нельзя провести точную границу между этими родственными племенами. Они находились в мирных отношениях. Между их членами заключались брачные союзы. Лишь условно можно наметить границу этих двух племенных групп: район Соль-Илецка, район Оренбурга и дальше к северу по линии Оренбург — Уфа [26].

*
* *

Изменения, происшедшие к началу первого тысячелетия до н. э.: дальнейшее развитие производительных сил, в частности переход к кочевому скотоводству, переход от медных и бронзовых орудий к железным, проникновение в среду андроновских и срубных племен новых народов с востока — все это привело к сложению на Южном Урале, в том числе в оренбургских степях, новых больших племенных объединений, речь о которых пойдет в следующем очерке.

Чаша Атромитра

В Оренбургском областном краеведческом музее хранится древнее серебряное блюдо (фиала). Оно — украшение археологической коллекции музея. Это блюдо— произведение древнеперсидских мастеров. Оно совершило огромное путешествие от древней Персии до оренбургских степей. Нам неизвестно, как блюдо проделало свой путь, в чьих руках оно побывало, прежде чем попало в одну из древних могил, пролежало в ней около 2400 лет и в 1911 году вновь увидело свет и люди увидели его. Творение древнего мастера бережно хранится, как великолепный памятник искусства и в то же время как уникальный памятник древности Оренбургского края.

Блюдо (фиала) по высоте 5 сантиметров, диаметр по дну — 20,5 сантиметра, диаметр по верхнему краю — 25 сантиметров. Дно блюда украшено красивым рельефным растительным орнаментом, центральная часть дна — орнаментом в виде цветка и расходящихся от него длинных лепестков (розетка). Узкий выпуклый кантик с рисунком из мелких кружочков с точкой посередине отделяет розетку от второго ряда орнамента, идущего по краю дна блюда. Он состоит из 16 углублений, напоминающих сверху узкую и глубокую чайную ложечку и изображающих, вероятно, или бутоны, или плоды.

Между ними помещены рельефные изображения цветов и листьев. По краю блюда неряшливо пробиты в трех местах по паре отверстий. Несомненно, эти отверстия сделаны не мастером блюда, а пробиты позднее.

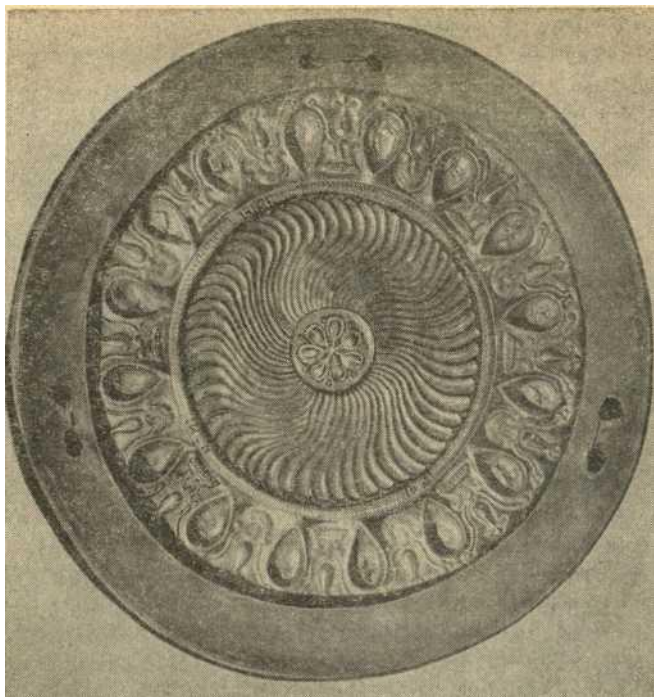
Но не только украшения, тонкость и мастерство являются примечательными качествами блюда. На нем сохранилась надпись. Она выполнена еле заметным пунктиром арамейскими письменами на древнеперсидском языке. Надпись прочтена крупнейшим специалистом по восточным языкам русским академиком П. К. Коковцевым. Она читается: «Ташти Атромитр», — что означает в переводе: «Чаша Атромитра» [27].

Атромитр — древнеперсидское имя. Оно встречается в произведениях древнеперсидской литературы. Нам неизвестно, кем именно был Атромитр. Возможно, это владелец блюда — какой-нибудь персидский вельможа или богатый купец. А может быть, это имя самого мастера. Когда-нибудь исторические исследования дадут нам разгадку этого имени. Специалистами, знатоками древнеперсидского искусства «Чаша Атромитра» датируется концом IV — началом III века до н. э. [28].

История находки «Чаши Атромитра» такова.

Шел голодный, неурожайный 1911-й год. Трудно жилось украинским переселенцам — крестьянам деревни Прохоровки Михайловской волости Оренбургского уезда (ныне село Прохоровка Шарлыкского района). Вот тогда-то решил крестьянин этой деревни Логин Платонович Олиференко попытать свое счастье в поисках клада в тех курганах, которые виднелись на полях деревни и даже на его собственном поле. Ведь не напрасно же на них по ночам виднелись огни! Это, по народному поверью, был явный признак зарытого в них клада. Недавно Логин Платонович побывал на своей родине в Полтавской губернии и видел там, как один профессор копал курганы. Он снимал насыпь кургана или копал колодец в его центре, а затем, как говорили, забирал со своими помощниками деньги и золото, лежащее в кургане.

И вот в одну из теплых июльских ночей Олиференко отправился с сыновьями копать курган, который находился на их поле. Курган достигал около полутора метра в высоту и около 23 метров в диаметре. Они поднялись на вершину кургана и заложили раскоп колодцем.

Древнеперсидское серебряное блюдо с надписью «Чаша Атромитра». Хранится в Оренбургском краеведческом музее

Об этом узнали из Прохоровки и решили попутать Олиференко. Они подкрались в темноте к кургану и начали кричать и бросать горящие головни, изображая чертей, защищающих клад. Однако это не напугало кладоискателей. Целую ночь они копали и вырыли глубокий колодец. Но клада не было. Уже рассветало, когда Олиференко, усталые, бросили работу и отправились домой. Соседей Олиференко очень интересовало, нашли ли они что-нибудь в кургане. Воспользовавшись их уходом, два крестьянина спустились в раскоп и железным прутом стали ощупывать дно и -стенки ямы. Неожиданно щуп ударился о что-то твердое. Они замерли. Клад! Быстро раскидали землю. Скоро в их руках оказались два больших серебряных блюда диаметром около 25 сантиметров, богато украшенные рельефным растительным

орнаментом. Одно из них было той самой Чашей Атромитра, о которой говорилось выше. Находка так подействовала на крестьян, что они немедленно принялись за раскопку соседнего кургана. Через несколько дней еще три кургана на полях деревни Прохоровки были разрыты.

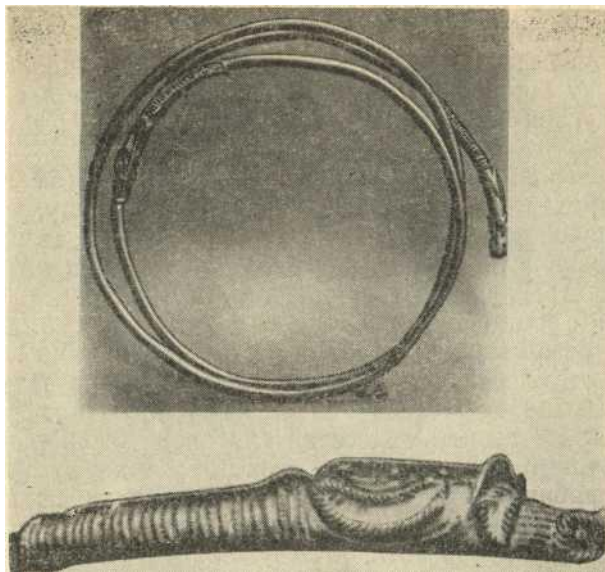
Уцелел лишь один большой курган рядом с поселком Прохоровкой. И уцелел он только потому, что на нем располагалось кладбище. Но еще до того, как в нем стали хоронить, он был разграблен. Огромная яма почти в центре кургана говорила о работе кладоискателей. Курган с кладбищем сохранился до наших дней.

Слухи о находках золотых и серебряных вещей быстро разнеслись по соседним деревням. Жители Плетнев-ки, Кузьминовки, Ново-Федоровки и других деревень взялись за лопаты. Десятки курганов были разрыты крестьянами, охваченными «золотой лихорадкой». Из этих грабительских раскопок лишь находки из прохоровских курганов попали в Оренбургский музей и то по счастливой случайности. Между кладоискателями Прохоровки вспыхнула драка при дележе добычи. Это привело к вмешательству урядника и станового пристава. Найдены были изъяты у крестьян и 7 августа 1911 года поступили в Оренбургский музей (тогда он именовался музеем Оренбургской ученой архивной комиссии).

Летом 1915 года Оренбургский музей посетил крупнейший русский археолог М. И. Ростовцев. Его очень заинтересовали находки из прохоровских курганов. По его просьбе С. И. Руденко (впоследствии видный советский археолог) в августе 1915 года снова произвел раскопки четырех уже раскопанных прохоровцами курганов и с помощью крестьян-кладоискателей установил, какие вещи и в каких курганах были найдены.

Выяснилось, что все четыре кургана представляли земляные насыпи высотой от одного до полутора метров и диаметром от 23 до 28 метров.

В кургане, раскопанном Л. П. Олиференко (будем именовать его первым), был похоронен мужчина. Кроме двух серебряных блюдов в могиле найдены и другие предметы. У южного конца ее стоял железный литой панцирь. По рассказам крестьян, он был совершенно цел. Крестьяне из любопытства надевали его на себя, примеряли, пока не уронили и не разбили на куски. На

Медная гривна, обложенная золотой пластинкой. Курган № 1 у
села Прохоровки \

Внизу — конец гривны в виде головы фантастического
животного

шейных костях скелета лежала шейная гривна (обруч) в виде спирали в 2,5 оборота. Она состояла из медной проволоки, обложенной золотой пластинкой. Концы ее имели изображение головы какого-то хищного мифического зверя. Общая длина гривны составляла 141 сантиметр.

В этой же могиле были найдены медный браслет, гладкое крупное металлическое зеркальце с ручкой, золотой оклад ножен меча в виде пластинок из тонкого листового золота и рукоятка железного меча или кинжала, обложенная тонким листовым золотом.

Второй курган содержал погребение жещины-вои- на в возрасте 55—60 лет. В ее могиле найдены шейная гривна из медной проволоки, обложенная листовым золотом, железный кинжал, железный наконечник копья, железный трехгранный наконечник стрелы, часть круглого металлического зеркала, крупная бусина из синего стекла и медная цилиндрическая пронизь.

В третьем кургане были похоронены мужчина и женщина (судя по черепу, мужчине было около 40 лет). В могиле кладовщики нашли железный меч, 60 медных трехгранных наконечников стрел, каменные бруски-точилки, два медных зеркальца, обломок третьего зеркала, три костяные туалетные ложечки, ожерелье из белых меловых бус, резное костяное навершие в форме рыбьей или птичьей головы, глиняный сосудик и несколько белых раковин.

Четвертый курган содержал погребение троих человек, в том числе двух женщин. Сохранившиеся от кладовисческих раскопок два черепа принадлежали женщинам в возрасте около 50 лет. В могиле кладовщиками были найдены шейная гривна из медной проволоки, обложенная золотым листом и разломанная на шесть частей, мелкие и крупные бусы, золотые подвески или серьги, зеркало, обломки трех глиняных сосудов и треть каменного жертвенного блюда.

Все раскопанные курганы оказались весьма близкими друг другу по времени. Дата их довольно точно определялась серебряными блюдами.

Об одном из них — о «Чаше Атромитра» — мы рассказывали выше. Второе было такого же размера. Его дно также украшено красивым рельефным растительным орнаментом и глубокими углублениями, напоминающими по виду чайную ложечку. На внешней стороне блюда оказалась надпись, выполненная арамейским письмом. Она состояла из цифровых знаков и сокращений, расшифровка которых представляла большие трудности. Русский академик П. К. Коковцев предположил,

Золотой оклад ножен
меча и железная
рукоятка. Курган №
1 у с. Про- хоровки.
(Оренбургский
музей)

что, по всей вероятности, они обозначали вес чаши.

Оба блюда относятся к одному и тому же времени — к концу IV — началу III века до н. э. Следовательно, погребения, раскопанные крестьянами деревни Прохоровки, совершались около 2400 лет назад.

Наличие золотых вещей в курганах указывает на то, что в них были похоронены не рядовые члены общины. Владелец железного панциря, двух серебряных блюд, золотой гривны, меча и ножен с золотыми украшениями, могила которого раскопана крестьянином Олиференко, был, несомненно, видным представителем рода или племени, быть может, одним из племенных или родовых вождей.

Серебряное блюдо с надписью «Чаша Атромитра», а также несколько других находок из прохоровских курганов (железный меч, украшение ножен меча, рукоятка меча, часть бус, золотые подвески, кинжал) хранятся в Оренбургском краеведческом музее. Некоторые вещи попали в Центральный музей Казахстана.

*

* *

30 апреля 1911 года в Оренбургскую ученую архивную комиссию поступило сообщение от крестьянского начальника 3-го участка Уральского уезда Ф. Я. Попова о том, что некоторые жители села Покровки, расположенного при впадении реки Хобды в реку Илек (ныне село Покровка Соль-Илецкого района), начали раскапывать курганы. Повод к раскопкам подали, оказывается, суслики.

Однажды дети-пастухи заметили, что суслик из своей норы на кургане вместо земли выбрасывает уголь. Район Покровки безлесный, уголь—прекрасное топливо для самоваров.

«Не прошло и двух дней,— писал в своем сообщении Ф. Я. Попов,— как из двух-трех курганов было вывезено несколько возов угля жителями Покровки».

При добыче угля стали попадаться вещи, в том числе золотые. Это послужило сигналом для раскопки следующих курганов в поисках драгоценных вещей. Так «суслик-археолог», прокладывая норы в кургане, стал невольным виновником раскопки многих курганов в окрестностях села Покровки.

Ф. Я. Попову удалось отобрать у кладоискателей и прислать в Оренбургскую ученую архивную комиссию всего лишь две золотых бусины, золотое изображение бараньей головы, обломок кости с резным украшением и осколок стеклянной посуды.

Много лет спустя, в 1949 году автору этих строк довелось побывать в селе Покровке и случайно познакомиться с одним из активных участников этих раскопок — Иваном Никандровичем Прокудиным, в то время уже очень пожилым человеком. Он был весьма начитанным, знал о скифах, сарматах, ассирийцах. Он не скрывал, что занимался раскопкой курганов. Рассказывал, что его за это много раз вызывали к земскому начальнику и к становому приставу. Чтобы отвязаться от станового, он дал ему взятку — два золотых «перстня», выкопанных им в кургане. По рассказам Прокудина, земский начальник Ф. Я. Попов успел отобрать лишь очень незначительную часть найденных крестьянами находок, а ценные в материальном отношении вещи были припрятаны кладоискателями.

Летом 1911 года оренбургский археолог И. А. Кастанье по поручению Оренбургской ученой архивной комиссии выехал в село Покровку и снова раскопал два кургана, уже раскопанных крестьянами. Они находились в 15 верстах от села Покровки в степи, стояли рядом и потому именовались казахами «Кос оба», то есть «Парные курганы». Первый из них был высотой свыше 4 метров, второй — 3,5 метра.

При раскопке первого кургана выяснилось, что над могилой, полностью разграбленной кладоискателями, было обширное деревянное сооружение в форме правильного четырехугольника, напоминающего, как писал И. А. Кастанье, «русскую избу». Стены этого сооружения состояли «из громадных деревянных бревен, лежавших друг на друге несколькими рядами». Это сооружение, очевидно, покрывалось также бревнами. Когда было совершено погребение, сооружение подожгли, а затем засыпали землей. Часть его успела сгореть, часть бревен обуглилась. Образовался слой угля, который и добывался крестьянами для растопки самоваров. Очевидно, в кургане было такое же деревянное сооружение, какое раскопано Оренбургской археологической экспедицией в 1960 году в кургане № 8 в урочище «Первые Пятим ары» на тер

ритории колхоза «Дружба» Соль-Илецкого района (см. ниже очерк «Тайны Пятимаров»).

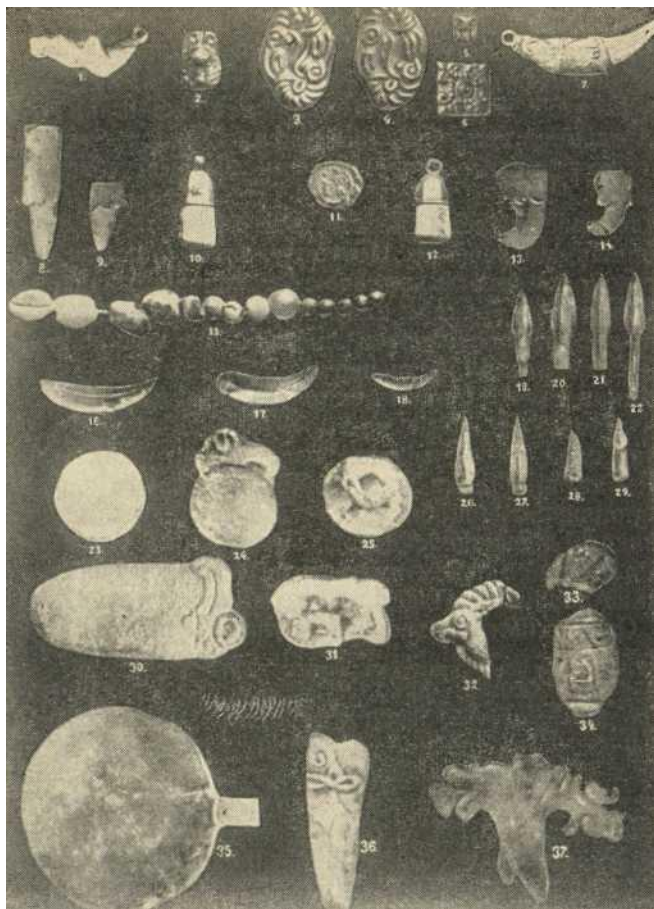
Судя по рассказам крестьян, в этом кургане были найдены части уздечного набора в виде блях, украшенных головой грифона *, бронзовая головка горного козла, медное круглое зеркало и два черепка грубого глиняного сосуда. Все эти вещи были отобраны Ф. Я. Поповым у крестьян и переданы в Оренбургскую ученую архивную комиссию.

Второй курган имел также деревянное сооружение в форме настила или помоста, перекрывавшего могильную яму. Погребение также было разграблено, но в нем уцелели некоторые вещи, не замеченные грабителями. Среди них печать в виде конуса из белого халцедона древнеперсидского типа; клык крупного животного (может быть, медведя), обделанный золотом, с колечком для подвешивания; золотые бляшки; две золотые головки львов с петельками сзади; две золотые головки кабана; различные бусы; восемь бронзовых трехгранных наконечников стрел; осколки стеклянного сосуда из древнего стекла, именующегося «финикийским стеклом»; обломки железа; кусочки дерева (на одном сохранились следы малиновой краски, на другом — какое-то резное украшение); обломок костяной ложечки; кусочки дерева с железными гвоздиками; куски кожаного ремня и остатки кожи с орнаментом; обломки глиняного сосуда, сделанного на гончарном круге и хорошо обожженного. Видимо, головки животных, печать, клык были частью ожерелья, золотые бляшки — частью головного убора, обломки дерева — от деревянного резного ящика, кожа — от кожаного колчана [29].

Из этих находок по крайней мере четыре были не местного происхождения. Это печать, обломки «финикийского стекла», черепки глиняного сосуда и бусинка из морской раковины. Все они завезены из южных стран.

Бусинка из морской раковины, несомненно, привезена с берегов Индийского океана, так как только в его водах водится такой вид морского моллюска. Глиняный сосуд был среднеазиатского происхождения. Стеклянный сосуд — из далекой Передней Азии, так как только там в древности изготавливали стеклянную посуду из особого

* Г р и ф о н — мифическое животное с туловищем льва и головой орла.

Вещи из погребений курганов, расположенных у села Покровки: 1— раковинка в золотой оправе; 2— золотая головка льва; 3 и 4 — золотые нашивные бляшки; 5 — золотая бляшка в виде головы кабана; 6 — золотая бляшка; 7 — клык хищного животного в золотой оправе; 8, 9, 13 и 14 — золотые скобки — украшения пояса; 10 и 12 — древнеперсидская печать из белого халцедона; 11 — изображение на печати — царь, борющийся со львом; 15 — бусы; 16, 17 и 18 — клыки хищных животных; 19—22 и 26—29 — медные трехгранные наконечники стрел; 23—25, 30, 31 — медные бляхи из уздечного набора; 32 — бронзовая головка козла; 33, 34 — кусочки дерева; 35 — медное зеркало; 36 — фигурка из кости; 37 — кусочек кожи

сорта стекла, условно называемого «финикийским». Наконец, печать была из древней Персии.

Большинство найденных вещей указывает скорее всего на то, что в могиле была похоронена женщина — представительница родовой или племенной знати, среди украшений которой были дорогие вещи иноземного происхождения.

Древнеперсидская печать позволяет довольно точно датировать погребение. Поэтому кратко опишем ее. Она вправлена в золотой колпачок со скобочкой наверху для подвешивания. Нижняя плоская часть имеет обычное для древнеперсидских печатей времени ахеменидов резное изображение царя, борющегося со львом, поднявшимся на задние лапы. Правая рука царя схватила льва за горло, в левой руке он держит меч. Печать выражала могущество царя и, возможно, изготовлена, как полагал И. А. Кастанье, «для какого-нибудь знатного персидского сановника». Подобные печати встречаются среди памятников древнеперсидской монархии. Изображения борьбы царя со львом имелись на фронтонах роскошных царских дворцов в Персеполе — одной из персидских столиц. Специалисты-археологи датируют печать V веком до н. э., то есть тем временем, когда во главе Персидского царства стояли преемники Дария I Ксеркс (486—465 гг. до н. э.), Артаксеркс (465—424 гг. до н. э.) и когда могущество Персидской империи клонилось к упадку.

Таким образом, древнеперсидская печать точно определяет время погребения и надгробные сооружения во втором кургане. Это — V век до н. э.

Все находки этого погребения в настоящее время хранятся в коллекциях Центрального музея Казахстана.

Таким образом, в 1911 году в двух пунктах (в районе деревни Прохоровки и села Покровки, отстоящих друг от друга почти на 200 километров) крестьяне раскопали древние могилы V и конца IV — начала III вв. до н. э. В них оказались вещи из далеких южных стран.

*
* *

В апреле 1902 года в поселке Красногор Оренбургского казачьего войска (современное село Красногор Саракташского района Оренбургской области) умер 115-летний

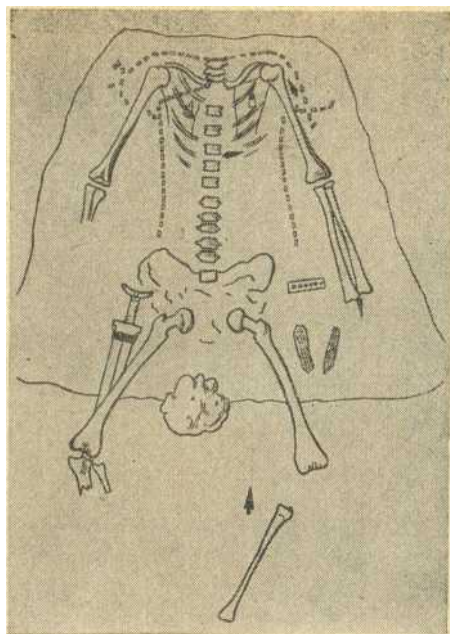
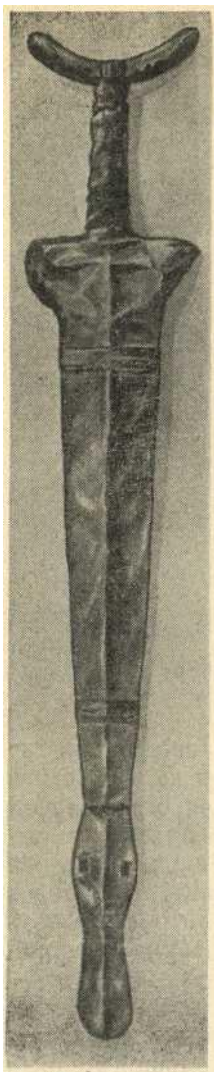

Схема погребения воина в Красногорском кургане

старик. Перед смертью он рассказал своему внуку предание, которое сообщил ему также перед своей смертью его дед.. В предании говорилось, что в шиханах (курганах), находящихся на красногорских полях, «зарыты клады в виде денег, медных сосудов, большого запаса оружия и даже древних царских колесниц». Поверив в это предание, красногорские казаки начали раскапывать один из шиханов в полутора верстах от поселка в вершине Сухой речки.

Раскопки были приостановлены казачьим начальством и найденные в кургане изъеденные ржавчиной и распавшиеся на куски три железных меча и небольшой медный котел были направлены в Оренбургскую ученую архивную комиссию.

По поручению этой комиссии курган был снова раскопан членами комиссии А. Аниховским в 1902 году и археологом Н. Макаренко в 1903 году. Курган находился на вершине возвышенности, имел земляную насыпь высо

Меч из
Красногорского

той около 4 метров и в) окружности более 40 метров.

Как показали раскопки, в кургане находилось три погребения. Главное из них — IV века до н.э. было разграблено казаками. Ими взяты оттуда мечи и котел. Второе содержало остатки трупопожжения. Третье, не тронутое казаками и исследованное Н. Макаренко, оказалось погребением воина. Скелет лежал на спине и был без черепа. Отсутствовала часть нижних конечностей, которые могли быть растасканы сусликами. Под костяком виделись остатки истлевшей кожи. По контуру этой кожи лежало более 100 золотых полых, как бы витых трубочек. Очевидно, покойник был завернут в кожаный плащ, обшитый шнуром с золотыми украшениями в виде трубочек. В пределах торса покойника лежало шесть трехгранных бронзовых наконечников стрел, причем один из них был вонзен в правую лопатку с наружной стороны. Все эти обстоятельства ясно указывали на то, что воин погиб в бою.

Вместе с погибшим воином его сородичи положили в могилу короткий меч или кинжал. Он лежал у правого бедра скелета. Его деревянные ножны были обложены с наружной стороны тонким золотым листом. Рукоятка меча имела прямую крестовину и серповидное навершие. Вся она была также обложена листовым золотом, украшенным псевдозернью [30].

Меч воина целиком напоминал меч, найденный в первом прохоровском кургане. Раскопки ясно показывали, что оба погребения — и прохоровское, и красногорское — были богатыми и совершенными примерно в одно и то же время, то есть в конце IV — в начале III вв. до н. э.

Ж
* *

Мы рассмотрели находки из курганов, находящихся у поселка Прохоровки, у села Покровки и у поселка Драсногор. Как мы видели, они датируются археологами V веком и концом IV — началом III вв. до н. э. Кто же были те родовые общины и племена, которые жили в оренбургских степях свыше 2400 лет назад и имели торговые, экономические или даже политические связи с далекой Персией и более дальними странами?

Археологические исследования и работы советских археологов Б. Н. Гракова, К. Ф. Смирнова и многих других, а также дошедшие до нас письменные свидетельства древних античных историков позволяют ответить на этот вопрос.

Страна савроматов— сарматов

В конце II и в начале I тысячелетия до н. э. на обширных степных пространствах от нынешних казахстанских до южнорусских степей древнее оседлое скотоводческо-земледельческое население начинает переходить к кочевому скотоводству. Этот переход был неизбежным результатом дальнейшего развития хозяйства. Благоприятные природные условия — обширные и богатые травами степи, изобилие воды — содействовали этому.

Процесс формирования кочевого скотоводства происходил также в поволжских и южноуральских степях. В результате длительного исторического процесса видоизменения характера хозяйства к VII веку до н. э. в южноуральских степях возникают первые кочевые скотоводческие племена — ранние кочевники. Следует отметить, что начиная с этого времени и почти вплоть до конца XVI века н. э., то есть почти на протяжении двух тысячелетий, южноуральские степи становятся местом кочевий различных кочевых племен и народов.

Накопление огромного опыта по выплавке металла в период бронзового века, изобретение новых способов получения высоких температур путем сооружения печей и установки мехов сделали возможным использование нового материала для изготовления орудий труда — железа.

Широкое распространение различных сортов железной руды способствовало быстрому освоению плавки железной руды и изготовлению путемковки железных орудий и оружия. Так в VIII—VII вв. до н. э. древнее население на территории нашей Родины вступает в новый этап развития производительных сил — в ранний железный век. Об этом периоде истории человечества Энгельс писал: «Человеку стало служить железо, последний и важнейший из всех видов сырья, игравших революционную роль в истории...» *

В этот период, то есть в VIII—VII вв. до н. э. древнее население южноуральских степей также осваивает процесс плавки железной руды и изготовления железных орудий и оружия. Каменные орудия выходят из употребления, медь и бронза применяются лишь для изготовления различных украшений и предметов быта. Население Южного Урала вступает в новый этап своего развития — в ранний железный век, или, по выражению Энгельса, в «эпоху железного меча, а вместе с тем железного плуга и топора».**

Изучение археологических памятников раннего железного века на обширной территории от низовий Дона и до казахстанских степей, от прикаспийских степей и до лесостепных районов Башкирии и Челябинской области показало, что здесь находятся 'весьма близкие по своему характеру археологические, главным образом могильные, памятники, датирующиеся временем от VII века до н. э. по IV век н. э.

Сходство в орудиях труда, предметах вооружения и быта, тождественность в погребальных сооружениях и погребальных обрядах указывают, что эти археологические памятники оставлены близкородственными племенами. В процессе многовекового исторического развития и общения у них возникали определенные типы вещей, складывались определенные формы общественных взаимоотношений.

Античные историки сохранили нам племенные названия ранних кочевников. Начиная с Геродота (V век до н. э.) племена, кочевавшие на территории от низовий Дона до казахстанских степей, в том числе на территории

* К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2-е, т. 21, стр. 163.

** Там же, стр. 162—163.

нижеволжских и южноуральских степей, античными историками и писателями именуются савроматами (ранние) и сарматами (поздние). Названия «савроматы» и «сарматы» общие, собирательные. Под этими названиями значился целый ряд племен, имевших свои собственные наименования: язматы, яксаматы, языги, сираки, аорсы, роксоланы, аланы и другие.

Название савроматы впервые сообщается Геродотом. Он пишет: «За рекою Танаисом (то есть Доном) уже не скифская земля; первый из тамошних участков земли принадлежит савроматам, которые, начиная от угла Ме-отийского озера (то есть Азовского моря), занимают пространство' на 15 дней пути к северу» [31].

Ученые полагают, что Геродот, в силу тогдашних географических представлений, был неточен. Распространение народа савроматов следует считать не на север, а на северо-восток, то есть в направлении заволжских и южноуральских степей.

Наименование «сарматы» становится известным со II века до н. э. Однако на страницах работ античных историков еще долгое время встречается название «савроматы».

Савроматские и сарматские племена по своему происхождению были потомками оседлых скотоводческо-земледельческих племен второго тысячелетия до н. э. — срубных и андроновских племен. Но в их состав влились и более восточные племена, передвинувшиеся из южноказахстанских и приаральских степей.

Савроматские и сарматские племена южноуральских степей составляли лишь часть огромного массива многочисленных родственных кочевых племен, охватывавших своими кочевьями южнорусские, поволжские, южноуральские, южноказахстанские и среднеазиатские степи. На территории от Днепра до Дона кочевали скифские кочевые племена, которых Геродот именует «царскими скифами» и «скифами-кочевниками». За Доном начинались кочевья савроматов. Еще дальше на восток, в южноказахстанских, среднеазиатских степях жили саки и массагеты. Все эти племена говорили на различных диалектах древнеиранских языков. Геродот сообщает о близости языка савроматов к языку скифов. Он пишет, что «савроматы говорят на скифском языке, но издревле искаженном». Если на востоке и западе савромат-

ские и сарматские племена граничили с родственными по языку кочевыми племенами, то на севере, в пределах Башкирии и Западной Сибири, они соприкасались с древними финно-угорскими племенами.

Почти единственным видом археологических памятников савроматских и сарматских племен в южноуральских степях являются их могилы в виде различной величины курганов, по-местному называемых «мэрами» или «шиханами». Как правило, савроматские и сарматские курганы оренбургских степей представляют земляные насыпи высотой от нескольких десятков сантиметров до нескольких метров. Встречаются и огромные курганы, достигающие 5—7 метров в высоту.

Савроматские и сарматские курганы чаще всего встречаются группами, образуя курганные могильники. Обычно они располагаются на высоких местах, на вершинах сыртов, откуда открывается широкая панорама на окрестные степи. К сожалению, большое количество курганов, в том числе и сарматских, распаханы и следы их установить очень трудно¹.

Из огромного числа курганных погребений савроматских и сарматских племен в оренбургских степях выявлена и изучена незначительная часть. К числу раскопанных курганов относятся описанные выше четыре прохоровских кургана, красногорский курган и курганы «Кос-Оба» у села Покровка на реке Хобде. Прохоровские курганы и красногорский курган оставлены сарматскими племенами конца IV—III вв. до н. э., курганы Кос-Оба — савроматами в V веке до н. э. Погребения этих племен известны и за пределами Оренбургской области. Погребения савроматов IV—V вв. до н. э. открыты на Маячной и на Берлинской горе, находящихся ныне на территории города Оренбурга.

Часть савроматских и сарматских памятников Оренбургской области изучена в послереволюционное время советскими археологами. В 20-х и 30-х годах они изучались крупными советскими археологами Б. Н. Граковым и К. В. Сальниковым, а также научными работниками Оренбургского музея И. А. Зарецким, Д. И. Захаровым. С 1956 года савроматские и сарматские могильные памятники изучаются Оренбургской археологической экспедицией Института археологии Академии наук СССР и Оренбургского областного краеведческого му-

Курганная группа Иш-Оба в окрестностях села Старый Кумак Новоорского района

зея, руководимой доктором исторических наук археологом К. Ф. Смирновым.

В процессе работы экспедиции раскопаны и изучены савроматские и сарматские погребения в окрестностях села Аландского Кваркенского района, около села Новый Кумак Новоорского района, на территории колхоза «Дружба» Соль-Илецкого района, на берега\ реки Киндели — у села Герасимовки и у хутора Барышникова, на берегах реки Бузулука у села Любимовки, в урочище Шиханы между селами Липовкой Бузулукского района и Проскурино Курманаевского района. Особо ценные археологические материалы получены в результате раскопок на территории колхоза «Дружба» Соль-Илецкого района (см. очерк «Тайны Пятимаров»),

В течение тысячелетнего периода обитания сарматских племен в поволжских и южноуральских степях в процессе их исторического развития изменялась материальная культура, развивались формы общественного устройства, обогащалась духовная культура. Следы этих изменений несут на себе сохранившиеся археологические памятники — орудия труда, оружие, конское снаряжение, могилы, предметы погребальных обрядов,

предметы быта, украшения и т. д. Сообразно этим изменениям, история савроматских и сарматских племен делится на четыре крупных этапа, или ступени.

Первый этап — савроматский. Он охватывает историю, этих племен в период VI—IV вв. до н. э. В это время культура савроматов чрезвычайно близка к скифской. В общественном устройстве сильны пережитки матриархата.

Второй этап — раннесарматский или прохоровский — с IV по II век до н. э. Прохоровским назван потому, что впервые характерные памятники этого этана дали курганы у деревни Прохоровки, раскопанные крестьянами в 1911 году и исследованные археологом С. И. Руденко в 1915 году (см. предыдущий очерк). За это время культура сарматских племен утрачивает скифский облик, приобретая все более и более самостоятельный характер. Это проявляется в новых типах погребальных сооружений, новых формах оружия и глиняной посуды. Например, вместо короткого меча скифского типа савроматского времени типичным становится длинный, иногда до 1,3 метра меч с прямым брусковидным перекрестием и серповидным навершием. Сарматская (прохоровская) культура, сложившаяся среди племен Южного Приуралья, быстро распространяется среди остальных сарматских племен и становится общесарматской культурой.

В этот же период происходит расселение сарматских племен с их исконных территорий на запад, на территорию нынешних южнорусских степей, в места скифских кочевий.

Третий этап — среднесарматский, с I века до н. э. по начало II века н. э. В это время происходят новые изменения в материальной и духовной культуре и общественных отношениях сарматских племен. В частности, меняется вооружение сарматских воинов. Типичными становятся мечи и кинжалы с кольцевидным навершием и прямым перекрестием. Появляются тяжеловооруженные воины в составе дружины племенных вождей. В быт проникают многочисленные вещи греческого и римского происхождения. Все слабее чувствуются пережитки матриархата.

С расширением территории сарматских племен сарматская культура заимствуется другими племенами и в

свою очередь испытывает влияние с их стороны. По выражению знатока сарматских древностей археолога К- Ф. Смирнова, сарматская культура в это время переживает свой триумф. Усложненная влиянием местных культур, она распространяется среди многих народов, «расселенных- от порогов Днепра и гор Северного Кавказа до каменистых степей Приуралья» [32].

Четвертый этап — позднесарматский, со II по IV век н. э. В материальной культуре сарматов этого периода чувствуется сильное влияние восточных, в частности, гуннских племен. В среду сарматов проникают длинные гуннские луки с костяными обкладками, широко распространяется обычай искусственной деформации черепа. В обиходе появляются многочисленные вещи и украшения позднеримского типа (ножницы, фибулы-приколки, бусы). В погребениях родо-племенной знати встречаются золотые и бронзовые диадемы со вставками из полудрагоценных камней. Почти полностью утрачиваются пережитки матриархата. Женщина- сарматка становится рабыней своего мужа. Сарматские племена образуют мощный племенной союз во главе с аланами.

Позднесарматский этап является последним периодом самостоятельной жизни сарматских племен в южноуральских и поволжских степях.

Основой хозяйства савроматских и сарматских племен нижневолжских и южноуральских степей являлось кочевое скотоводство. Они были главным образом овцеводами и коневодами. Крупный рогатый скот занимал второстепенное место. В составе стад были также верблюды. Скотоводство давало главные продукты питания: молоко, кумыс, мясо, сушеный творог — курт. От скотоводства получали шерсть, шкуры для изготовления одежды, войлок, кожи.

Кочевой быт этих племен отдаленно напоминал быт кочевников позднего времени, например, казахов XVIII века, но имел, конечно, целый ряд больших особенностей. Судя по сообщениям античных историков, савроматские и сарматские племена кочевали на повозках, на которых были устроены кибитки, крытые войлоком или древесной корой. Их возили быки, верблюды. До начала больших передвижений на запад быт савроматских и сарматских племен носил полукочевой характер-

Сармат с конем (реконструкция). На рисунке видим, что череп сармата искусственно деформирован

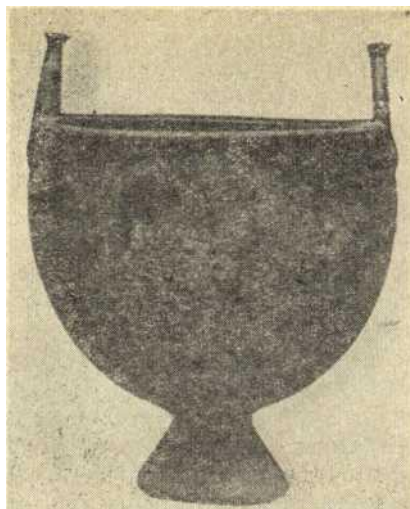
тер: летом они кочевали, а зимой на некоторое время останавливались на одном месте, где строили какие-то постоянные жилища. На это указывают остатки деревянных сооружений над могилами, напоминающие своей формой срубы.

Сосредоточение могильных памятников-курганов в определенных местах заставляет думать, что каждое племя, каждый род имели определенный район кочевий, установившийся в течение многих столетий. Кочевая территория являлась собственностью рода и племени. Род, племя ее защищали. Нарушение границы приводило к стычкам, военным столкновениям между родами и племенами. Скот находился в личном пользовании каждой отдельной семьи.

Остатки зерен проса, встреченных в глиняных сосудах в погребениях, говорят о том, что возможно, эти племена при полупоседлом характере хозяйства могли при зимниках иметь небольшие поля и заниматься земледелием.

Савроматы и сарматы были умелыми и опытными металлургами. Они плавил железную и медную руды. Занимались кузнечным ремеслом и литейным делом. Анализы некоторых сарматских мечей, найденных в пределах Оренбургской области, указывают, что они сделаны из местных руд. Сарматские рудокопы добывали также медную руду из тех медных рудников, которые были известны их предкам — андроновским и срубным племенам. Кузнецы-оружейники ковали железные мечи, кинжалы. Мастера литейщики отливали из бронзы и меди котлы, зеркала, украшения, ювелиры изготавливали высокохудожественные украшения из золота. Женщины и девушки катали войлок, пряли шерсть, ткали шерстяные материи, также, вероятно, изготавливали ткани из дикорастущей конопли и крапивы.

Общественный строй савроматских и сарматских племен представлял последний этап первобытнообщинного строя, этап военной демократии. Основой общественного устройства являлась патриархальная родовая община, состоявшая из ряда отдельных патриархальных семейств. В свою очередь родовые общины объединялись в племена, а племена -- в племенные союзы. Весьма важной особенностью для ранних этапов истории сарматских племен, особенно для савроматского периода (VI—IV вв. до н. э.), является наличие сильных пережитков матриархата. Эти пережитки проявлялись в почетном положении женщины — иногда в качестве главы рода, племени, ее участие в войне и в выполнении жреческих функций. Эта особая роль женщины у

Сарматский медный котел

савроматских и сарматских племен отмечается античными авторами и полностью подтверждается данными археологических исследований.

Геродот сообщает, что «савроматские женщины исстари ведут свой образ жизни: они ездят верхом на охоту с мужьями и без них, выходят на войну и носят одинаковую с мужчинами одежду. Относительно браков соблюдается у них следующее правило: ни одна девушка не выходит замуж, пока не убьет врага...» [33].

Близкий современник Геродота знаменитый врач и естествоиспытатель Гиппократ пишет: «Их женщины ездят верхом, стреляют из луков и мечут дротики, сидя на конях, и сражаются с врагами, пока они в девушках, а замуж они не выходят, пока не убьют трех неприятелей, и поселяются на жительство с мужьями не прежде, чем совершат обычные жертвоприношения...». Гиппократ сообщает также об обычае выжигания матерями у девушек правой груди, чтобы «вся сила и изобилие соков» перешли в правое плечо и руку [34]. Историк

IV века до н. э., автор «Описания моря, прилегающего к населенной Европе, Азии и Ливии», указывает, что «народ савроматов управляется женщинами» [35].

Античные авторы сообщают о случаях, когда во главе родов и племен стояли женщины. Греческий историк Полиен (II век н. э.) сообщает о сарматке Амаге, жене «сарматского даря», которая «сама чинила суд и расправу, сама расставляла гарнизоны в своей стране, отражала врагов и помогала обижаемым соседям» [36].

О высоком почетном положении женщины на ранних этапах общественного развития сарматских племен указывают также археологические исследования.

Курганы ранних сарматов-савроматов (VI—IV вв. до н. э.) часто группируются вокруг женского погребения, как бы вокруг своего женского предка. Так, в курганной группе в урочище Горбатый Мост около села Нежинки, раскопанной археологом Б. Н. Граковым в 1928 году, вокруг кургана с погребением женщины-савроматки VI века до н. э. группировались четыре кургана с сарматскими погребениями IV—III вв. до н. э. Это не случайность. Люди, которые хоронили соплеменников вокруг древнего кургана с женским погребением, считали себя потомками похороненной женщины. Некоторые женские могилы отличаются особым устройством, подчеркивающим заботу и внимание к погребенной [37].

Археологические исследования подтверждают сообщения античных историков о воинственности сарматок, о том, что их уже с детства приучали владеть оружием. Во многих могилах не только около женщин, но и около девочек встречается оружие, главным образом наконечники стрел. В курганной группе «Первые Пяти-мары» на территории Соль-Илецкого района исследовано погребение девочки V века до н. э. Вместе с туалетной костяной ложечкой в могиле лежала кучка бронзовых и железных наконечников стрел (см. очерк «Тайны Пятимаров»). В другом женском погребении IV—III вв. до н. э. (поселок Матвеевский на реке Орь), исследованном археологом Б. Н. Граковым в 1930 году, наряду с типично женскими украшениями—серебряной сережкой, бусами и бисером—в ногах погребенной лежали остатки колчана с 20 бронзовыми наконечниками стрел [38].

Особое высокое положение женщины подтверждается также тем, что многие женщины на ранних этапах развития сарматских племен являлись жрицами рода и семьи. В некоторых женских могилах периода VI—I вв. до н. э. встречаются каменные переносные алтари-

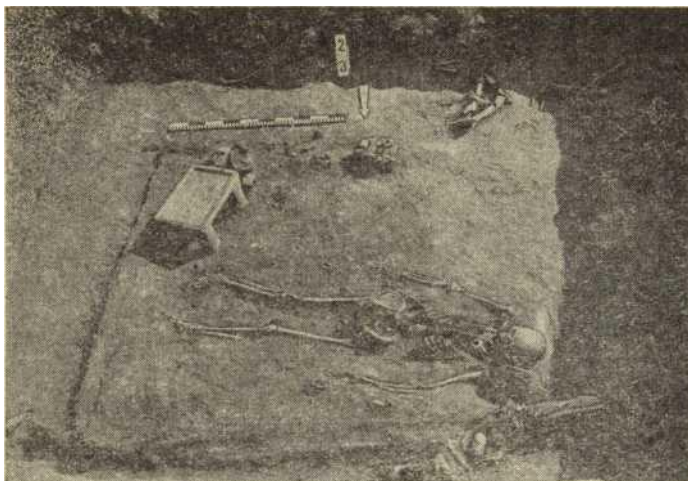
жертвенники в виде круглых или четырехугольных столиков на ножках или блюд и кучки галек, служивших гадательными камешками при выполнении религиозных обрядов женщинами-жрицами. Эти жертвенные столики и блюда были связаны с почитанием огня и жертвоприношениями священному огню, солнцу. На них также растирали священные краски для натирания лица, рук перед отправлением жреческих обязанностей, на них, вероятно, воскуривали ароматические вещества, ставили жертвенные сосуды и разные предметы культа.

Из погребений женщин-жриц на рубеже VI—V вв. до н. э. особенно интересны погребения, исследованные Оренбургской археологической экспедицией в 1957 году в урочище Тара-Бутак на территории колхоза «Дружба» Соль-Илецкого района. В большой могильной яме со следами деревянного саркофага лежала пожилая женщина с богатым ожерельем на шее. В ее могиле найдены зеркало, пряслице для веретена, раковины с остатками минеральной краски красного, белого, черного, голубовато-зеленого и желтого цвета, два глиняных горшка, кости кусков туши лошади и барана. В ногах женщины лежала кучка галек и стоял большой каменный прямоугольный алтарик-жертвенник на четырех массивных ножках. На нем лежал кусок соснового дерева со следами потертости. В могилу положены также две уздечки с металлическими украшениями. Они свидетельствовали о том, что жрица была наездницей.

Аналогичное погребение обнаружено в соседнем кургане.

Археолог Б. Н. Граков полагает, что в кургане №2, раскопанном крестьянами у деревни Прохоровки, также была похоронена жрица.

На поздних ступенях развития сарматских племен (I век до н. э. — IV век н. э.) пережитки матриархата утрачиваются. Все больше крепнет патриархальная семья, и женщина становится рабой мужа. Интересным свидетельством установления патриархальной семьи являются позднесарматские (аланские) парные погребения в Поволжье. В одной из аланских могил II—IV вв. н. э. у поселка Каменного близ станции Шипово найдены два костяка: мужской и женский. На женском чере-

Погребение савроматской жрицы. Урочище Тара-Бутак на территории колхоза «Дружба» Соль-Илецкого района

пе обнаружены явные признаки насильственной смерти [39].

Судя по погребальным памятникам, уже на самых ранних этапах истории сарматских племен наблюдается большое имущественное неравенство между отдельными семьями. В роде выделяются богатые семьи, владевшие наибольшим количеством скота. Резко отличается от рядовых членов рода родовая и племенная знать — родовые старейшины, племенные вожди. В их руках сосредотачивается большее количество скота, они имеют лучшее оружие, красивую одежду, украшают своих коней красивой упряжью, в их хозяйственном обиходе бытуют иноземные вещи — заморские бусы, хо- резмийские глиняные сосуды, иранские серебряные чаши. Можно предполагать, что в хозяйстве родовой и племенной знати применялся труд военнопленных — рабов и рабынь. Вокруг отдельных вождей группировалась военная дружина не только на время походов, но и в мирное время, составляя своего рода личную охрану вождя, его телохранителей, его гвардию. Однако имущественное неравенство не перерастало рамки родового строя и не привело к образованию классов и появлению

нию государства. Сарматские племена оставались на последней ступени родового строя, на ступени военной демократии.

Огромные земляные курганы, встречающиеся по сыртам оренбургских степей, являются погребальными памятниками знати сарматских племен. Остатки богатых захоронений савроматской знати были раскопаны Оренбургской экспедицией в 1960 году в урочище Первые Пятимары на территории колхоза «Дружба» Соль-Илецкого района. Среди них найдено одно пышное захоронение с пятью конями и двумя мужчинами-дружинниками или рабамителохраниителями. Оно, несомненно, принадлежало родовому или племенному савроматскому вождю V века до н. э. (см. очерк «Тайны Пятимаров»),

Сарматские племена объединялись в племенные союзы. Уже в VI—IV вв. до н. э. они образуют два крупных таких объединения. Одно охватывало поволжские племена, второе—более восточные, жившие в бассейне рек Самары и Урала.

В IV—III вв. до н. э. начинают формироваться новые племенные союзы. В оренбургских степях складывается крупное племенное объединение, во главе которого становится сарматское племя аорсов (под таким названием оно известно античным писателям). Полагают, что важную роль в формировании этого союза играли богатые и могущественные роды, кочевавшие в бассейне реки Илека. Сюда вошли и родственные сарматам племена, пришедшие с востока.

Существование этого племенного союза нашло отражение в древних китайских исторических сочинениях. Китайский путешественник II века до н. э. Чжан Цянь, побывавший в Средней Азии, именует этот союз именем Яньцай, которое, полагают, является китайской переделкой слова аорсы.

Почти одновременно со сложением аорского племенного союза возникают на территории сарматских племен и другие, менее крупные племенные союзы. Во второй половине IV века до н. э. из среды савроматов Поволжья выделяется племя сирмавов. Оно переходит реку Дон и расселяется в приазовских степях к западу от Дона. В последние века до н. э. складывается крупный племенной союз во главе с сарматским племенем сираков. Основной территорией этого союза стали вос

точные районы Северного Кавказа. В состав этого объединения вошли и местные племена меотов. В восточных приазовских степях выдвигаются языги, а в поволжских степях — роксоланы.

Аорский союз сарматских племен значительно расширяет свое влияние на огромную территорию от Аральского моря на востоке до Дона на западе и до восточных районов Северного Кавказа на юге. Сарматские племена аорского племенного союза проникают в пределы Башкирии, в район среднего течения реки Белой, движутся на запад. Они оказывают давление на более западные сарматские племена — сираков, роксоланов, языгов, которые переходят в конце IV — в III столетии до н. э. реку Дон и появляются в южнорусских степях, в пределах Скифии. Они теснят скифов на запад, в пределы Крыма, и уже во II веке до н. э. сарматские племена становятся хозяевами южнорусских степей.

Во II—IV вв. н. э. в пределах бывшего аорского племенного объединения начинает складываться новый племенной союз. Во главе его становится племя аланов. С конца IV века я. э. название «аланы» становится общим для многочисленных сарматских племен южнорубских и заволжских степей.

Появление нового крупного племенного союза в южноуральских и поволжских степях нашло отражение в китайских источниках. Китайская «История младшей династии Хань» (25—221 гг. н. э.) сообщает: «Владение Яньцай переименовалось Аланья...» [40].

Аланский племенной союз был последним крупным племенным союзом сарматских племен в поволжских и южноуральских степях.

На протяжении многовековой жизни в поволжских и южноуральских степях савроматские и сарматские племена имели тесные экономические, торговые и даже политические связи не только с соседними племенами, но и с отдаленными культурными центрами того времени. На западе они вступали в тесные взаимоотношения с меотскими племенами Северного Кавказа и со скифами южнорусских степей, а через последних — с греческими колониями, расположенными в Причерноморье; на севере — с финно-угорскими племенами; на востоке и юго-востоке — с сако-массагетскими племенами и с рабовладельческими государствами Средней Азии, в первую

очередь с Хорезмом, а через его посредство — с далеким Ираном и Индией.

Виднейший специалист по скифским древностям археолог Б. И. Граков полагает, что сообщение Геродота о существовании торгового пути скифов на восток заслуживает полного доверия. Наличие этого пути в VI—IV вв. до н. э. подтверждается многими археологическими находками, в

частности бронзовыми зеркалами, изготовленными греческими и скифскими мастерами. Два таких бронзовых зеркала обнаружены в пределах Оренбургской области: одно в кургане у села Преображенки на реке Бузулук, другое в кургане урочища Биш-Оба у города Орска. Оба зеркала на конце ручки имели схематическое изображение пантеры.

Находки этих зеркал и некоторых других греческих вещей указывают, что торговый путь скифских купцов на восток шел через нынешние оренбургские степи, через земли древних кочевников савроматов. Автор капитальной работы «Савроматы» К. Ф. Смирнов считает возможным наметить направление этого пути. Он полагает, что «скифы могли переправляться через Волгу где-то в районе Саратова и вдоль заволжских рек попадали на реку Бузулук и далее на Урал» [41]. Этим путем мог попасть также тот железный панцирь греческой работы, который был обнаружен в первом прохоровском кургане. Целью торговых поездок скифов было получение меди, золота, пушнины.

Скифский торговый путь на восток просуществовал вплоть до IV века до н. э. Однако связи сарматских племен с западом продолжались и после этого. В конце XIX века в Каргалинских рудниках была найдена бронзовая медаль 116 года н. э. с изображением римского императора Траяна [42].

Подвеска-амулетик египетского происхождения с изображением лежащего льва (натуральный размер). Найдено в сарматском погребении первых веков н. э. на территории совхоза им. Свердлова Тонкого района

Особо интенсивные торговые, экономические и политические связи имели савроматские и сарматские племена южноуральских степей с сако-массагетскими племенами и со Средней Азией, в первую очередь с Хорезмом — рабовладельческим государством, возникшим в низовьях Аму-Дарьи. К. Ф. Смирнов полагает, что уже к IV веку до н. э. возник «постоянный караванный путь из приуральских степей в Хорезм и другие страны Средней Азии и Переднего Востока».

Наиболее ярким выражением связей савромато-сарматских племен со Средней Азией и через посредство Хорезма также с Персией, Индией, Передней Азией являются находки вещей работы мастеров и ремесленников этих стран. Приведем несколько примеров.

Знаменитые два серебряные блюда, на одном из которых обнаружена древнеперсидская надпись «Чаша Атромитра», а на другом — сокращенные надписи с обозначением веса (см. предыдущий очерк), являются изделиями древнеперсидских мастеров рубежа IV — III вв. до н. э. Ими же в V веке до н. э. изготовлена серебряная чаша, найденная в шестом кургане в группе «Первые Пятимары» (см. очерк «Тайны Пятимаров»), Древнеперсидскими мастерами V века до н. э. сделаны печать с изображением царя, золотые бляшки с изображением льва, грифона, горного козла, найденные у села Покровки Соль-Илецкого района в 1911 году. С берегов Персидского залива привезены раковины каури, найденные в этом же кургане и украшавшие ожерелье погребенной в нем женщины-савроматки.

Вероятно, также через Персию из Передней Азии попали в сарматские кочевья оренбургских степей стеклянные сосудики из «финикийского стекла», осколки которых были найдены во втором кургане группы Кос-Оба у села Покровки (см. предыдущий очерк) и в четвертом кургане в урочище «Первые Пятимары», а также кусочек самшита, из которого сарматским мастером был изготовлен деревянный гребешок.

Из Средней Азии проникали различные украшения: золотые сережки, стеклянные, каменные, сердоликовые бусы, подвески из ляпис-лазури и т. д.

Специфически хорезмийскими товарами являются прекрасно изготовленные глиняные сосуды. Несколько таких сосудов и их обломков обнаружены в курган-

ных погребениях IV—III вв. до н. э. на территории колхоза «Дружба» Соль-Илецкого района.

Связи савроматских и сарматских племен Южного Урала со Средней Азией не исчерпывались экономическими и торговыми сношениями. Земли южноуральских савроматских племен близко подходили к северным пределам Хорезмийского царства. Савроматские и сарматские воины могли находиться в рядах хорезмийского войска.

Савроматские и сарматские племена поддерживали экономические и торговые связи и с северными соседями — финно-угорскими племенами. Через посредство сарматских и савроматских племен попали в Башкирию персидские бронзовые чаши — фиалы V века до н. э., найденные на реках Юрюзань и Куганак.

Быть может, также через Персию, а затем через посредство сарматских племен южноуральских степей в V—IV вв. до н. э. проникла на берега далекой Камы, в район нынешнего города Перми, бронзовая фигурка египетского бога Амона.

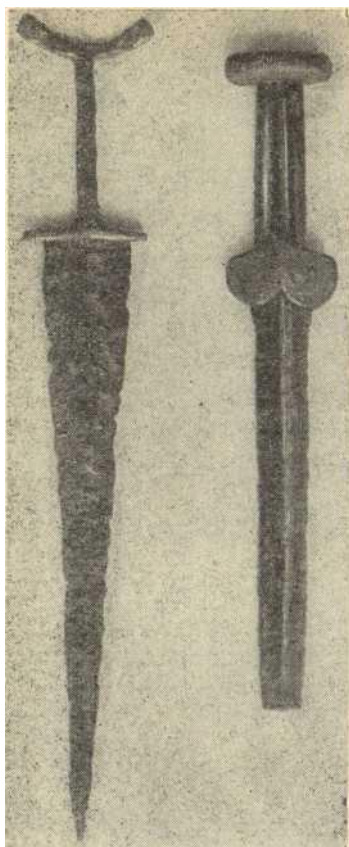
В свою очередь от финно-угорских племен к сарматским племенам оренбургских степей тоже попадали отдельные вещи. В 1954 году в 12 километрах от Оренбурга, на горе Сулак, найден клевец — типичное боевое оружие финно-угорских племен бассейна реки Камы конца VI — начала V в. до н. э.

Савроматские и сарматские племена были воинственным народом. Межплеменные войны, набеги на соседние племена служили одним из источников наживы и обогащения. Война для них становилась промыслом. Согласно сообщениям Геродота, савроматы (вероятно, те, которые соседствовали со скифами) участвовали на стороне скифов в войне против персидского царя Дария, 'вторгшегося в скифские степи в 514 году до н. э.

С детства привыкшие к верховой езде, савроматы и сарматы воевали главным образом конным строем.

Аммиан Марцеллин, греческий историк IV века н. э., сообщает об аланах:

«Все, что по возрасту и полу непригодно для войны, Держится около кибиток и занимается мирными делами, а молодежь, с раннего детства сроднившись с верховой ездой, считает позором ходить пешком, все они вслед

Сарматские мечи: слева — найденный в окрестностях села Хортица Александровского района, справа — на левобережье реки Ток в окрестностях поселка Луговского Красногвардейского района

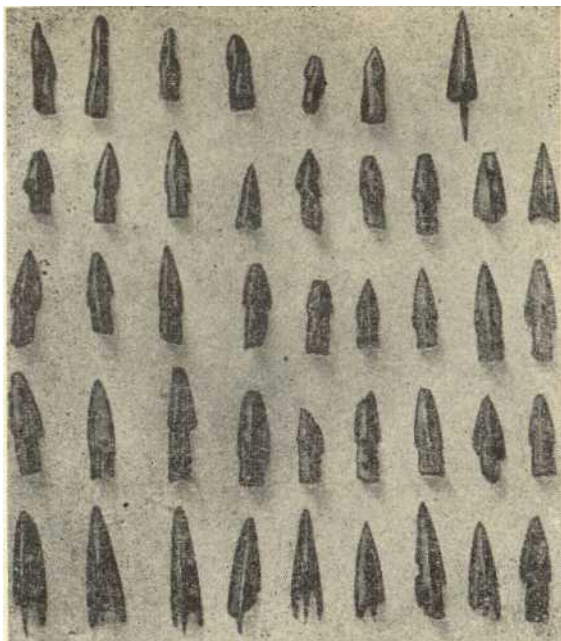
ствие разнообразных упражнений являются дельными воинами» [43].

В случае нужды и большой опасности в военных действиях участвовали и женщины. Сарматы ездили без седел, вместо них служили войлочные подстилки или подушки подтянутые ремнями. Главным видом оружия савроматских и сарматских племен были лук и стрелы, железный меч, копья и легкие дротики. Однако на протяжении тысячелетней истории этих племен видоизменялись формы мечей, формы и материал наконечников стрел, изменялся характер оборонительного оружия — щитов, панцирей.

У ранних сарматов, то есть савроматов, были в употреблении преимущественно короткие железные мечи-акинаки скифского типа. У поздних сарматов появляются длинные тяжелые мечи, рассчитанные для рукопашного боя непосредственно с коня.

Наконечники стрел имели трехгранную форму. На ранних этапах они были бронзовые, на поздних — железные. Специалисты-археологи установили определенные типы наконечников стрел для отдельных этапов развития сарматских племен. Возможно, как и скифы, сарматы начинали их ядом.

Античные историки первых веков оставили обстоятельные описания вооружения сарматских племен, поя-

Коллекция сарматских бронзовых наконечников стрел.
Найдены на прибрежных дюнах озера Ба- лабаново
Соль-Илецкого района

вившихся в южнорусских степях. По этим описаниям, сарматы были вооружены длинными мечами, огромными тяжелыми копьями, луком и стрелами. Их защищали панцири из костяных или железных чешуек. Та же чешуйчатая броня покрывала их коней. Появляются и кольчатые брони. Военная аристократия сарматских племен имела лучшее наступательное и оборонительное оружие. Они были закованы в панцири с головы до ног, напоминая тяжеловооруженных персидских воинов — катафрактариев.

Надо полагать, что именно такой характер наступательного и оборонительного оружия был также у поздних сарматов южноуральских степей.

Способ ношения оружия у сарматских племен был таким же, как и у скифов. С левой стороны к поясу специальным крючком прикреплялся колчан для лука и

стрел. На правом боку висел меч. Чтобы он не болтался и не беспокоил коня при езде, он привязывался ремешком к ноге. К правой же ноге прикреплялся кинжал в деревянных или кожаных ножнах. На поясе висел каменный оселок для точки наконечников стрел, меча и кинжала.

Некоторые письменные памятники, а также археологические исследования позволяют нам представить внешний облик савроматов и сарматов, их одежду, украшения, оружие.

Одежду савроматы, как и скифы, шили из материи или кожи, оторачивали мехами. В холодные месяцы они носили меховые кафтаны с широкими и длинными рукавами, позволявшими пользоваться ими в мороз как муфтой. В теплое время они одевались в короткие одежды, охваченные в талии узким пояском с пряжкой. Узкие кожаные штаны или широкие шаровары заправлялись в мягкие кожаные сапоги и подвязывались ремешками над ступнею. Головы покрывались войлочными башлыками. Вероятно, как и скифы, савроматы носили длинные волосы и бороды.

Опальный римский поэт Овидий, сосланный из Рима в 9 году н. э. на окраину Римской империи, в город Томи на Дунае, и наблюдавший сарматов, так их описывает:

«Свирепое лицо, грубый голос, ни волосы, ни борода не пострижены, между ними нет ни одного, который не носил бы налущья, лука и синеватых от змеиного яда стрел...» [44].

Одежда женщин савроматок и сарматок мало отличалась от мужского костюма. При кочевом образе жизни они как и мужчины носили шаровары. Головной убор их, как и у скифских женщин, мог состоять из платка или остроконечного высокого головного убора. Археологические находки в могилах женщин савроматок указывают, что женская одежда расширялась мелкими бусинами, бисером. Они нашивались на головной убор, на ворот и грудь одежды, на края рукавов и шаровар. Ими украшали пояс и обувь.

В зависимости от социального и имущественного положения одежда отличалась своим качеством и украшениями. Богатые и знатные женщины, например жрицы, нашивали на одежду и головной убор золотые

бляшки, в ушах носили золотые серьги, височные кольца, на шее — ожерелья из стеклянных и каменных бус, золотых шариков. Представители родоплеменной знати — мужчины и женщины — носили золотые шейные обручи — гривны. И в женских и мужских могилах сарматов встречаются бронзовые и медные кольца и перстни.

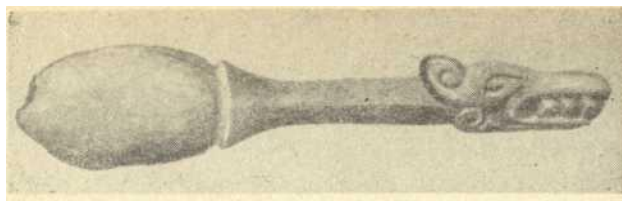
Некоторые из украшений мужского и женского костюма могли иметь характер оберегов или амулетов. Такими могли быть клыки животных, предметы в виде колесиков и дисков, связанные с почитанием солнца, золотые пластиночки с изображением животных и т. д.

В более поздние периоды развития сарматских племен характерной частью одежды мужчин становится плащ. О захоронении воина с плащом в кургане у села Красногор мы рассказывали выше. Судя по сохранившимся изображениям сарматов в греческих расписных склепах Пантикапеи (Керчь) первых веков нашей эры, сарматы носили короткие рубахи, пояс, штаны и мягкие сапоги. Плащ и рубаха застегивались особой пряжкой (фибулой). На парадную одежду знатных сарматов нашивались золотые бляшки, украшенные цветной эмалью, цветными камнями.

Предметами личного обихода и туалета служили бронзовые зеркала, гребни, туалетные краски, костяные и роговые ложечки для их растирания, глиняные или алебастровые сосудики для хранения ароматических веществ или мазей и т. д.

Примечательно, что большинство предметов, найденных при человеческих останках, были положены в могилы разбитыми. Часто вместо целого зеркала сарматы клали только часть его. На некоторых из зеркал видны следы действия огня. Очевидно, прежде чем положить в могилу, их помещали в огонь. Это говорит о религиозных воззрениях сарматских племен. Они подобно многим другим народам рассматривали зеркало как вместилище души, как предмет, обладающий волшебной магической силой. В виде народного поверья такое отношение к зеркалу сохранилось до наших дней (обычай: завешивать зеркало при покойнике, считать за плохое предзнаменование, если разбито зеркало).

Как и скифы, сарматы, особенно на ранних стадиях своего развития, любили украшать оружие, конское

Костяная туалетная ложечка. Конец ручки вырезан в виде головы хищного зверя с оскаленной пастью. Курганная группа «Первые Пятимары», курган № 4

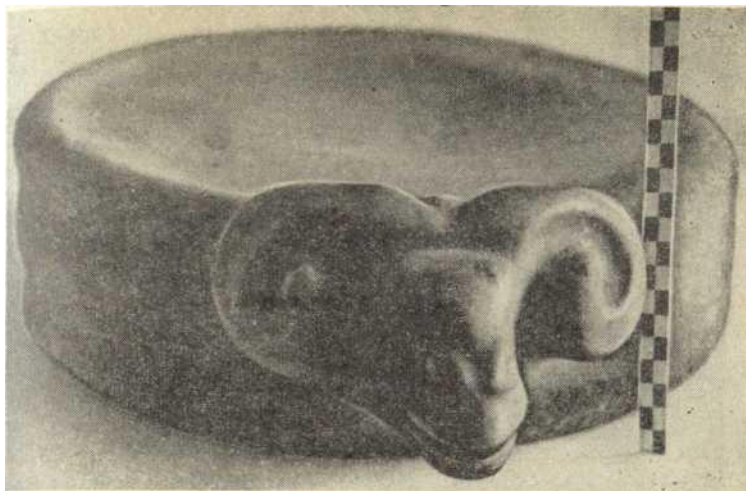
снаряжение, предметы быта изображением хищных птиц, хищных зверей. Эти особенности в искусстве древних мастеров принято называть «звериным стилем». Часто вместо полного изображения животного или птицы древний мастер передавал только часть натуры: голову, глаза, когти, копыта и т. д. Наряду с реальным изображением встречаются стилизованные. Часто встречаются сюжетные композиции, изображающие борьбу животных. Резчики по камню в «зверином стиле» украшали ножи и бортики каменных алтариков.— жертвенников. Мастера-литейщики в «зверином стиле» отливали поясные пряжки, украшения уздечек, рукоятки бронзовых зеркал и т. д.

Излюбленными видами животных савроматских и сарматских мастеров для украшения вещей в «зверином стиле» были хищные звери — барс или пантера, медведь, волк; из травоядных — олень, лось, горный козел, сайга, кабан, лошадь, верблюд, баран; из птиц — хищные, в частности орел.

Превосходные образцы изделий, выполненных в «зверином стиле», обнаружены при раскопках савроматских курганов в упоминавшейся выше курганной группе «Первые Пятимары» (О них подробно рассказывается в очерке «Тайны Пятимаров»),

Интересный образец литья в «зверином стиле» был найден в Северном районе Оренбургской области около поселка Иркуль в 1959 году в раскопанном трактористами кургане: бронзовая бляха отлита в виде свернувшегося хищного зверя.

Все эти изображения имели в своей основе древние религиозные верования, связанные с почитанием животных (тотемизмом). Различные сюжетные композиции

Каменный жертвенник с изображением головы барана. Выпахан в 1941 году в окрестностях села Камардиновки Александровского района

возможно служили своего рода художественной иллюстрацией народных сказаний, преданий, сказок, религиозных представлений савроматских и сарматских племен, смысл и значение которых нам ныне трудно или совсем невозможно понять.

Изучение археологических памятников и письменных источников позволяет также представить отдельные стороны религиозных воззрений сарматов и савроматов. Наиболее характерным для них было почитание огня. Культ огня проявляется в трупосожжениях, в сожжении над могилой огромного погребального костра, в засыпке могильной ямы остатками священного погребального костра, то есть углем, перегорелой и прокаленной землей. Следы огромных погребальных костров над могилами родо-племенной знати в виде толщ угля, докрасна прокаленной земли обнаружены Оренбургской археологической экспедицией в одном из курганов у села Аландского и ряде больших курганов в урочище «Первые Пятимары».

Интереснейший памятник, связанный с почитанием огня, который можно назвать условно «Храмом огня»

или «Святилищем огня», изучен Оренбургской археологической экспедицией в 1966—1967 гг. в курганной группе «Шиханы», находящейся на высоком сырту между селами Липовка Бузулукского района и Проскурино Курманаевского района. Здесь рядом с обычными курганами в виде земляных насыпей имеется несколько кольцевидных валообразных сооружений. Одно из них диаметром 30 метров было раскопано экспедицией. Оказалось, что внутри кольцевого вала находится обширная и глубокая яма (диаметр по верху вала 6 метров, по дну — более 2 метров, глубина от уровня древнепочвенного слоя — 2 метра), заполненная остатками костра— сажей, угольками и слоем рыхлой, докрасна пережженной земли с включением кусков спекшейся от высокой температуры.

Нет сомнения, что в этой яме горели костры, которые затем засыпались землей. Нахождение этого памятника рядом с курганами, давшими сарматские погребения, говорят о связи этого памятника с погребальными церемониями сарматов. Здесь, вероятно, жгли огромные костры во время погребений или поминовений. Здесь производили жертвоприношения. Землю, получившую священные свойства от соприкосновения с огнем, подсыпали в могилу погребенного и в курганную насыпь.

Таким образом, раскопанный памятник был как бы «хранителем огня» или «святилищем огня». Это пока единственный в своем роде памятник, раскопанный археологами. Дальнейшие исследования подобных памятников позволят лучше понять их назначение [45].

С почитанием, с культом огня связаны каменные переносные алтарики-жертвенники VI—IV вв. до н. э., о которых речь шла выше, а также комочки красного вещества (реальгара), который часто встречается в могилах, символизируя огонь, свет.

Несомненно, с какими-то религиозными воззрениями савроматов и сарматов связан обычай посыпать дно могилы мелом, класть туда куски мела или ставить в могилу белые раковины.

Возможно, что, как и у скифов, у савроматов был обычай поклонения богу войны в виде железного меча. Греческий историк IV века Аммиан Марцеллин, лично наблюдавший сарматское племя алан, сообщает: «Они

по варварскому обычаю втыкают в землю обнаженный меч и с благоговением поклоняются ему как Марсу, покровителю стран, по которым они кочуют» [46].

*

* *

Тысячу лет обитали сарматские племена в южноуральских и нижневолжских степях, развивая свою материальную и духовную культуру. Процесс самобытного существования сарматских племен был прерван натиском гуннов и началом Великого переселения народов. Теснимые с востока новыми племенами, поздние сармато-аланские племена двинулись на запад. Оставшиеся влились в состав новых пришельцев, преимущественно тюркских племен, и постепенно утратили свою самобытность.

Тысячелетняя жизнь сарматских племен в южноуральских степях должна была отразиться в географических названиях рек, озер, гор и различных урочищ. Однако попытки выявить в современных географических названиях Оренбургской области древние иранские — сарматские названия пока не дали результатов. Они переименованы, забыты или заменены новыми названиями, преимущественно тюркского происхождения. Лишь, вероятно, в названиях таких рек, как Самара, Сакмара, Касмара (или Касмарка), сохранились древние сарматские названия, основа которых — «мар», — возможно, означала «вода», «река».

Иной была история поздних сарматских племен, перешедших за Волгу и Дон и под именем алан появившихся в северокавказских и южнорусских степях. Часть аланских племен осела в северокавказских степях. Их далекими потомками являются современные осетины — единственный народ, язык которого позволяет до некоторой степени судить о языке древних скифов и сарматов.

Иная судьба ожидала аланские племена, двинувшиеся из южнорусских степей дальше на запад. Часть из них в V веке глубоко проникла в пределы Западной Европы — в бывшие римские провинции на территории нынешней Франции и Испании. В 427 году аланы вместе с вандалами переправляются из Испании в Африку.

В бурном потоке передвижения они постепенно растворяются среди других племен. В документах VII века об Испании и Галлии аланы уже не упоминаются.

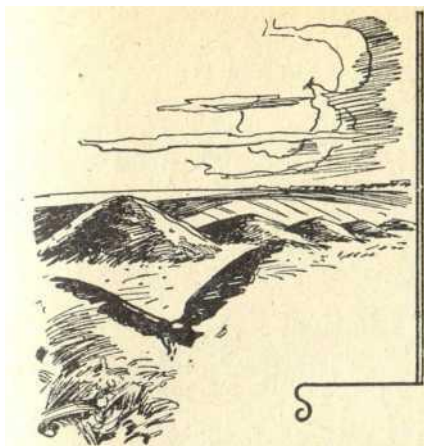
Другая часть аланских племен, оставшаяся в южнорусских и придунайских степях, гораздо дольше сохраняла свою самобытность и свой язык. В древнерусской летописи они именуются ясами. Еще в XIV веке аланы жили на Нижнем Дунае, на территории современной Молдавии. Город Яссы в русских источниках XIV века именуется «Асский торг», то есть место торговли с ассами-аланами. В первой половине XIII века большое количество аланских племен южнорусских степей вместе с половцами под давлением татаро-монголов переселилось в Подунавье, в пределы современной Венгрии и вошло в состав мадьярского народа [47].

Таковы последние страницы истории сарматских племен, вышедших из далеких южноуральских степей и закончивших свой исторический путь в пределах Западной Европы.

Сарматские племена утратили свою самобытность, свой язык, но созданная ими культура оставила значительный след. По словам знатока сарматских древностей К. Ф. Смирнова, сарматская культура «оказала большое воздействие на развитие культуры соседних племен! и народностей, в том числе на культуру среднеазиатских гуннов, многочисленных племен горных районов Кавказа, крымских и нижнеднепровских скифов и греческих городов Северного Причерноморья, а также наложила свой отпечаток на культуру «полей погребений», основными носителями которой являлись древнеславянские племена» [48].

Сарматские племена оказали также большое влияние и на формирование западноевропейской культуры. Крупнейший русский археолог М. И. Ростовцев писал:

«Появление сарматов не прошло бесследно. Оно способствовало появлению в римских провинциях нового стиля — романского, повлияло на так называемый готический и внесло свою лепту в историю западноевропейского искусства» [49].

Тайны Пятимаров

Было теплое сентябрьское утро 1949 года. С рюкзаком за спиной и полевой сумкой на боку я вышел из поселка Прохладного, расположенного в верховьях речки Куралы, впадающей в реку Илек недалеко от железнодорожной станции Чашкан. Я шел и любовался высоким левым гористым берегом речки.

На высоком сырту правого берега Куралы, недалеко от поселка Куралинский 2-й, находившегося против устья маленькой речки Ит-Чашкан, я осмотрел две группы курганов. Они находились среди распаханного поля. Особенно примечательным был один, который горделиво возвышался над остальными и достигал 4 метров в высоту. С его вершины открывался чудесный вид на 20—30 километров. Отсюда виднелись очертания сел Григорьевки, Казанки, железнодорожной станции Чашкан, силуэты высоких курганов, находящихся на земле 4-го отделения совхоза «Маяк» и именуемых «Пятимарами», еле заметная серебристая лента реки Илека, а за ней, на самом горизонте, на возвышенности, маячили силуэты еще каких-то больших курганов. Я долго любовался огромным степным простором. На вершине кургана, на высоком сырту, дышалось необыкновенно легко и свободно. И невольно думалось о тех, кого

рые когда-то хоронили своих соплеменников на вершинах сыртов, откуда открывалась широкая панорама на бескрайние степи. Несомненно, те люди горячо любили степь с ее бесконечною ширью.

Солнце уже клонилось к закату, когда я по мягкой рыхлой пахоте, вышел к Курале у поселка Куралинский 1-й. Меня очень интересовали курганы за Илеком, очертания которых я видел. Оказалось, что о них знают в поселке. Мне рассказали, что они, как и курганы на землях 4-го отделения совхоза «Маяк», именуются Пятимарами.

Это было мое первое знакомство со знаменитыми Пятимарами — курганами, таившими в себе богатые погребения племенной знати древних кочевников оренбургских степей.

Я вышел на станцию Чашкан и с попутным поездом вернулся в Оренбург. Разные неотложные дела не позволили мне в последующие годы побывать за Илеком и осмотреть заилекские Пятимары. Как теперь я жалею об этом! Как раз за это время — в 1949—1952 годах грабители в поисках драгоценностей раскопали почти все большие курганы — заилекские Пятимары.

*
* *

Второе, более близкое знакомство с Пятимарами состоялось в 1956 году...

В солнечный августовский день мы выехали из Оренбурга в археологическую разведку. Нас было восемь человек. Начальником был Константин Федорович Смирнов — старший научный сотрудник Института археологии Академии наук СССР. Это приступила к работе первая совместная экспедиция Института археологии и Оренбургского областного краеведческого музея, положившая начало последующим археологическим изысканиям. Цель экспедиции — выявление, регистрация, а попутно и небольшие раскопки археологических памятников по рекам Илеку и Бузулуку.

Сначала мы проехали тем маршрутом, которым я шел в 1949 году по рекам Бердянке и Курале. Затем у большого села Ак-Булака перебрались на левый берег Илека, осмотрели курганы у поселков Веселого и Нуг-

мановки и поднялись на сырты, отделяющие Илек от его левых притоков — Малой и Большой Хобды. Мы ехали к курганам, к тем Пятимарам, силуэты которых я видел в 1949 году. Чем выше мы поднимались, тем яснее становились их очертания. Еще издали мы увидели, что это три курганные группы. Они располагались по сырту среди скошенных пшеничных полей одной длинной цепочкой, вытянутой с северо-запада на юго-восток на 5 километров. Прямая, как стрела, полевая дорога шла мимо них к реке Илеку. Позже мы узнали, что все эти три курганные группы, именуемые Пятимарами, местным населением разделяются на Первые Пятимары, Вторые Пятимары и Третьи Пятимары. Весь этот комплекс курганов располагается на полях колхоза «Дружба» Соль-Илецкого района.

Однако издали с окружающих высот на фоне горизонта выделяются очертания лишь пяти больших курганов — маров. Отсюда и происходит данное местным населением название всей группы — Пятимары.

На самом деле курганов не пять, а значительно больше, так как рядом с высокими находятся мелкие, незаметные издалика.

Мы выехали к юго-восточному концу цепочки, то есть к Третьим Пятимарам, — к группе, состоявшей из 6 курганов. Она делилась на две группы, отстоявшие друг от друга на несколько сот метров. В одной было два, в другой — четыре кургана. В первой группе возвышался огромный курган высотой в 5—6 метров и диаметром около 50 метров. Глубокий ров окружал его подножье. Огромная яма с явными следами недавних раскопок зияла на вершине. В 10 метрах от этого кургана возвышался другой, высота которого составляла чуть больше метра, а диаметр около 15 метров. Поверхность его была также покрыта травой, а на вершине, как и у первого кургана, виднелись следы недавней грабительской ямы.

Во второй группе было четыре кургана. Они располагались одной цепочкой, вытянувшись по линии с юго-востока на северо-запад и близко примыкали один к другому. Высота их составляла от 2 до 4 метров, диаметр — от 20 до 40 метров. На вершине каждого из них были следы недавних грабительских раскопок.

Мы исследовали ямы, пытались обнаружить какие-

либо предметы, которые могли быть выброшены или оставлены грабителями из-за их малой ценности, но ничего не обнаружили.

На расстоянии около километра от Третьих Пяти-маров находилась другая группа — Вторые Пятимары. Она состояла из восьми курганов, в свою очередь образующих две группы. В первую входили четыре кургана — один высотой 5, диаметром 40 метров и три небольших. На вершине большого кургана была глубокая яма с явными признаками очень недавних раскопок. Вторая группа состояла из четырех курганов, расположенных очень близко и вытянутых в одну цепочку. Среди них выделялся — один — высотой 4 и диаметром 40 метров. Вокруг каждого из этих четырех курганов виднелись следы рва, а на вершинах — глубокие свежие ямы.

По некоторым ямам удалось проследить особенности строения курганов и характер захоронения. В стенке ямы одного из курганов виднелись сильно обугленные толстые плахи, зола, сажа, угольки. Над плахами шла прослойка закопченной и обожженной земли. В выкинутой земле на одном из курганов лежала часть черепа человека. На крайнем северо-западном кургане при осмотре одной из грабительских ям на глубине двух метров под слоями дерева мы обнаружили кости человеческого скелета. Хотя погребение было нарушено, по положению костей мы определили, что покойник лежал головой на запад. На том же кургане, на поверхности выкинутой из ям земли, осталось несколько вещей: круглое каменное блюдо — жертвенник или алтарь, бронзовое зеркало с обломанным краем, обломок деревянного гребня и 18 бронзовых бляшек от конской узды с изображением орлиных голов. Этого было достаточно, чтобы установить, что грабители раскопали древнее савроматское погребение VI—IV вв. до н. э.

Из всех предметов, брошенных грабителями и сохранившихся, уникальнейшим оказался обломок деревянного гребня, пролежавший в земле свыше 2500 лет. На обломке (размер 5X7^{см}) сохранились лишь основания зубьев и часть наверхия гребня. На наверхии вырезано изображение животного, возможно, лошади. Хорошо выделились на плоскости часть крупа и задняя нога. Как выяснилось позже, гребень сделан из самши

та — дерева, произрастающего только в районах Передней Азии. Какой огромный путь проделал этот кусок самшита, чтобы превратиться в умелых руках мастера-савромата в частый гребешок!

Километрах в трех на северо-запад от Вторых Пятимаров виднелась последняя группа Пятимаров — Первые Пятимары, замыкавшие курганный цепочку с северо-запада.

Курганы Первых Пятимаров представляли собой тесную компактную группу. Их подошвы со следами глубоких рвов, сливались друг с другом. Основание, склоны их поросли густым кустарником. Мы насчитали около десятка больших и малых курганов. А позднее во время раскопок мы установили, что в этой курганной группе насчитывается 13 курганов, не считая тех, которые подверглись распашке. Среди них выделялся один, достигавший 6 метров в высоту и 50 метров — по диаметру. На нем стояла высокая деревянная вышка, установленная геодезистами. На вершине была грабительская яма. С южной стороны ров прерывался у подножия, а склон кургана был покатым. Не по этому ли склону носили землю и насыпали курган? Остальные курганы были меньшими — от 4,5 метров до одного метра в высоту. Их также не миновали грабители.

Мы поднялись на вершину самого высокого кургана с геодезической вышкой и невольно залюбовались открывшейся перед нами панорамой. Вокруг лежали поля. Они тянулись по волнистой возвышенности сырта, охватывая прямую цепочку курганов. Далеко виднелась узкая лента реки Илека. Вниз по его течению выдавалась высокая возвышенность — Черный Яр — Древний коренной берег этой реки, а еще дальше, на самом горизонте, вырисовывались очертания города Соль-Илецка. Снова и снова приходила мысль: любили древние люди привольные степи!

Рядом с курганами по жнивью паслось большое стадо овец. Пастух, старик-казах, в большой лисьей шапке-малахае бодро сидел в седле, покрикивая на овец. Рядом с лошадьё бежали две тонконогие поджарые собаки. И мне сразу представилась картина этих мест в далеком прошлом, в ту пору, когда насыпались эти величавые курганы...

...Такой же солнечный и жаркий августовский день.

Те же курганы, только они выше, круче. Глубокие рвы окружают их подошвы. Вокруг — безбрежное травяное море. Колышутся как волны седые верхушки степных ковылей от слабого теплого ветерка. Большое стадо коней и овец пасется вокруг. Их стережет конный пастух. Вместо седла на коне мохнатая шкура, затянутая подпругой. На морде коня кожаная уздечка с железными удилами и блестящими металлическими украшениями, отлитыми в форме оскаленной волчьей пасти. Всадник ловко управляет конем. Он одет в короткие кожаные одежды и матерчатые штаны. Он без головного убора. Длинные волосы лежат на плечах, густая борода опускается на грудь. Узенький ремешок охватывает стройную фигуру всадника. Как и уздечка, ремешок украшен металлическими украшениями. На ногах у всадника мягкие кожаные сапоги с коротким голенищем, перехваченные у ступни узким ремешком. Сбоку всадника с одной стороны кожаный колчан. В нем оперенные концы тонких стрел. С другой стороны висит железный меч в кожаных ножнах. Как и теперь, быстроногие собаки помогают всаднику пасти стадо. А далёко внизу, почти на берегу древнего Илека, стоит кочевка. Высокие деревянные повозки, на них кошмовые кибитки. Стадо коров вблизи. Виден дым костра. Отдаленный говор, стук кузнечного молота.

Это сарматская кочевка. Здесь, у могил предков — у высоких курганов, насыпанных над их прахом, кочует род. Часто в тихие вечера слушают здесь рассказы и предания или поют длинные песни о подвигах и ратных делах далеких предков...

Мы крикнули пастуху:

— Эй, аксакал, мунда келиныз! (Сюда иди!)

Старик подскакал к нам. Мы поздоровались. Он неплохо изъяснялся по-русски.

Разговорившись, мы узнали, что недалеко от курганов находится полевой стан колхоза. Мы направились туда. Колхозники нам сообщили историю ограбления Пятимаров, которое произошло за несколько лет до нашего приезда. Грабители копали обычно ночами при фонарях, днем прятались. В конце концов колхозники их задержали и отправили в милицию.

Колхозники рассказали, что у жителя поселка Увак Ивана Ивановича Бондаренко хранится большой мед

ный котел, который он нашел в одном из курганов группы Первые Пятимары после грабителей.

Мы поехали в поселок Увак, где разыскивали Ивана Ивановича. Хозяин был во дворе. Он беседовал с веселым сухоньким стариком Егором Федоровичем Вьюговым, жителем села Григорьевки, бывшей казачьей станицы, что на том берегу Илека. Всеми своими движениями манерой разговора он удивительно напоминал шолоховского деда Щукаря.

Услышав о цели нашего приезда, Вьюгов оживился и, иронически посматривая на нас, заговорил:

— А вы знаете, как копать мары, как искать в них «каморы»?

Затем взял палочку и концом ее стал чертить на земле план «камор» и рассказывать, как надо их откапывать и как покойники лежат в этих «каморах». Видно было, что наш собеседник не только слышал о раскопках, но и сам был их участником.

За время раскопок на территории колхоза «Дружба» мы не встречались больше с Е. Ф. Вьюговым, но не раз его вспоминали и по его примеру раскопанную могилу в шутку называли «каморой».

Бондаренко и Вьюгов дополнили рассказы колхозников об ограблении Пятимаров. По их словам, грабители имели какие-то «планы», «чертежи», по которым ориентировались при раскопках. Они даже были знакомы с археологической литературой. Задержали их на Первых Пятимарах.

Позднее колхозники в одной из ям на глубине около 7 метров от вершины кургана нашли 7 человеческих костяков, лежавших на одном уровне. По положению центрального костяка можно было догадаться, что покойник, видимо, был похоронен в сидячем -положении, а остальные лежали вокруг него на спине веерообразно, ногами к нему. Около шейных позвонков одного нашли три бусинки, около другого — железный «тесак» длиной 70 сантиметров.

Некоторые из находок хранились у Ивана Ивановича. Он зашел в избу и вынес нам глазчатую светло-зеленую бусину и обломок бронзового украшения, вероятно, от уздечки, отлитого в виде когтя птицы. Затем он отправился в глубину двора и принес большой круглодонный медный котел с двумя ручками, покрытый налетом

том зеленой окиси. Он был найден в одной из грабительских ям на курганах.

Впоследствии, во время наших трехлетних раскопок на территории колхоза «Дружба» Иван Иванович часто посещал нас, подолгу наблюдал за нашей работой и скептически относился к ней. Ему казалось, что раскопки ведутся не так, как нужно. Поэтому, дескать, и нет золотых и дорогих вещей, которые находили грабители.

Так началось наше непосредственное знакомство с огромной курганной группой Пятимары.

Территория колхоза «Дружба» оказалась удивительно богатой археологическими памятниками. Мы зафиксировали кроме Пятимаров еще семь курганных могильников. Один курган, раскопанный в порядке разведки у поселка Увак, дал погребение «ямной культуры» — «окрашенный костяк» (см. очерк «Окрашенные костяки»).

*
* *

12 июля 1960 года мы снова разбили наш полотняный городок на старом излюбленном месте — на краю древнего берега Илека, недалеко от поселка Увак. Прямо перед нами расстилалась широкая пойменная долина реки с превосходными заливными лугами и озерками — остатками стариц Илека. Рядом, вдоль берега, тянулись низкие курганы Увакского могильника (так мы именовали эту группу). Дальше, за пшеничными полями, на вершине сырта, виднелась курганная группа Первые Пятимары, тайны которых нам предстояло разгадать.

Мы устроились основательно: впереди предстояло два месяца работы. Построили настоящую кирпичную печь с плитой. Привели в порядок родничок, что бил из-под берега под самым нашим лагерем. А когда взвился вверх на высоком шесте флажок Оренбургской археологической экспедиции, громкое, веселое «ура» возвестило начало работ.

Мы работали почти до середины сентября. Состав экспедиции временами достигал 30 человек. Кроме научных работников Института археологии, Московского государственного исторического и Оренбургского областного музеев в экспедиции участвовали студенты Москов

ского государственного университета им. Ломоносова, студенты Оренбургского педагогического института и учащиеся школ Оренбурга. Работы велись одновременно на двух объектах: на Увакском могильнике и на Первых Пятимарах. Копали ручным способом и бульдозером.

Время экспедиции приходилось на самый жаркий период оренбургского лета. Солнце палило немилосердно. Днем мы устраивали перерыв, возвращались в лагерь на обед и купанье, а затем снова отправлялись на курганы.

По утрам, когда ехали на курганы (от них до лагеря 5 километров), в машине было тихо: еще не все стряхнули с себя остатки утреннего сна. А по вечерам, когда возвращались в лагерь, веселые песни, шутки звучали в машине, далеко разносились по окрестным полям.

Чудесными были летние вечера. Огромный огненный шар тихо спускался, исчезая за горизонтом. Наступила самая лучшая пора. Даже комары и мошки, неизменные спутники лагеря, не могли испортить эти часы. Звучала песня, брэнчала гитара. С пойменной долины тянуло легкой прохладой и запахом скошенной травы.

Особенно запомнились субботние вечера, к которым приурочивались и дни рождений. В эти вечера не было границ веселью и выдумкам. Заводилой был участник экспедиции, мастер на все руки Лев Николаевич. Он же сочинял эпиграммы и стихи. Приведу здесь одно четверостишие:

Степные дали, полевые станы...
Глаза отыскивают вдалеке
Пятимары — высокие курганы И
древний берег на Илек-реке.

После веселого ужина мы отправлялись в степь. Огромная луна плыла над нами, тысячи звезд мерцали в высоте. Остро пахло полынью, весело стрекотали кузнечики в степной тиши. Мы шли на соседний курган. Мы пели и новые, и старинные песни, читали стихи и отрывки из «Тихого Дона», «Анны Карениной».

Так, перемежая нелегкий труд с веселым отдыхом, мы копали Пятимары, в настоящее время вошедшие в археологическую науку. Работы велись три года — 1957, 1960 и 1961. Естественно, о раскопках стало широко известно. К нам часто приезжали колхозники, экскур

сии учащихся, представители районных и областных организаций. Мы стали хорошими знакомыми жителей ближайших деревень — русских, украинцев, казахов. На наших глазах выросли молодые колхозные друзья, принимавшие участие в наших раскопках в качестве трактористов, прицепщиков, землекопов. На наших глазах рос колхоз. При нас поднялось большое здание школы, колхозного клуба и появилась целая улица новых домов.

*
* *

Раскопки на Первых Пятимарах мы начали с топографической съемки плана курганной группы и ее описания (см. план). Из всех 11 курганных насыпей семь образовывали тесную компактную группу курганов, соприкасающихся своими подошвами друг с другом. Остальные четыре находились несколько в стороне. Во время раскопок выяснилось, что в компактной группе под одной насыпью скрывались три кургана. Таким образом Первые Пятимары представляли могильник из 13 курганов.

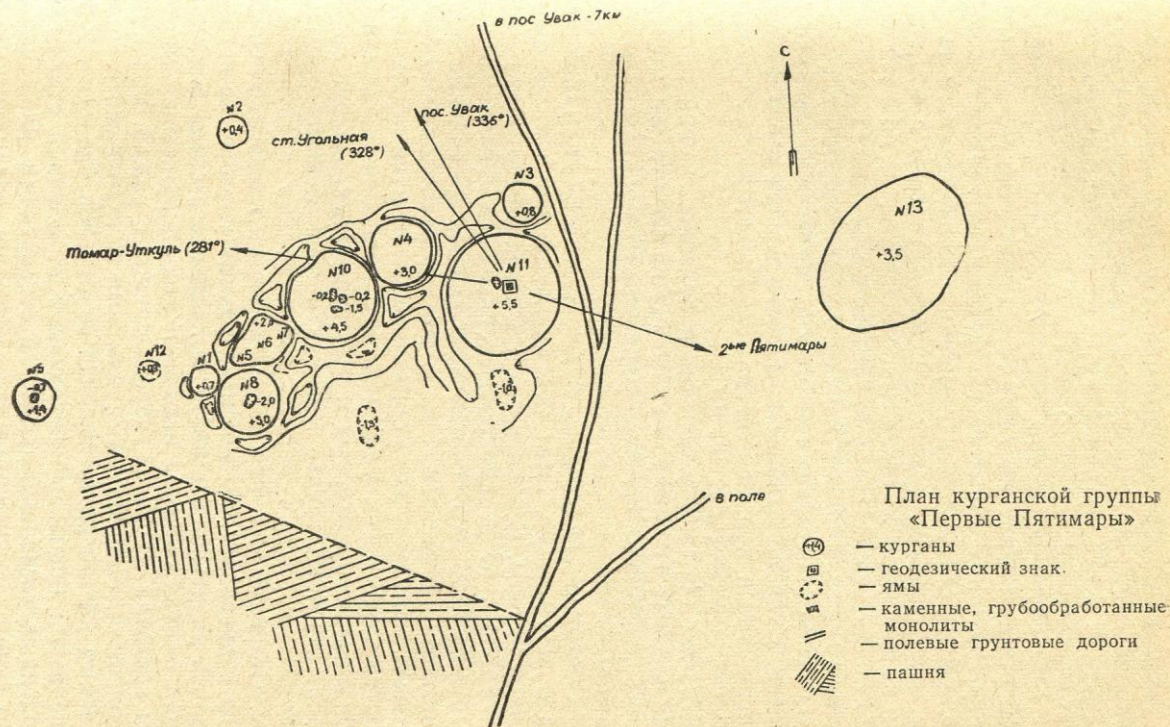
Раскопки на Пятимарах оказались трудоемкими. За время экспедиции мы раскопали 9 курганов. Три наиболее крупных — № 10, 11, и 13 — остались нераскопанными.

Уже первые дни работы показали, что мы имеем дело с интересной и сложной группой. Мы начали раскопки с двух небольших курганов — № 1 и 2 *.

Высота кургана № 1 достигала 70 сантиметров, диаметр — 16 метров. На его поверхности местами виднелись гребни торчащих камней. Курган копали вручную, лопатами, методом кольцевых траншей. Непосредственно под дерновым слоем начали встречаться мелкие и крупные камни. Особенно много их было в восточной половине кургана. Создавалось впечатление, что эта часть насыпи образовалась от какого-то развалившегося каменного сооружения. Когда была снята насыпь курга-

* При описании раскопок использованы материалы «Отчета о работе Оренбургской археологической экспедиции 1960 года», составленного начальником экспедиции К. Ф. Смирновым, а также его работа «Савроматы».

4 С. Попов

на И проведена тщательная расчистка на уровне материка, никаких признаков могилы («могильного пятна») не оказалось. Вместо нее выявились узкие канавки, образующие неправильный прямоугольник в центре кургана размером 4X5 метров. На дне некоторых канавок оказались следы истлевшего дерева и круглые ямки.

При раскопке насыпи встречались отдельные кости и небольшие скопления костей домашних животных (барана, крупного рогатого скота, лошади). Единственной находкой был обломок каменного полированного топора. Все строение кургана свидетельствовало о том, что он не является могильным памятником, а, по всей вероятности, представлял культовое сооружение или жертвенное место, имевшее какую-то каменную или деревянную основу, остатками которой являются канавки и камни. Судя по находке каменного топора и его форме, раскопанный курган относился к эпохе бронзы, то есть ко второму тысячелетию до н. э.

Таким образом уже первый археологический памятник Первых Пятимаров указывал на то, что мы можем встретить здесь более древние памятники, чем предполагали.

Раскопка следующего кургана — № 2 — нам принесла новые данные. Этот курган находился в стороне от общей группы. С внешней стороны он представлял расплывшуюся от неоднократных распашек земляную насыпь. Высота его составляла около 40 сантиметров, диаметр — 16 метров. Уже в начале раскопок у южной полы кургана были обнаружены остатки большого кострища со слоем угля и сильно обожженной земли с обломками обожженных костей животных. Вокруг обозначившейся на грунте могильной ямы лежали камни, которые, вероятно, образовывали кольцо вокруг могилы. Сама могила оказалась полностью разграбленной еще в древности. На дне и на разных уровнях ее встречались разрозненные кости человеческого скелета. Были найдены также кости барана и лошади. Засыпка могилы состояла из земли, перемешанной с сажей, мелкими угольками, обожженными камнями и кусочками обожженных костей животных. От грабителей уцелели лишь две вещи: бронзовый втульчатый наконечник стрелы и красивый каменный оселок с отверстиями на концах. По форме наконечника стрелы наши специалисты-ар-

хеологи датировали погребение V веком до н. э. Следовательно, это было савроматское погребение.

Раскопки позволили представить весь обряд погребения. После того, как была вырыта глубокая овальной формы могила, родичи покойного опустили туда умершего, положили с ним различные вещи, в числе их красивый каменный оселок, стрелы с бронзовыми наконечниками, куски мяса. Затем около могилы разожгли священный костер и принесли здесь в жертву животное (возможно, лошадь). Когда обряд погребения закончился, закидали могилу землей вместе с остатками погребального священного костра, установили камни в виде кольца по краю могильной ямы и насыпали над могилой и пепелищем костра земляной курган.

Курган № 3 снова вернул нас в эпоху бронзы. Он тесно примыкал к рву самого большого кургана с геодезической вышкой. Высота его равнялась 0,7 метра, диаметр— 22,5 метра. Насыпь кургана частично снималась бульдозером. Дальнейшие работы производились вручную. Как показали раскопки, первоначально курган был окружен глубоким рвом, заплывшим впоследствии. В центре кургана оказалась неглубокая прямоугольная могила (глубина ее от вершины кургана составляла всего 1,16 метра), также разграбленная в древности. Кости мужского скелета были выброшены из могилы. В ней уцелели лишь обломки большого лепного глиняного сосуда баночной формы с орнаментом и две круглые бронзовые бусинки.

Судя по обломкам сосуда, в могиле был погребен один из тех древних скотоводов, земледельцев и металлургов, которые населяли оренбургские степи во втором тысячелетии до н. э. (см. выше очерк «Древние скотоводы, земледельцы и металлурги»).

Следующий курган — № 4 — шире раскрыл нам тайны Пятимаров. Раскопка его потребовала много сил, времени, но зато принесла уникальные находки.

Курган № 4 непосредственно примыкал к самым большим курганам № 10 и № 11. Их глубокие рвы сливались друг с другом. Высота кургана составляла 3 метра, диаметр — 30 метров. На его поверхности во многих местах виднелись торчащие гребни камней. Как выяснилось в процессе раскопок, земляная насыпь кургана была обложена камнем в виде широкого кольца. Под

насыпью на уровне древней почвы оказался огромный деревянный настил из сгнивших плах или бревен, имевший по площади форму квадрата размером 11,5' X' X 11,5 метра. Толщина его составляла 10—20 сантиметров. Он был покрыв корой и какой-то травой или камышом. Было ясно, что деревянный настил служил перекрытием могилы. Значительные размеры и массивный характер перекрытия говорили о незаурядности могилы, которую нам предстояло исследовать. Одно нас смущало: центральная часть перекрытия была нарушена. Это могло произойти либо из-за грабительских раскопок, либо по причине провала настила под тяжестью земляной насыпи. С огромным нетерпением мы сняли остатки прогнившего дерева. Под настилом оказалась огромная прямоугольная могила по площади 6,5 X X7,5 метра. Глубина ее от древнего горизонта составляла 190 сантиметров. Среди обломков дерева, отдельных камней и земли обнаружился человеческий череп, несомненно перемещенный со своего места еще в древности. Это был верный признак ограбления.

Мы продолжали раскопки, надеясь, что грабители могли что-либо не заметить. И мы не ошиблись. Немного выше дна могилы оказался череп лошади. Рядом с ним лежал обломок рукоятки бронзового зеркала в виде бронзовой пластинки, на которой сохранился кусок дерева, служивший, вероятно, обкладкой рукоятки. Обнаружились также железные конские удила с псалиями* и 11 бронзовых предметов, скреплявших ремешки уздечки. Пять из них были отлиты в виде когтя птицы, один — в виде головы хищного зверя, скорее всего волка, с раскрытой пастью. Почти в центре могилы оказался обломок человеческой челюсти и рядом с ним — большая костяная пластинка длиной около 40 сантиметров с обломанными краями и покрытая слоем толченого мела. Окопав ее и осторожно перевернув, мы удивились тому, что увидели.

Перед нами был прекрасный образец художественной резьбы по роговой пластинке (возможно, на роге лося). Сохранившаяся часть композиции древнего художника-резчика состояла из двух фигур хищников и

* «П с а л и и» (греческое слово) — вертикальные стерженьки, железные или костяные, по коцмам удила. Они поддерживают удила в зубах лошади.

Раскопки кургана № 4 в курганный группе «Первые Пятимары»

Бронзовые скрепления — украшения кон-, ской
уздечки, выполненные в «зверином стиле».
Группа «Первые Пятимары», курган № 4

частично сохранившейся фигуры горного козла. Один из хищников изображен крупным планом с повернутой назад головой, раскрытой пастью и впившимся в голову своей жертвы. Фигура другого хищника передана мелко. Он вырезан под передними лапами первого в позе кусающего колено козла.

Древний резчик в своей композиции изобразил, вероятно, эпизод из какого-то эпоса, бытовавшего в его время.

В настоящее время эта пластинка является украшением сарматской коллекции Московского государственного исторического музея. Только находка одной этой вещи с легкой окупала все наши труды.

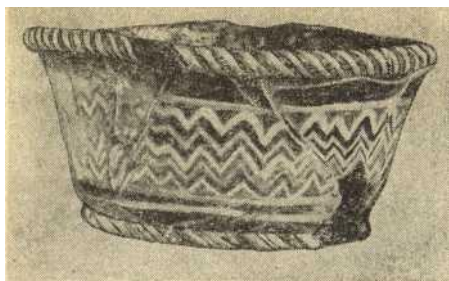
В стороне от роговой пластинки оказались мелкие осколки двух цветных стеклянных сосудов, два раздавленных глиняных сосуда и овальная кварцитовая галька. Опытные руки реставратора Института археологии подобрали осколки и склеили один из сосудов. Он оказался небольшой плоскодонной чашечкой, сделанной из прозрачного яркосинего стекла с орнаментом в виде полосок и зигзагов белого и желтого цвета. Второй сосудик был сделан из вишнево-красного стекла с черными, белыми и желтыми полосками и имел ребристую поверхность. Он был так разломан, что форму его восстановить не удалось. Оба сосуда принадлежали к разряду так называемого «финикийского стекла», вырабатывавшегося в древности в Передней Азии, Египте и Средиземноморье. Они служили в качестве туалетных принадлежностей. В них, вероятно, хранились краски, мази или какие-то ароматические вещества. Кварцитовая галька служила растиральником туалетной краски.

Раздавленные глиняные сосудики также имели отношение к туалету. Один из них, изготовленный от руки, был явно местного производства, второй — иноземного.

После тщательной расчистки дна могилы были найдены еще железный ножик, обломок золотой пластинки в виде копыта с золотыми гвоздиками по краю и 15 золотых бусинок. Пластинка, по-видимому, была когда-то оковкой деревянного сосуда. В одной из ямок на дне могилы лежало несколько золотых бусинок и изящная золотая серьга с тремя подвесками на цепочках.

Роговая пластинка с изображением двух хищников и горного козла. Группа «Первые Пятимары», курган № 4

Чашечка из «финикийского стекла».
Группа «Первые Пятимары», курган № 4

Отсутствие скелета человека (найденно лишь несколько костей) затрудняет решение вопроса о том, содержала ли огромная могила только одно погребение или несколько.

Весь комплекс вещей, найденных в могиле, указывал, что она является сав-

роматской и по времени может быть датирована V веком до н. э. Обширность могильной ямы, драгоценности и редкие вещи говорят о знатности похороненных. Наличие женских вещей ясно указывало, что среди погребенных была знатная савроматка.

В том же кургане оказались три детских погребения. Они были совершены уже после первого захоронения и после сооружения курганный насыпи над первым, основным погребением. Все три помещались в полах кургана. Это указывало на какие-то родственные связи между погребенными детьми и теми взрослыми, которые были похоронены в основной, центральной могиле кургана.

Все эти детские погребения датировались также V веком до н. э.

Таким образом, курган № 4 был своего рода семейным кладбищем представителей (или представительницы) родоплеменной знати савроматов V века до н. э.,

Раскопка следующего, пятого кургана, готовила нам новую неожиданность. С внешней стороны курган представлял большую грушевидную насыпь длиной около 40 метров, при максимальной ширине 25 метров и высотой 2 метра. Он примыкал к 8-му и 10-му курганам. Насыпь снималась бульдозером, пока в центральной части не появился слой угля и обгорелого дерева. Дальнейшая раскопка производилась вручную. В процессе работы выяснилось, что исследуемый курган на самом деле представляет собой три самостоятельных, слившихся друг с другом. Мы наименовали их порядковыми номерами раскапываемых курганов — пятым, шестым, седь-

мым. Центральным был шестой. Пятый примыкал к нему с юго-запада, а седьмой полностью перекрывался северо-восточной полкой шестого кургана.

Курган № 5 (диаметры 10,7—12,5 метра) был насыпан из темной земли, смешанной с камнями. В центре кургана, под скоплением древесных углей, находилась могила. Она была забита камнями со следами огня, сажей, углем, обугленными кусочками дерева, кусками белого гипса. В могиле встречались части сильно обожженных человеческих костей — черепа, рук, ног. Никаких вещей не было. Все свидетельствовало о том, что здесь похоронены остатки сожженного трупа, а сожжение совершено где-то в стороне от могилы.

Сарматы были огнепоклонниками. Иногда они применяли трупосожжение. Поэтому весьма вероятно, что исследованная могила являлась савроматским погребением.

Из другого времени оказался курган № 7 (8,5 X X Ю,5 м), перекрытый насыпью шестого кургана. Насыпь седьмого состояла из светло-коричневого суглинка с большой примесью галечника и резко отличалась по цвету от светло-желтой песчаной насыпи кургана № 6.

В кургане было четыре погребения. Три находились в центре и нарушали друг друга. Два из них оказались погребениями эпохи бронзы. В обоих найдены глиняные горшки. Кроме того, в одном погребении было бронзовое четырехгранное шило с каменной подвеской треугольной формы, изготовленной из плоской гальки, а в другом — обломки бронзовых или медных украшений. Третье погребение, сильно нарушившее два более древних погребения эпохи бронзы, было савроматским, но без вещей.

К эпохе бронзы относилась и четвертая могила. Она находилась в западной половине кургана. В ней были разрозненные и плохо сохранившиеся кости человека и два сосуда.

Таким образом, курган № 7 сооружен в эпоху бронзы, во втором тысячелетии до н. э., а затем использован савроматами, которые уже в готовом кургане выкопали могилу и совершили погребения.

Совершенно иного характера погребения и ценные находки мы обнаружили в кургане № 6.

Раскопки производились в основном вручную. Лишь

верхнюю часть насыпи снял бульдозер. В центре кургана оказался слой докрасна прокаленной земли, под ним — слой угля и еще ниже — сильно обуглившегося и местами сгнившего дерева. Это были остатки большого полуобгоревшего деревянного сооружения из бревен, подобного настилу над центральной могилой кургана № 4.

Сооружение имело прямоугольную форму размером 9X12 метров. Оно состояло из нескольких рядов бревен. Толщина его в центральной части достигала более 70 сантиметров, к краю она уменьшалась. Сильно обуглившиеся стволы дерева местами прекрасно сохранили свою форму, достигая 20 сантиметров в диаметре. На одном из них остались следы шести зарубок. Ясно, что все это было сложено для огромного костра. Когда костер подождли и огромные языки пламени взметнулись вверх, охватывая верхние ряды бревен, его стали забрасывать землей. В результате огонь не проник в нижние ряды бревен. Они или обуглились, или остались нетронутыми. Огромный костер поджигался с помощью вязанок хвороста. Одна из них хорошо сохранила свою форму.

В центральной части кострища выявились разрывы в слое угля и дерева, указывая на вероятность ограбления кургана. Наши опасения подтвердились: могила оказалась полностью разграбленной. Кости человека встречались на разных уровнях могильной ямы и за пределами ее. Они не несли следов огня. Следовательно, огонь огромного костра не достиг покойника или же его предохранил слой насыпанной над ним земли. Лишь несколько вещей остались забытыми или утерянными грабителями. Там, где проходила грабительская яма, обнаружены две золотые нашивные бляшки: маленькая, круглой формы и побольше, также округлой формы с тисненым изображением лежащего с подогнутыми ногами оленя. Несколько в стороне лежали обломки плоской серебряной чаши иранского происхождения и золотая пластинка в виде ноги копытного животного.

В южной части кургана, в 5,6 метра от центра могилы, на древнем почвенном слое лежал на животе с подогнутыми ногами конский скелет. Конь был прикрыт концами бревен костра, сооруженного над могилой. Огонь не успел полностью охватить этот участок. В ре^

зультате лишь часть правого бока лошади испытала воздействие огня. На голове коня была богатая уздечка, во рту железные удила с железными двухдырчатыми псалиями.

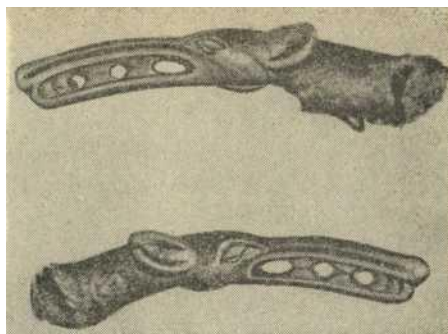
Концы их были украшены бронзовыми наконечниками в виде длинных зубастых морд хищника, скорее волка. От уздечки сохранилось 7

бронзовых предметов, служивших для прикрепления ремней и в качестве украшений. Подвеска-налобник была отлита в форме той же зубастой морды хищника, что и концы железных псалий.

Судя по находкам, разграбленная могила являлась женским савроматским погребением V века до н. э. Несомненно, в могиле была похоронена знатная савроматка, происходившая из родо-племенной верхушки одного из савроматских племен. Ее платье было украшено золотыми бляшками, в могилу положена серебряная чаша из далекой Персии. Рядом с могилой, похоронен ее любимый конь. А затем над могилой был сооружен огромный костер.

Как и в предыдущих курганах, здесь кроме центральной оказались еще три могилы. Захороненные в них, видимо, состояли в близком родстве с той, которая была погребена в центральной могиле. Они располагались по краям кургана. В одной были похоронены двое взрослых людей, в другой — ребенок. Третья, большая могила была разграблена. Грабители оставили лишь один бронзовый трехгранный наконечник стрелы.

Время экспедиции подходило к концу. В группе Первые Пятимары оставались неисследованными еще четыре кургана: № 8, 9, 10, 11. Самые большие курганы — 10-й и 11-й — требовали много времени, сил и средств. Кроме того, на 11-м стояла геодезическая вышка, что осложняло работы. Поэтому мы решили исследовать

Бронзовые наконечники железных псалий.
Группа «Первые Пятимары», курган № 6

Расчистка остатков деревянного сооружения в кургане № 8

курганы 8-й и 9-й. Мы начали их раскопку с горьким чувством: в курганах были глубокие грабительские ямы — значит, погребения в них разрушены, а вещи полностью растасканы. Но нас интересовали не только вещи, а элементы всего обряда погребения, характер могильного сооружения, строение кургана.

Курган № 8 был высотой 3 метра, диаметром с севера на юг 28, а с запада на восток — 26,5 метра. Подошву его окружал ров и неширокое каменное кольцо. Насыпь до появления признаков деревянного перекрытия снималась бульдозером. Вся остальная работа велась вручную.

Против всякого ожидания курган № 8 с лихвой оплатил наши труды. В нем мы открыли одно из интереснейших погребений Пятимаров.

Всю центральную часть кургана занимали остатки сильно истлевшей обширной постройки. Основу ее составляла клетка из толстых бревен, наложенных друг на друга в несколько рядов и образующих как бы сруб прямоугольной формы с длиной сторон в 7 и 10 метров. Нтобы «сруб» не развалился, он был укреплен по углам четырьмя вертикальными столбами, врытыми в землю на глубину от 70 до 100 сантиметров. Это сооружение было покрыто накатником из бревен и плах. Сверху оно,

как и значительная часть площади кургана, покрывалось слоем древесного и растительного тлена — вероятно, остатками коры, травы или камыша. Под центральной частью накатника обнаружилась большая прямоугольная могила площадью 2,9X2 метра, глубиной от уровня древнего почвенного слоя 0,8 метра. Она была разграблена древними и современными грабителями. Судя по костям, обнаруженным при исследовании, в ней было погребено три человека — мужчина, женщина и ребенок.

Из вещей уцелели бронзовая литая булава в виде массивной полый трубки с рядом остроконечных выступов на одном конце и остатками деревянной ручки, два бронзовых трехлопастных наконечника стрелы, обломки железного ножа или копья, обломок железной пластинки, возможно, от железного панциря, серебряная обойма со следами позолоты, железный крючок, вероятно, служивший для прикрепления колчана к поясу, и обломок от большого краоноглиняного сосуда не местного, возможно, среднеазиатского происхождения.

К востоку от могилы внутри деревянного сооружения на древней почве лежали два мужских скелета, не потревоженные грабителями. В головах погребенных лежал железный меч длиной в 110 сантиметров, золотая обойма от ножен меча, золотая ворворка (украшение полушаровидной формы с отверстием посередине) и крючок от военного снаряжения. Рядом с мечом был положен кожаный колчан, набитый стрелами; в нем было 74 наконечника стрел с истлевшими остатками древков. Под колчаном лежали овальная плитка для точки стрел и железный крючок для подвешивания колчана.

У левого уха одного из погребенных оказалась золо-

Бронзовая литая булава из погребения, обнаруженного в кургане № 8

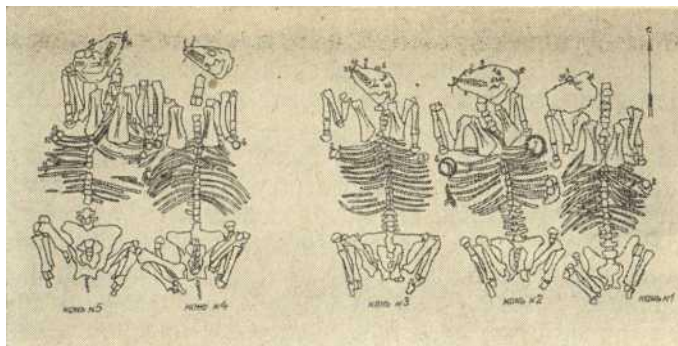
тая серьга, а у левого бока — каменный оселок-подвеска. У кисти правой руки второго скелета лежали шесть бронзовых наконечников стрел, вероятно, также положенных в колчане. Около них находились две песчаниковые плитки для заточки стрел. Красивый оселок-подвеска с поперечными фиолетовыми полосками лежал у левого бока скелета. Рядом со скелетом лежали кости от разрубленных тушек животных.

К сожалению, кости погребенных воинов сохранились очень плохо и не было возможности выяснить, имеются ли на них признаки насильственной смерти.

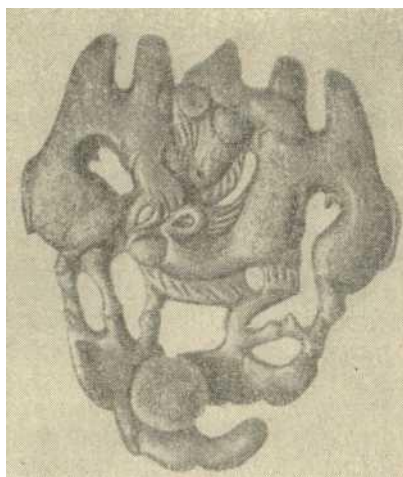
За пределами деревянного сооружения, с южной стороны могилы, лежали — также на древнем почвенном горизонте — пять конских скелетов. Кони были положены на живот с подогнутыми ногами, головами по направлению к могиле, в полном конском снаряжении — в уздечках и сбруе. На мордах коней сохранились железные удила с псалиями и бронзовые скрепки и украшения от уздечек. Эти украшения отлиты в форме головы хищного зверя, скорее всего волка, а также в виде когтя хищной птицы. По бокам четырех коней лежали по три больших бронзовых кольца. Посредством их скреплялись подпружные ремни, поддерживающие мягкие седла или попоны на конях. У пятого коня вместо колец были красивые литые бляхи с изображением двух борющихся верблюдов.

По всем данным, 8-й курган заключал в себе савроматское погребение конца VI или начала V века до н. э. Не приходилось сомневаться, что погребение в центральной могиле, захоронение взрослых мужчин и захоронение коней представляли один единый погребальный комплекс. По характеру деревянного сооружения он очень напоминал савроматское погребение в кургане № 2 в урочище Кос-Оба у села Покровки на реке Хобде, раскопанное крестьянами в 1911 году.

Сооружение большой деревянной постройки над могилой, возведение огромной трехметровой насыпи, наличие пяти конских костяков в полном снаряжении — все это говорило о пышных и торжественных похоронах представителя родовой или племенной знати савроматов или одного из вождей савроматских племен. Присутствие в могиле костей женщины и ребенка и скелетов мужчин вне могилы указывали на тех, кто сопровождал его

План погребений коней в кургане № 8

Бронзовая литая бляха с изображением
борющихся верблюдов, курган № 8

в могилу: жена или рабыня с ребенком и дружинники, состоявшие в дружине вождя в качестве его телохранителей, или его рабы.

Мы раскапывали курган с большим волнением. Погребение с пятью боевыми конями! Такого рода находка была первой в оренбургских степях. Мы тщательно расчищали кистями землю со сгнивших бревен, чтобы про-

следить их направление, осторожно удаляли землю с коры. Мы с увлечением обсуждали ту трагедию, которая произошла здесь во время похорон савроматского вождя или родового или племенного старейшины свыше 2500 лет тому назад.

...Плач и вопли в большой белой войлочной кибитке Арранга, вождя савроматского рода Сакра, возвестили родичам о его смерти. Он недавно вернулся с далекого похода в Хорезм. В стычке с массагетами он был ранен. Дорога, жара воспалили рану. Ни целебные травы, ни заклинания жрицы рода, ни жертвы великому Агни — богу огня не помогли. Злые духи тьмы оказались сильнее. Они победили. Он помер. Нарушилась обычная оживленная жизнь кочевки в летнее время. Не стало слышно веселого смеха детворы, умолк стук молота кузнец-оружейника. Взнузданы резвые кони. Родные и дружинники покойного Арранга поскакали по дальним и ближним кочевкам рода Сакра с извещением о смерти вождя и с требованием прибыть на похороны (повинность, установленная стародавними родовыми обычаями).

Уже к полудню стали прибывать члены рода Сакра. Одни ехали верхами, другие в больших колесных повозках. Они вели запасных коней. Каждый из прибывших, кроме обычного оружия, имел с собой железный топор, лопату и кирку. Не было слышно обычных веселых и громких приветствий. Прибывшие рассаживались кружком на разостланных кошмах вокруг больших деревянных чаш с кумысом, чтобы освежиться целительным напитком после дороги. Старики и старшины сидели отдельно от молодых. Они держали совет о похоронах Арранга. Решено было похоронить его там, где лежали его предки.

Еще не опустели большие, окованные золотом чаши с кумысом (богат был Арранг!), как поднялись старшины и старики. Было решено: одним отправиться копать могилу, другим ехать на повозках в густую соседнюю березовую рощу и заготавливать лес для постройки погребального дома, напоминающего просторную избу на месте зимнего кочевья.

В то время как на кочевке Арранга кололи и свеживали баранов на ужин, готовились костры вокруг больших медных котлов, в роще слышался стук топоров и скрип

деревянных повозок, везущих длинные стволы деревьев к могиле. Лишь с наступлением ночи была прервана работа. На вершине сырта, где стояли огромные курганы, в которых, по преданию, лежали останки вождей рода Сакра, родичи и дружинники Арранга выкопали неглубокую, но большую по площади могилу. Сюда же привезли нарубленные стволы деревьев, кору и большие вязанки камыша.

Поздно ночью закончился ужин...

Едва забрезжил рассвет, все были на ногах. Многие совсем не ложились. Они сидели вокруг костров, говорили об Арранге, вспоминали совместные дальние походы, боевые схватки, его мужество на охоте и войне, его мудрые советы на собраниях рода.

С утра начались последние приготовления к похоронам. Отец Арранга, глубокий старик, выбрал из табуна пять лучших коней Арранга. Он покрыл их узорчатым войлоком, который стянул подпружными ремнями с тремя круглыми бронзовыми кольцами. На одном коне подпружные кольца заменялись красивыми бронзовыми литыми бляхами с изображением двух борющихся верблюдов. Старик взнуздal коней красивыми уздечками с железными удилами. Металлические украшения уздечек были отлиты в виде когтя птицы, головы грифона или орла, в виде морды хищного зверя, скорее всего волка. Эти украшения носили таинственный смысл. Они придавали силу и крепость коню.

В окружении женщин горько плакала молодая, богато одетая рабыня Арранга с ребенком на руках. Ее утешала сладкими речами старуха — жрица рода. Она обещала рабыне полную наслаждений жизнь. Ведь матери с ребенком предстоит сопровождать своего господина в загробный мир.

В кругу мужчин, боевых товарищей Арранга, его дружинников, печально сидели два воина. За ними незаметно, но зорко следили. Сегодня, как и рабыня, они в последний раз видят привольные степи, солнце, светлые воды реки. Они вместе с рабыней и ее ребенком будут сопровождать своего вождя и господина в иной мир. Они искренне верят, что там, куда они уйдут вместе с Аррангом, их будут ожидать быстрые конские табуны, бесконечные и вечно зеленые степи, что там ждут их погибшие в схватках друзья. И все же им несказанно жаль

расставаться со всем тем, что окружает их здесь, на земле.

И вот повозка с телом Арранга тронулась в путь. Впереди друзья Арранга вели пять его любимых коней в богатой сбруе. Затем шла повозка с телом Арранга. Сзади повозки шагали мужчины-воины рода Сакра. В знак глубокого горя и печали они обстригли кругом свои длинные волосы, бороды, надрезали руки, расцарапали щеки, лоб, нос. Струйки крови текли по их лицам. Среди них шли двое обреченных дружинников. Процессию замыкала толпа женщин. Они шли с распущенными волосами, испуская громкие и пронзительные вопли. Рядом с гордой старухой-жрицей, ярко раскрашенной священной краской, шла печальная рабыня с ребенком, на руках.

Процессия достигла могилы. Братья Арранга выстлали ее дно камышом, посыпали горстью мел (символ чистоты и света), постелили плащ Арранга, богато украшенный золотыми пластинками с изображением оленя, головой орла, и бережно уложили на него Арранга. Сюда же положили железный меч Арранга в богатых ножнах, его короткий кинжал, колчан, туго набитый тонкими легкими стрелами с острыми бронзовыми наконечниками, его бронзовую массивную булаву — знак высокого воинского звания вождя. В могилу поставили красивый глиняный кувшин хорезмийской работы, наполнив его свежим душистым кумысом. В ногах вождя бросили тушку барана, предварительно отделив голову. В то время как укладывали тело Арранга в могилу, под вопли и плач жены, детей и близких, старуха-жрица быстро ударила кинжалом рабыню, а затем ее ребенка. То же самое было проделано с двумя воинами, обреченными на смерть.

Рабыню с ребенком уложили рядом с Аррангом. Тела убитых воинов опустили прямо на землю, немного в стороне от могилы, поместив рядом с ними железный меч, колчаны со стрелами, оселки-подвески. Затем зарезали пять приведенных коней Арранга и бережно уложили их около могилы подогнув им колени и вытянув морды по направлению к могиле.

Над могилой из бревен и плах быстро была сооружена деревянная постройка наподобие тех, какие сооружались в местах длительных стоянок в зимнее время.

Эту постройку покрыли толстым слоем камыша и засыпали землей. Но это еще было не все. Члены рода Сак- -ра еще не раз придут сюда, чтобы довести курган до нужной высоты, чтобы укрепить его камнем, который придется ломать и возить с обрывистых каменистых берегов ближайшей реки.

Пока одни насыпали курган, другие кололи коня, свежевали его и клали мясо в большие медные котлы, чтобы здесь же, на могиле помянуть Арранга.

Кончились похороны и поминки на могиле. Пора отправляться в кочевку. Однако надо принять очищение от общения с мертвым, очищение от злых духов. Жрица поставила круглый каменный столик-алтарик на трех ножках, вырезанных в форме морды медведя, положила на него из костра несколько пылающих угольков и бросила на них горсть каких-то семян. Ароматное облако дыма поднялось над столиком. Жрица безмолвно и торжественно стояла перед ним, глядя в высокое небо. Ее губы шептали молитву великому богу солнца, огня и света.

Она просила принять Арранга в вечнозеленые степи со стадами резвых коней, где никогда не иссякает чудесный напиток кумыс. Она молилась о том, чтобы священный бог огня очистил ее и ее сородичей от злых духов, взявших Арранга. Каждый из присутствующих подходил к жрице и окуривал себя ароматным дымком, поднимающимся с алтаря, тер себе руки, лицо, окуривал одежду.

Лишь поздно вечером вернулись с похорон родичи на кочевку. Здесь их снова ждали котлы, полные мяса. Много скота у Арранга, богаты его стада овец и косяки лошадей. Было чем помянуть Арранга.

Долго горели костры в эту ночь на кочевке. Долго ели мясо, пили мясной бульон и крепкий кумыс, вспоминая Арранга. Уже начал складывать песню о подвигах Арранга уважаемый всеми талантливый певец и сказитель рода Сакра. Пройдет еще немного времени, и зазвучат они на кочевках рода Сакра в тихие летние вечера и в морозные длинные зимние ночи, а затем пойдут из рода в род среди великого и обширного народа савроматов.

...Прошли тысячелетия. Не дошли до нас сказания и песни об Арранге. Лишь огромный курган бережно хра

нил его прах. Но и он не уцелел. На смену савроматам пришли новые племена с новыми обычаями, с новой религией. В поисках золота и драгоценных вещей они раскапывали древние курганы. Они разграбили и могилу Арранга. Прошло еще много столетий. Затекали, разравнялись вырытые ямы. Ветры, дожди изменили форму кургана. И. вновь пришли искатели золота. Это было уже в наше время. Они собрали то, что второпях не захватили древние грабители. На долю ученых-археологов осталось немного от пышных и торжественных похорон. Но и то, что сохранилось, позволило представить нам картину похорон Арранга, вождя савроматского рода Сакра.

*
* *

Последним мы раскапывали курган № 9. Это был крайний западный курган Первых Пятимаров. Его высота составляла 1,4 метра, диаметр — 20 м. В центре его находилась свежая грабительская яма. Это говорило о том, что мы не должны ожидать многого от кургана.

Однако наши опасения оправдались далеко не полностью. Курган дал интересные вещи, позволил сделать ценные наблюдения.

Центральная, основная могила его была сверху перекрыта деревянным настилом, от которого сохранились лишь древесный тлен и кора. В могиле оказалось два погребения. Одно из них было разграблено полностью. В нем оказались кости человека, обломок бронзового зеркала с ручкой и бронзовая литая подвеска. Второе погребение грабители не обнаружили. Погребенный лежал на спине, головой на запад. Слева от черепа находилась золотая цепочка с подвешенным к ней золотым шариком, против правого виска — куски от колчана. В нем лежало 33 бронзовых наконечника стрел и один железный. Тут же, около колчана, лежала кварцитовая плитка для точки стрел и золотая оковка в виде головы грифона. В могиле лежали также кости животных и среди них бронзовый наконечник стрелы и железный ножик. Недалеко от правого колена лежала кучка из 45 галек. По характеру стрел погребение датировалось V веком до н. э., то есть

савроматским временем. Золотая сережка и особенно кучка галек свидетельствовали о том, что это было погребение савроматки-жрицы. Положенные в могилу гальки — ее гадательные камешки, ее жреческие принадлежности.

Это было единственное погребение жрицы среди раскопанных погребений Первых Пятимаров. Еще раньше, в 1957 году, и позднее, в 1961 году, в соседних курганных группах на территории колхоза «Дружба» мы раскопали весьма интересные погребения жриц с характерными принадлежностями жреческого ритуала — переносными каменными алтариками.

В юго-западной части кургана № 9 были еще две могилы — мужская и женская. Они тоже оказались савроматскими, только совершены столетием позже после основного, центрального погребения, то есть в IV веке до н. э. Могилы были выкопаны в готовом кургане, насыпанном над погребением жрицы. В первой могиле было погребение мужчины-воина. Он лежал на спине, головой на юго-восток. Кости скелета плохо сохранились. Вдоль правого бока покойника лежал железный меч длиной более метра. Рядом с рукояткой меча был массивный железный наконечник копья. У левого бока воина найдены остатки колчана из бересты и кожи. В колчане было 185 наконечников стрел. Среди них лишь один был железный, все остальные — бронзовые. Все они лежали остриями к ногам. Сохранились не только металлические наконечники, но частично и древки стрел. За колчаном со стрелами стоял большой лепной с узким горлышком глиняный сосуд.

Погребение савроматского воина IV века до н. э. свидетельствовало о способе ношения оружия: меч на правом боку, колчан со стрелами — на левом.

Вторая могила содержала женский скелет. Кости его сохранились плохо. Женщина также была погребена на спине, головой на юго-восток. У ее правого плеча лежало бронзовое зеркало. На правой руке, выше локтя обнаружен бронзовый браслет. Близ правого бедра были обломки какого-то железного предмета, возможно ножа, а против колена правой ноги лежало более двух десятков стеклянных бус. В ногах покойницы стоял плоскодонный лепной глиняный горшок и около него глиняное пряслице для веретена.

*
* *

Курганом № 9 мы закончили раскопки на Первых Пятимарах. Два громадных кургана—10-й и 11-й,— а также лежащий несколько в стороне 13-й остались неисследованными. Они по-прежнему хранят тайны, теперь уже частично разгаданные нами. Вряд ли те погребения, которые скрываются под их могучими насыпями, относятся к иному времени.

К огорчению наших друзей — деревенских жителей, мы не нашли на Первых Пятимарах ни золотых котлов, ни бочонков с золотом. Но мы нашли то, что во много раз ценнее,— вещественные памятники, позволяющие шире и глубже изучить историю древних жителей Оренбургского края.

Как показали раскопки, первые курганы на Первых Пятимарах были насыпаны во 2-м тысячелетии до н. э., в эпоху бронзы. В них похоронены древние оседлые скотоводы, земледельцы и металлурги оренбургских степей.

В середине первого тысячелетия до н. э. ранние кочевники-савроматы воздвигли в соседстве с небольшими древними насыпями свои грандиозные курганы. Надо думать, что савроматы, выбирая это место для похорон своих родичей, руководствовались не только природными особенностями (вершина сырта, с которой открывалась широкая панорама на безбрежные степные дали), но также наличием здесь древних курганов, которые, по их преданиям, могли считаться могилами их древних предков.

Все савроматские погребения, как указано выше, относились к V веку до н. э. Исключение составляли два погребения IV века до н. э. в кургане № д. Сходство характера погребального обряда, сходство вещей, положенных в могилы, говорят о том, что раскопанные савроматские курганы были сооружены в сравнительно небольшой промежуток времени. Руководитель раскопок, автор капитальной работы «Савроматы», доктор исторических наук К. Ф. Смирнов считает, что савроматские курганы на Первых Пятимарах «представляли кладбище, безусловно, одной очень богатой семейно-родовой группы, центром которой были тесно расположенные самые большие курганы — № 8, 10 и 11. Около них вскорее

возникли менее солидные насыпи умерших богатых родственников родо-племенных вождей» [50].

История не сохранила нам ни имен вождей и старейшин савроматских родов, ни рассказов об их ратных подвигах, ни имен их жен, похороненных в раскопанных нами курганах. Мы можем лишь сказать, что эти вожди и старейшины жили в то время, когда в мире происходили крупнейшие события: длительная греко-персидская война, закончившаяся блестящей победой греков в 449 году до н. э. около г. Саламина на острове Кипр; Пелопонесская война 434—404 гг. до н. э. между, Спартой и Афинами. Они были современниками расцвета эллинской культуры, когда в Афинах — одном из крупнейших центров цивилизации того времени — жили и творили философ-материалист Демокрит, философ Сократ, когда афиняне присутствовали на представлениях трагедий Эсхила, Софокла и Эврипида и комедий Аристофана. Они были современниками талантливого греческого скульптора Фидия, а также «отца истории» и знаменитого путешественника Геродота из Галикарнаса. Того Геродота, который побывал в устьях Днепра, в греческой колонии Ольвии, и обессмертил свое имя знаменитой «Историей», в которой впервые упоминается о савроматском народе.

*
* *

Грустно было, когда наступил последний день нашего пребывания на Пятимарах. Не чувствовалось обычного оживления. Даже костер горел не так ярко, как всегда. Более чем за два месяца мы полюбили работу на курганах, сдружились между собой. И вот настала пора возвращаться в город.

Утром мы свернули лагерь, погрузились в машины и тронулись в путь. Мы долго провожали взглядами силуэты последних курганов на Пятимарах — до тех пор, пока их не заслонил спуск к Илеку.

Народы движутся на запад

Движение гуннских полчищ открыло целую эпоху передвижения восточных кочевых народов на запад через прикаспийские южноуральские степи — обширные ворота, соединяющие европейские степи с азиатскими. Движение это совпало с переходом германских племен из Прибалтики в южнорусские степи и славянских племен — на Балканский полуостров. Эти крупные перемещения, продолжавшиеся до конца VI века, составили целую эпоху Великого переселения народов.

Эта эпоха, а также позднейшие передвижения кочевых народов из азиатских степей в IX—XII веках полностью видоизменили состав населения южноуральских степей. Уже во время передвижения гуннов в южноуральских степях оседают угорские и тюркские племена, сдвинутые гуннами со старых мест и вошедшие в состав их полчищ. В числе угорских народов были племена сарагуров, оно-гуров и урогов. Не успела успокоиться степь после гуннов, как в середине V века н. э. она вновь пришла в движение во главе с западносибирским угорским племенем савилов (от их имени, вероятно, произошло название Сибирь). Теснимые с востока, савиры двинулись на запад, в свою очередь тесня перед собою племена сарагуров, оногуров, урогов, живших в степях Поволжья и

Приуралья. В начале VI века савиры появляются в северокавказских степях и уже в 515 году совершают поход в Закавказье и вступают в дипломатические отношения с Византией.

Не успели пройти через прикаспийские и южноуральские степи племена во главе с савирами, как вслед за ними в начале VI века движется новая волна кочевых народов. Во главе их стояли авары, которые в древнерусских летописях известны под именем обры.

Авары — народ угорского происхождения — в процессе передвижения включили в свой состав и тюркские, и монгольские, и аланские племена. В 60-х годах VI века на Дунае они создают свое государство — Аварский каганат, существовавший до конца IX века.

В середине VI века в Азии возникает огромная держава тюрков (тюркютов)—Тюркский (Тюркютский) каганат, вскоре разделившийся на Западно-Тюркский и Восточно-Тюркский каганаты. Западно-Тюркский с центром в Семиречье представлял из себя огромную державу. В Средней Азии он граничил с Ираном, на Западе — с Византией. Уже в конце VI века тюркютские отряды вторгаются в Крым, в Закавказье. Тюркюты активно участвуют в войнах Ирана против Византии. Внутренние междоусобицы и войны с Китаем в середине VII века привели к крушению Западно-Тюркского каганата. В период его существования население южноуральских степей значительно пополняется новыми тюркскими племенами; все больше распространяется тюркский язык.

В середине VII века, после крушения Западно-Тюркского каганата, в Поволжье возникают два крупных государства: Хазарский каганат с центром в городе Итиль в низовьях Волги (точное местоположение не установлено) и Болгарское (Булгарское) государство на Средней Волге с центром в городе Болгары (Булгары), находившемся на месте современного села Успенского-Болгары Татарской АССР.

Возникновение этих государств на время приостановило передвижение кочевых народов из Азии в европейские степи. Но ненадолго.

В то время, как создавался, креп и расширял свою территорию Хазарский каганат, на территории теперешнего Заволжья, в южноуральских и казахстанских степях слагались новые крупные племенные союзы. Непосред-

ственным восточным соседом каганата становится племенной союз во главе с печенегами, именовавшими себя Кангар. В южноуральских степях, возможно, в бассейне рек Кинели и Самары, формируется Мадыарский (венгерский) племенной союз из числа древнеугорских племен. Эти племена вместе с гуннами и савирами проникли сюда из Западной Сибири, отколовшись от основной массы угорских племен, потомками которых являются современные приобские народы ханты и манси.

К востоку от печенегов, в казахстанских степях, возникают крупные племенные союзы тюркских племен — огузский и кипчакский (кыпчакский).

Печенеги были одним из крупных племен среднеазиатского кочевого союза канглов. В IX веке племена печенежского союза кочуют в степях между Волгой и Яи-ком, являясь непосредственным восточным соседом Хазарского каганата.

С начала IX века начинается новый этап перемещения кочевых племен из заволжских и казахстанских степей на Запад. Новую волну передвижения открывает Мадыарский племенной союз. Под давлением печенегов угорские-мадыарские племена в начале IX века прорываются за Волгу и в 20-х годах IX века появляются в южнорусских степях. В 839 году их отряды действуют уже на Днепре. После недолгого пребывания в южнорусских степях мадыары под напором печенегов движутся дальше на запад, в конце IX века появляются на Дунае и здесь обретают свою новую родину (территория нынешней Венгерской Народной Республики) [51].

Но, вероятно, не все угорские-мадыарские племена Южного Урала двинулись на запад. Часть из них осталась и впоследствии слилась с тюркскими племенами, проникшими в пределы современной Башкирии.

Древние венгры долго помнили о своем восточном происхождении. Еще в XIII веке в Венгрии знали о существовавшей далеко на Востоке «Великой Венгрии».

Она ассоциировалась с территорией современной Башкирии. В XIII веке венгерские монахи совершают путешествия на Восток в поисках «Великой Венгрии». Венгерский монах Юлиан во время первого своего путешествия в 1235—1236 годах нашел своих древних соотечественников «близ большой реки Этиль». («Этиль» — древнее название Волги. В данном же случае, видимо,

имеется в виду река Белая.) Юлиан в своем отчете пишет, что язык у них совершенно венгерский: и они его понимали, и они [52].

Предания о «Великой Венгрии», то есть о древнем местожительстве венгров на Южном Урале, отразились также в отчетах знаменитых путешественников XIII века—монахов Плано Карпини и Гильома Рубрука, послы папы Иннокентия IV (первого) и французского короля Людовика IX (второго), совершивших свои путешествия к монгольским ханам в 1245—1247 годах (Плано Карпини) и в 1253—1255 годах (Гильом Рубрук). Плано Карпини упоминает о стране «Баскарт», именуя ее «Великой Венгрией». Гильом Рубрук, сообщая о реке Ягак, то есть Яик, пишет, что «большая река Ягак течет с севера из земли Паскатири..., язык Паскатири и венгров — один и тот же». Под землей Паскатири Рубрук разумел современную Башкирию [53].

Печенеги, потеснив мажарские племена, в свою очередь вынуждены были уйти из заволжских и южноуральских степей под натиском своих восточных соседей гузов или огузов, выступивших против них в союзе с хазарами. В конце IX века печенеги прорываются через территорию Хазарского каганата, переходят Волгу и появляются в южнорусских степях, оттеснив венгров-мажар дальше на запад. В древнерусской летописи — в «Повести временных лет» — они впервые упоминаются под 915 годом: «Приидоша печенези перьвое на Русскую землю и сот-вориша мир с Игорем, идоша к Дунаю».

В начале X века печенеги кочуют в степях между Доном и Дунаем. Однако часть их осталась на старых кочевьях. Арабский путешественник Ибн-Фадлан, совершивший в 921—922 годах трудное путешествие из Багдада в Волжскую Булгарию, встретил небольшую группу печенегов, видимо, на берегах озера Челкар (территория Уральской области). Это были бедные печенежские роды. Ибн-Фадлан отмечает: «Они — темные брюнеты с совершенно бритыми бородами, бедны в противоположность гузам» [54].

Гузы или огузы, вытеснившие печенегов, были тюркскими племенами, в состав которых вошли племена угорского и сарматского происхождения. В IX—X столетиях они занимают своими кочевьями огромную территорию от низовий Сыр-Дарьи и бассейна реки Сарысу

на востоке вплоть до Волги на западе. Большинство гузов были кочевниками. Лишь часть из них жила оседло в низовьях Сыр-Дарьи. Подробное описание быта гузов сделано упоминавшимся выше Ибн-Фадланом, проехавшим через их кочевья во время своего путешествия в Волжскую Булгарию. Они разводили лошадей, верблюдов, овец, жили в войлочных юртах, управлялись родовыми старейшинами. Представители племенной и родовой верхушки владели громадными стадами овец и лошадей.

В конце X века происходит распад гузского союза. Часть гузов во главе со своим вождем Сельджуком двинулась в Среднюю Азию и в течение короткого времени захватила большую территорию, образовав в 40-х годах

XI века огромное государство. Другая часть под давлением своих восточных соседей двинулась за Волгу в южнорусские степи и в кочевья печенегов. Русская летопись впервые упоминает их под 985 годом под именем торков как союзников князя Владимира в походе на Болгары. Третья часть гузов-торков осталась на месте и слилась с теснившими их с востока кыпчакскими племенами.

Кыпчаки именуются в русских летописных известиях половцами. (Академик А. Куник полагал, что это русское название возникло не от слова «поле» и не означало людей, живущих в поле, то есть кочевников, а происходит от соломенно-белого, полового цвета их волос). В греческих и западных хрониках кыпчаки именуются коман- ми или куманами. До появления в южноуральских степях они жили в бассейне Иртыша, и оттуда, продвигаясь на запад, теснили гузов. Разгромленный киевским князем Святославом в 965 году Хазарский каганат не имел сил воспрепятствовать движению кыпчаков. В середине

XI века они появляются в южнорусских степях. Впервые в русской летописи они упоминаются под 1054 годом. Вскоре они становятся полными хозяевами огромного пространства степей от Днепра до Казахстана. По их имени эти степные пространства в арабской и персидской литературе начиная с XI и вплоть до XV века носили имя «Дешт-и-Кыпчак», то есть Кыпчакская степь.

С конца XI и до начала XIII века половцы совершают бесчисленные набеги на русские земли, грабят, сжигают селения, уводят в плен жителей. Полагают, что отдаленные потомки половцев сохранились в Венгрии и Молдавии под именем народа чанго. Здесь они посели

лись, главным образом, во время нашествия татаро-монголов.

Кыпчаки (половцы) жили в заволжских и южноуральских степях не только в домонгольское время, но и являлись основным населением степей Золотой Орды. В их среде растворились пришедшие из Азии татаро-монголы. Они переняли и язык кыпчаков. Арабский писатель XIV века ал-Омари пишет, что татары смешались с кыпчаками и «стали точно кыпчаки» [55].

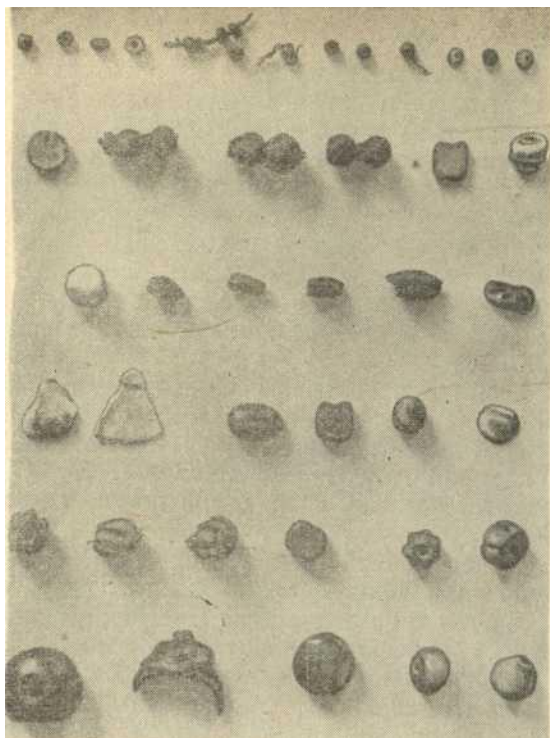
Появление тюркских народов в южноуральских степях, начиная с движения гуннов на запад в 70-х годах IV века, привело к постепенному проникновению их на территорию современной Башкирии. Новые тюркские племена ассимилировали древнее финно-угорское население и передали ему свой язык. Одним из тюркских племен, проникших в Башкирию в VII—IX вв., были башкирские племена (племена «башкорт»). Это были кочевники-скотоводы, по всей вероятности, входившие в печенежский союз. Сначала они проникли в юго-восточную часть современной Башкирской АССР, а позднее, продвинувшись к северу, дали это имя остальным племенам, обитавшим в бассейне реки Белой. Упомянутый выше арабский путешественник Ибн-Фадлан уже знает «страну народа из тюрков, называемых Башкиры».

Изучение башкирских родо-племенных названий указывает, что отдельные тюркские племена проникали в Башкирию и позднее.

Последним движением народов из Азии на Запад было нашествие татаро-монголов в 1236—1243 годах во главе с внуком Чингисхана Бату-ханом, именуемым в русских летописях ханом Батыем. Оно завершилось разгромом Волжской Болгарии, установлением татарского ига над русскими княжествами и образованием татаро-монгольского государства Золотая Орда с центром в городе Сарай в низовьях Волги. Южноуральские степи и Башкирия стали частью золотоордынского государства.

*
* *

Археологические памятники периода V—XIII веков в южноуральских степях мало известны и слабо изучены. Особенно мало выявлено памятников V—VIII веков, ког-

Украшения из погребения у села Ромашкино Курманавского района (IX век н. э.)

Нижний ряд (слева—направо): первый предмет — бусина из янтаря с изображением птицы, второй — серебряный перстень. Четвертый ряд сверху: третий предмет слева — вставка сердоликовая из перстня с резными арабскими буквами (см. рис. на стр. 131)

да через прикаспийские и южноуральские степи шло быстрое передвижение множества кочевых народов. Несколько больше известны и изучены погребальные памятники IX—XIII веков, когда в южноуральских степях длительное время обитали тюркские народы-печенеги, огузы-торки, кипчаки-половцы, объединяемые в археологической науке общим термином «поздние кочевники».

Поздние кочевники оренбургских степей занимались кочевым скотоводством. Однако находки зерен проса и серпов в некоторых погребениях заставляют предпола

гать о наличии у них слабо развитого земледелия в виде посевов проса. Как и ранние кочевники (сарматские племена), поздние кочевники были конными воинами. Однако и в оружии и в конском снаряжении наблюдается значительное различие. Поздние кочевники оренбургских степей ездили на жестком седле со стременами (чаще железными, редко костяными). Вместо меча пользовались новым типом холодного оружия — саблей, появившейся в среде степ-

Резная арабская надпись на сердоликовой вставке.

ных кочевников в IX веке. Значительно различаются лук и форма наконечников стрел. Берестяные колчаны, в которых носились стрелы, украшались резными костяными накладками. Жилищем поздним кочевникам служила передвижная разборная юрта, покрывавшаяся войлоком, а не телеги с устроенными на них кибитками, как у сарматов.

Весьма характерной чертой для поздних кочевников является близость форм предметов материальной культуры разных племен. Из-за этого порой трудно определить, каким исторически известным племенам и народам соответствуют те или иные археологические памятники.

Ранние кочевники оренбургских степей — сарматы — по религиозным воззрениям были огнепоклонниками. Поздние кочевники начали переходить к мусульманству под влиянием среднеазиатских миссионеров, проникавших в их среду. Однако мусульманство носило у них самый поверхностный характер и не могло вытеснить древних домусульманских верований. Поэтому в погребениях поздних кочевников наблюдается старинный обряд погребения с вещами и с убитыми животными — конем, овцой и т. д.

«Каменная баба», найденная в верховьях реки Иртека у села Петропавловки
Новосергиевского района

К числу особенностей погребального ритуала кипчакских-половецких племен относится обычай ставить на могиле грубо высеченную из камня фигуру человека — «каменную бабу» — изображение женщины или мужчины. Они широко встречались в местах расселения кипчакских — половецких племен в южнорусских, южноуральских и казахстанских степях. Древний скульптор часто отражал на изваяниях особенности костюма, оружия. Многие «каменные бабы» изображались со скрещенными на животе руками и чашей в них.

В Оренбургском областном краеведческом музее хранятся четыре «каменные бабы», из них две почти целые. На сохранившихся скульптурах переданы мужские лица и грубо намечены руки. Одна обнаружена в 1967 году в верховьях реки Иртека у села Петропавловки Но- восергиевского района при распашке небольшого земляного кургана.

Большое число «каменных баб» уничтожено местным населением, использовавшим их на строительные нужды.

Обычай устанавливать каменные изваяния на могилах у кипчаков держался долго. Упомянувшийся выше Гильом Еубрук, посол французского короля Людовика IX к монгольскому хану Мунке, проехавший в 1253—1255 годах через южнорусские, заволжские и казахстанские степи, пишет о куманах, то есть кипчаках:

«Куманы насыпают большой холм над усопшим и воздвигают ему статую, обращенную лицом к востоку и держащую у себя в руке перед пупком чашу» [56].

Под властью Золотой Орды

В начале XIII века в Центральной Азии возникло могущественное объединение кочевых племен — татаро-монголов, возглавляемое жестоким правителем Чингисханом (Темучин). Чингисхан покорил некоторые народы Сибири, завоевал Северный Китай и Среднюю Азию. В 1223 году один из крупных могущественных отрядов татаро-монгольского войска разбил на реке Калке объединенные силы половцев и русских князей. После этого татары двинулись в Волжскую Булгарию. Там они потерпели серьезное поражение от болгар и ушли в завожские степи.

Через шесть лет передовые отряды татаро-монголов вновь появились на Яике и Нижней Волге. Русская летопись сообщает под 1229 годом: «...саксини и половцы взбегоша из низу к болгаром перед татары, и сторожеве болгарский прибегоша, бьена от татар близь реки, ей же имя Яик». Таково первое упоминание о реке Яике в русских источниках.

В 1236 году главные силы татаро-монголов двинулись на Запад. Их полчища возглавил Бату-хан (в русских источниках — хан Батый), внук Чингисхана от его старшего сына Джучи.

Татаро-монголы прошли через казахстанские степи, захватили кочевья кипчаков в завожских степях,

завоевали Башкирию, Волжскую Булгарию, разгромили русские княжества и 'проникли глубоко в пределы Западной Европы. Значительно обессиленные в сражениях с русскими княжествами, татаро-монголы потерпели ряд поражений на Западе и летом 1242 года повернули обратно на восток.

На завоеванных землях Батый основал государство под названием Золотая Орда с центром в городе Сарай, расположенном в низовьях Волги.

Остатки этого города (в восточных источниках он именуется Сарай Бату) находятся на месте нынешнего села Селитренного недалеко от города Астрахани и изучаются археологами.

Золотая Орда занимала

обширное пространство от Дуная до Иртыша. В начале она являлась частью (улусом) монгольского государства, но уже со времени преемника Батыя — хана Берке (1257—1266) стала самостоятельным государством. Русские княжества находились в вассальной зависимости от Золотой Орды. Территория нынешних оренбургских и заволжских степей, а также Башкирия вошли в состав золотоордынского государства.

В период господства Золотой Орды в южноуральских степях продолжали кочевать те же племенные объединения, которые обитали здесь и раньше — кипчаки (половцы) и башкиры.

В состав местных кочевников влились и некоторые монгольские племена, такие, как мангыты, кунграты и другие, пришедшие с востока. Влившись в тюркоязычную кипчакскую среду, они перенимали тюркский язык. Процесс тюркизации пришлого монгольского населения происходил во всей Золотой Орде.

Батый. Китайская миниатюра

Башкирские и кипчакские племена южноуральских степей платили золотоордынским феодалам тяжелую дань и выполняли различные повинности. Полагают, что позднейшее деление Башкирии в XVIII веке на четыре дороги — Ногайскую, Казанскую, Сибирскую и Осинскую — является следствием разделения Башкирии в золотоордынское время между четырьмя ордынскими сборщиками дани — «даругами». Позднее монгольское слово «даруга» ассоциировалось с русским «дорога» [57].

Главными политическими ремесленно-торговыми и культурными центрами золотоордынского государства были города Сарай Бату, а позднее и Сарай Берке, основанный преемником Батые ханом Берке (остатки этого города находятся недалеко от Волгограда). Еще позднее на пути в Среднюю Азию, на переправе через реку Яик, возник золотоордынский город Сарайчик (следы его сохранились на месте современного села Сарайчино- во Уральской области Казахской ССР). Этот город часто становился административным центром золотоордынских ханов, боровшихся за ханский престол в Орде. Здесь ханы чеканили свои монеты с пометой, что она выбита в Сарайчике.

Торговые караванные пути проходили и через оренбургские степи в направлении Волжской Булгарии. В этой торговле участвовали и местные племена. В 1914 году в окрестностях села Петровки Уфимской губернии был найден клад, содержащий 345 золотоордынских монет, чеканенных в 1310—1363 годах [58]. Может быть, также к золотоордынскому времени относится «татарский клад» (1572 серебряные монеты и два серебряных слитка), найденный крестьянином Иваном Грибовым в 1847 году на правом берегу Большого Урана в окрестностях нынешнего села Ключевки Новосергиевского района [59].

В эпоху Золотой Орды в Башкирию и южноуральские степи начало проникать мусульманство. Проповедниками его были миссионеры из Средней Азии, а главным образом — из Волжской Булгарии. Возможно памятниками мусульманства являются открытые недавно мавзолеи на берегах Бузулука, о которых речь пойдет несколько ниже.

Постоянные распри, междоусобицы раздирали Золо

тую Орду. Монгольская верхушка, феодальная знать боролись за ханский престол. За время существования Золотой Орды южноуральские степи были местом частых военных столкновений. На берегах Яика, неподалеку от Сарайчика нашел свою смерть в 1419 или 1420 году все- сильный золотоордынский князь Едигей, борясь за власть в Золотой Орде со своим соперником Кадыр-Берди — сыном золотоордынского хана Тохтамыша. Согласно свидетельству современника, он был разрублен мечами на куски [60].

В 1391 году южноуральская степь стала свидетелем кровавых сражений между войсками золотоордынского государства во главе с ханом Тохтамышем и среднеазиатского властителя Тимура (Тамерлана). Интересно, что путь войск Тимура шел через оренбургские степи и юг Башкирии. Подробно сообщает об этом походе историк царствования Тимура, его современник Низам-ад-дин Шами.

В конце января 1391 года двухсоттысячное войско Тимура выступило из Ташкента в направлении Центрального Казахстана. Достигнув его, оно повернуло на запад и 29 мая подошло к Яику. Проводник сказал Тимуру: «У этой реки три переправы: одна называется Айгыр-яли, вторая — Бур-кичид, третья — Чапма-ки-чид» [61]. Опасаясь засады со стороны Тохтамыша в районе переправ, Тимур не использовал их и переправился выше. Неизвестно, где именно войско Тимура перешло через Яик, но вероятнее всего, в пределах Оренбургской области, выше того места, где ныне располагается город Орск.

Обращают на себя внимание названия двух переправ, сообщенных Тимуру проводником: «Айгыр-яли» и «Бур-кичид». Оба названия тюркского происхождения. Первое из них — «Айгыр-яли» — в переводе на русский означает «Грива жеребца» и очень созвучно названию села Гирьял, которое находится на правом берегу Урала (Беляевский район). Проживающие здесь татары до сих пор называют это село Айгыр-ял. Интересно, что и в наше время возле села находится одна из переправ через Урал.

Название «Бур-кичид» в переводе на русский означает «Меловая переправа» и перекликается с нынешними названиями притоков Урала: Буртя, Урта Буртя,

Скульптурный портрет Тимура. Реконструкция М. М. Герасимова

Киялы Буртя, Бурлы. В основе всех этих наименований лежит слово «бур» — «мел».

Таким образом, первая переправа, на которую указывал проводник Тимура, находилась, по всей вероятности, неподалеку от места нахождения нынешнего села Гирьяла, а вторая — в окрестности рек Буртя и Бурлы.

Через- шесть дней после переправы через Яик войско Тимура, продвигаясь через юг Башкирии и оренбургские степи, достигло реки «Самар» (вероятнее всего, это была

Сакмара), затем реку «Иик» (ныне Ик, впадающий в Каму) и далее вышло на реку Кундурчу — левый приток реки Сок (ныне в Куйбышевской области).

18 июня «в местности Кундурча произошла великая битва». Тохтамыш был наголову разбит. Потери людей были огромны. Полагают, что число погибших достигло 100 000 человек. Победители захватили огромную добычу. По словам Низам-ад-дина Шами, каждый пеший нукер (воин) возвращался обратно с 10—20 головами лошадей, а одноконные — со 100 лошадьми и больше. Доля Тимура «переходила за границу счета и исчисления». Одних пленных девушек и юношей, принадлежавших ему, насчитывалось свыше 5000 человек [62].

Значительны были и потери войск Тимура. Поэтому он не решился двигаться дальше в пределы золотоордынского государства, а повернул обратно. Перейдя вброд реку Яик, войско вышло в низовья Сыр-Дарьи и отправилось дальше в Среднюю Азию. Весь поход, по словам другого историка Шереф-ад-дина Али Иезди, продолжался 11 месяцев.

Поход Тимура нанес огромный удар могуществу Золотой Орды. Вместе с тем этот поход был огромным бедствием для племенных объединений, живших в заволжских и южноуральских степях и подвластных Золотой Орде.

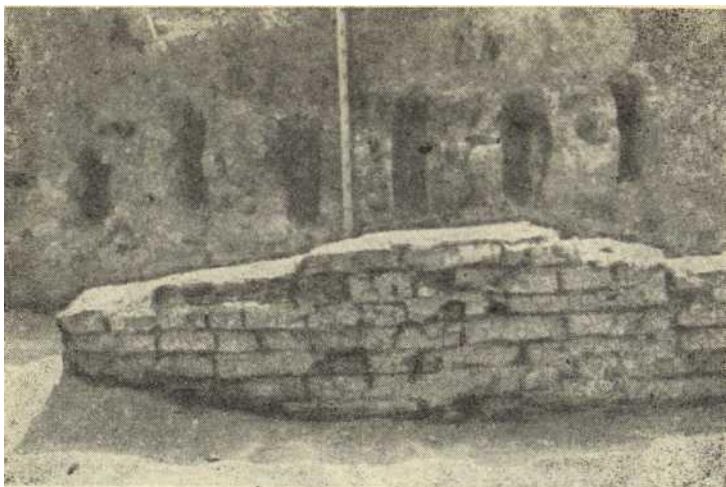
В 1395 году Тимур повторил поход на Золотую Орду. На этот раз войско Тимура шло через Кавказ. В апреле 1395 года Тохтамыш был вторично разбит на реке Тереке. Тимур и его войско подвергли Золотую Орду страшному разгрому. Такие крупные центры, как Сарай Берке, Сарай Бату, Хаджи тархан (Астрахань) и другие, были разрушены, сожжены и разграблены. Войско Тимура дошло до Волжской Булгарии, затем вторглось в пределы Рязанского княжества. Встретив сопротивление русских войск, Тимур двинулся обратно в пределы Золотой Орды, а затем через Кавказ и Иран вернулся в Среднюю Азию.

Разгром татар русским войском на Куликовом поле в 1380 году, опустошительные походы Тимура в 1391 и 1395 годах, внутренняя междоусобица между золотоордынскими феодалами за власть привели к распаду Золотоордынское государство. В первой половине XV века на его месте возникли отдельные ханства — Крымское, Астраханское, Казанское, Сибирское, Узбекское (в казахстанских степях). В заволжских степях, по реке Яи- ку, образовалась Ногайская орда.

*
* *

Археологические памятники периода Золотой Орды (XIII—XV вв.) в южноуральских степях изучались и исследовались в небольшом числе и сравнительно недавно.

В 1968 году археологическая экспедиция Оренбургского областного краеведческого музея начала раскопки на среднем течении реки Бузулука, на территории совхоза им. Свердлова Тоцкого района. Здесь на возвышенном месте среди поля находится группа курганов высотой от полуметра и до трех метров. Среди них выделялись три, расположенные цепочкой. На поверхности их лежало множество обломков хорошо обожженного красного кирпича, а у подошвы виднелись продолговатые заплывшие ямы.

Остатки обжигательной печи в обрыве старицы реки Бузулука на территории совхоза им. Свердлова Тоцкого района

Кирпич по форме совершенно отличался от современного. Он был квадратной формы размером 27X27X5 см или 30X30X6 см. Рядом, в обрыве старицы Бузулука, виднелась кирпичная кладка.

Впервые эта курганная группа и кирпичная кладка обнаружены разведочной экспедицией Оренбургского областного музея в 1953 году. Тогда же житель соседнего башкирского села Кызыл Мечеть (Красная Мечеть) 86-летний башкирин Гизатулла Мратхозин рассказывал, что курганы с кирпичом — остатки стоявших здесь некогда мечетей, а кирпичная кладка — остатки обжигательной кирпичной печи. Он же сообщил, что когда-то на месте этой печи был кирпичный завод, обжигавший кирпич для строительства мечетей.

Позднее, то есть во время раскопок 1968 года, старики-башкиры из села Кызыл Мечеть уверяли нас, что курганы с кирпичом — действительно остатки мечетей, но не просто мечетей, а «провалившихся мечетей».

«Давным-давно,— говорили они,— здесь стояли мечети, но случилась беда. Неизвестно почему-то ли от тяжких грехов окрестного населения, то ли по какой-то иной причине, о чем ведает один всесильный Аллах,—

Общий вид остатков мавзолея в кургане № 6 после снятия насыпи

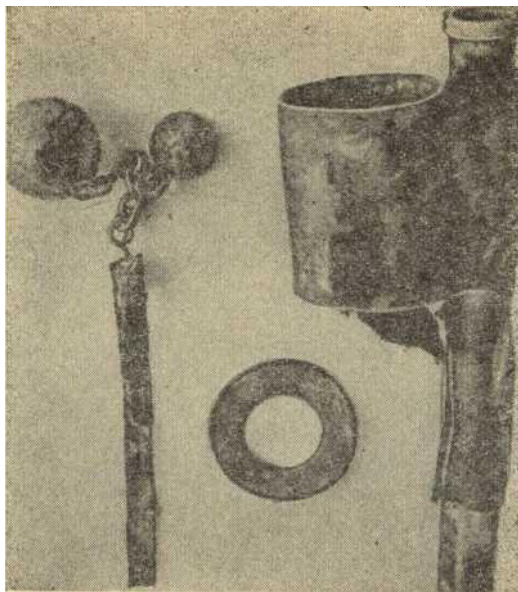
но мечети провалились и глубоко ушли в землю. Лишь обломки кирпичей остались на их месте».

«Печь» и «провалившиеся мечети» стали предметом исследования археологической экспедиции Оренбургского областного музея в 1968—1970 годах.

То, что старожилы-башкиры называли печью, действительно оказалось остатками печи для обжига кирпича. В свое время высота свода печи от пода составляла примерно 1,4—1,5 метра. Печь клали на глиняном растворе из крупных плоских обожженных кирпичей размером 30 X 30 X 6 см, 30 X 15 X 6 см, 30 X 12 X 6 см. Сохранилось лишь основание стен печи на высоту до 60—70 сантиметров.

Раскопки курганов с кирпичом на поверхности выявили, что курганы эти являются остатками надгробных кирпичных зданий — мавзолеев, внутри которых производилась захоронения. От них сохранились лишь основания стен и частично кирпичный пол.

Один мавзолей (в плане курганной группы он помечен номером 6) имел размеры 6,5X12,5 м. Поперечная стена разделяла его на две половины. Строители сложили стены мавзолея на темном земляном растворе из

Металлическая полая трубка с цилиндром из погребения, обнаруженного в мавзолее кургана № 6

обожженного и сырцового кирпича размером 27 X 27 X 5 см. Землю и глину для раствора они брали рядом.

Строение не имело фундамента. Стены были толщиной до полуметра, пол выстлан кирпичом в два ряда: нижний состоял из сырцового кирпича, верхний — из обожженного. В мавзолее оказалось семь погребений: два в южной половине и пять в северной. Погребенные лежали на спине в вытянутом положении, головой на запад. Два погребения были детскими, одно — подростка, четыре — взрослых.

В трех взрослых погребениях оказались вещи: металлическая чаша, лежавшая на груди покойного вверх дном, остатки богатой одежды из парчи, металлическая полая трубочка с прикрепленным к ней цилиндром. В засыпке могильной ямы одного погребения находился обломок ручки от красного глиняного сосуда и три обломка от одного цветного изразца.

Художественные изразцы вряд ли могли изготов-

Вид кирпичного склепа с остатками погребения.
Мавзолей кургана № 7

ляться на месте, на берегах Бузулука. По своему виду и цвету они очень близки к цветным изразцам, которыми украшались здания и мечети в XIV—XV вв. в Средней Азии и городах Золотой Орды — Сарае Бату, Сарае Берке и других.

Аналогичным оказался по своему устройству второй мавзолей (курган № 7). Он имел меньшие размеры (5 X 19 м) и был построен исключительно из обожженного кирпича на глиняном растворе. В мавзолее оказалось три погребения под полом: два непосредственно в грунте, одно — в кирпичном склепе. Основным было, несомненно, погребение в склепе. Покойник (мужчина),

находившийся внутри склепа, был похоронен, по-видимому, в деревянной колоде на спине, головой на северо-запад. В области груди и на ножных костях сохранились обрывки кожи — остатки одежды и обуви. Около головы лежала тонкая полая кость, обломки железного огнива и кремешок. У поясницы находилась квадратная металлическая бляшка, вероятно, украшение от пояса.

В грунтовом погребении, на уровне дна склепа, похоронена женщина. Около ее правого плеча лежали обломки железных ножниц и круглое серебряное зеркальце в остатках деревянного футляра. Погребение женщины рядом со склепом указывает на ее родственное отношение к тому, кто был похоронен в склепе.

Третье погребение, также грунтовое, без всяких признаков гроба находилось выше женского захоронения. Очевидно, оно было совершено позже, чем два первых. Состав вещей, найденных в первых двух захоронениях, весьма близок к вещам поздних кочевников XIII—XIV вв., но наличие кирпичного склепа и мавзолея заставляет отнести сам мавзолей и первые два погребения к более позднему времени — к XIV—XV векам.

Третий мавзолей (курган № 8) был меньших размеров (5,6 X 6,3 м). Внутри сооружения оказалось два погребения. В одном сохранились обломки каких-то железных предметов, возможно, стремени и ножниц.

Сходство формы и размеров кирпича во всех трех мавзолеях и в обжигательной печи указывает на то, что все эти сооружения близки друг другу по времени. Следует заметить, что кирпич этот по форме и размерам почти одинаков с кирпичом, из которого сложена так называемая «башня Тамерлана» на берегах озера Кисяне в окрестностях села Варны Челябинской области.

Сооружение специальных мавзолеев из кирпича говорит о высоком положении погребенных. Это были представители феодальной знати, кочевавшие со своими улусами на берегах Бузулука во времена Золотой Орды.

*
* *

...После распада Золотой Орды в заволжских степях образовалась Ногайская орда. Она сложилась из различных тюркских и тюркизированных монгольских племен,

кочевавших по Яику. Одним из наиболее многочисленных племен в ее составе были мангыты. Поэтому вся эта территория именовалась «мангытским улусом». С присоединением новых групп кочевых татарских племен с правобережья Волги, входивших раньше в улус золотоордынского феодала Ногай (конец XIII века), это объединение кочевых племен стало именоваться Ногайской ордой.

Ногайская орда была феодальным ханством с сильными пережитками патриархального строя. Она состояла из ряда кочевых улусов, управляемых феодалами-мир-зами. Во главе орды стоял князь. Князь имел очень слабую власть над мирзами. Для решения важных дел, касавшихся всей Ногайской орды, князь созывал съезды мирз. Ногайские князья и мирзы считали себя потомками золотоордынского феодала Едигея.

Ногайская орда была наиболее сильной и многочисленной из всех татарских ханств, образовавшихся после распада Золотой Орды.

Бесконечная междоусобица между ногайскими мирзами ослабляла Ногайскую орду. В результате около середины XVI века Ногайская орда распалась на три части. Сыновья ногайского князя Шихмама (умер в 1549 году), «шесть братьев», ушли на реку Эмбу и образовали самостоятельную Энбулукскую или Алтаульскую* орду. Часть ногайских улусов во главе с Казы мирзой перешла на правый берег Волги и в приазовских степях образовала Малую ногайскую орду. Оставшиеся в заволжских степях улусы стали называться Большими Нагаями.

Большие Нагаи занимали своими кочевьями огромную территорию. Их кочевья начинались с левобережья Волги и уходили далеко на восток, в глубь казахстанских степей. На юге — с побережий Аральского и Каспийского морей до Казани и столицы Сибирского ханства Чинга-Туры (Тюмени).

Известная «Книга Большому Чертежу», составленная в 1627 году и включавшая изложение двух «чертежей» — карт Московского государства XVI века, так описывает кочевье Больших Нагаев:

* Слово «Алтаульская» происходит от тюркских слов «алты» («шесть») и «ул» (сын).

Кочевье ногайцев возле Астрахани. Рисунок Адама Олеария, участника немецкого посольства в Персию в 1636 – 1637 годах

«А от верху реки Бузувлук, на полях, и до Синева моря, кочевье все Больших Нагаев».

Река Бузувлук – ныне река Бузулук, левый приток реки Самары. Синее море – Аральское море.

Главными районами ногайских кочевий были бассейн реки Яика и левобережье Волги от ее устья почти до Камы.

Ногайцы имели также постоянные поселения, жители которых вели оседлый образ жизни, занимались земледелием и ремеслами. Главным был старинный городок Сарайчик на реке Яике – один из торговых пунктов Золотой Орды, возникший на торговой караванной дороге из золотоордынских центров в Среднюю Азию. Ныне на его месте находится село Сарайчиково Уральской области. Сарайчик считался центром Ногайской орды. Обычно в нем зимовали ногайские князья. Жители Сарайчика занимались ремеслом, торговлей и земледелием.

В 50-х годах XVIII века на месте Сарайчика находился форпост яицких казаков.

Город Казань, Рисунок Адама Олеария

Ногайская завожская орда — Большие Нагаи — была тесно связана экономическими, торговыми и политическими связями с Московским государством, со Средней Азией и соседними татарскими ханствами — Астраханским, Казанским, Крымским и Сибирским. Ногайскую орду посещали и турецкие послы, стремившиеся заключить союз против Московского правительства.

Особенно тесные экономические и торговые связи завожские ногайцы имели с Москвой, Казанью и Астраханью. В течение всего XVI века ногайцы ежегодно в летнее время пригоняли в Москву табуны лошадей для продажи. До начала огромного стихийного бедствия в 50-х годах XVI века, ногайцы пригоняли в Москву до 20 000 голов лошадей.

Захват русскими Казани в 1552 году, Астрахани в 1554 году, добровольное присоединение Башкирии к Москве в 50-х годах XVI века привело Ногайскую орду в непосредственное соседство с могучим Московским государством. Растущие торговые и экономические связи Ногайской орды с Москвой требовали также и более тесных политических связей. В свою очередь Московское правительство стремилось обезопасить свои окраины от постоянных татарских набегов, в лице но-

Ногайцы и черкесы (Двое слева — ногайцы). Рисунок Адама Олеария

гайцев и крымцев. Оно стремилось предотвратить заключение союза между Крымом и Ногайской ордой. Поэтому Московское правительство добивается признания зависимости Ногайской ордой. В результате в 1557 году князь Исмаил и ногайские мирзы дают «шерсть» — присягу Ивану IV.

*
* *

Еще до завоевания Москвою Казанского и Астраханского ханств на Волге возникают отдельные казачьи общины-ватаги из беглого крестьянского люда. Рыбная ловля, звериный промысел, перевоз через Волгу ногайских послов или ногайцев, идущих на торг в Москву, набеги на ногайские улусы, грабежи купеческих и правительственных судов на Волге и даже морские роходы на берега Каспия были главными источниками существования этих общин. Излюбленным местом обитания казачьих отрядов, согласно народным преданиям, был район Самарской Луки реки Волги.

В течение всего XVI века ногайские князья и мирзы жалуются в Москву на набеги сначала мещерских каза

ков (то есть казаков из области «Мещеры» на Оке), а затем на волжских. Они жалуются на то, что казаки отгоняют у ногайцев лошадей, захватывают пленных, нападают на купцов – «ордобазарцев», едущих с конями и товарами в Москву. Московское правительство, стремясь быть в дружбе с ногайцами, старалось предотвратить эти нападения и отправляло специальные отряды против казаков. С другой стороны, присутствие казачьих отрядов на Волге было выгодно правительству. Оно могло использовать их в своих интересах.

Действия царских отрядов на Волге против волжских казаков и основание укрепленного городка на Средней Волге в устье Самары, против Самарской Луки – любимого пристанища волжских казаков, привело к уходу нескольких сот волжских казаков в глубину ногайских кочевий и поселению их на Яике.

*
* * *

Неизвестно, как сложилась бы дальнейшая история Больших Нагаев в заволжских степях, если бы не появление с востока новых, более организованных кочевни-ков-калмыков. В 1618 году калмыки наносят первый короткий удар по ногайским кочевьям и отходят обратно в казахстанские степи.

Раздираемые постоянными междоусобицами, ногайцы, несмотря на помощь астраханских воевод, не смогли устоять против нового натиска калмыков в начале 30-х годов XVII века. В 1634 году большинство улусов «Больших Нагаев» перешло в низовья Волги на ее правобережье и обосновалось в приазовских и северокавказских степях в соседстве с Малой ногайской ордой. Отсюда ногайцы вместе с крымскими татарами часто совершали набеги на пограничные селения русского государства.

Дальнейшая история ногайцев протекала вне пределов Южного Урала. Отметим лишь в заключение, что из некогда многочисленного народа, занимавшего своими кочевьями обширные заволжские степи, до настоящего времени ногайцев сохранилось несколько десятков тысяч человек (в 1926 году их насчитывалось 34 тысячи человек). Они живут на Северном Кавказе в

бассейне реки Нижней Кумы, в северных районах Дагестана и в Карачаево-Черкесской автономной области [63].

*
* *

Итак, ногайцы ушли из южноуральских и завожских степей и, казалось, никогда больше не вернутся сюда. Но история полна удивительных и неожиданных поворотов.

В 1744–1745 годах часть ногайцев, так называемые салтанаульские и кондуровские татары, в числе 1408 человек были переведены из-под Астрахани в Казанскую губернию во избежание ухода их на Кубань и в пределы Турции. Из них 504 человека кондуровских татар из Казанской губернии в 1745 году были переведены в заселявшийся в то время Оренбургский край. Кондуровские татары выбрали место для поселения на реке Сакмаре и основали поселение, которое стало известно под названием Кондуровской или Кундуровской слободы (ныне село Кондуровка Саракташского района) [64]. Здесь они перешли к оседлой жизни. В советские годы ногайцы из Кондуровки перешли на железнодорожную станцию Дубиновку и в поселок Чулпан.

Недолго прожили в Казанской губернии и салтанаульские ногайцы. По их просьбе в 1768 году они также были переведены в Оренбургскую губернию и поселены на реке Сакмаре – в крепости Воздвиженской, в редутах Желтом и Никитинском. В 70-х годах XIX века ногайцы из бывшей крепости Воздвиженской выселились в отдельный поселок Шишму, из которого уже в советское время выделился поселок Ирек.

Оренбургские ногайцы сохранили свой язык и глухие предания о том, что они пришли из Казани. Но совершенно не сохранились в народной памяти те времена, когда их далекие предки в XVI веке кочевали по просторам оренбургских и южноуральских степей.

Казачий городок на Кош-Яике

К середине XVI века сложилось единое Российское государство. Вопросы управления, защиты границ требовали обстоятельных описаний и карт всех его земель. В течение XVI века московские картографы составляют ряд карт – «чертежей» сначала отдельных областей, а затем и генеральную карту всего государства под названием «Большой Чертеж». Русский историк географической науки Д. М. Лебедев полагает, что «Большой Чертеж» составлен в последние 20 – 30 лет XVI века.

Ни одна из карт XVI века не дошла до нас. Сохранились лишь списки-описания, передающие полное содержание «Большого Чертежа». Первый список с этой карты был составлен в Москве в 1627 году и получил название «Книга Большому Чертежу».

Это замечательный историко-географический документ. На его страницах описываются и завожские степи XVI века с главной водной артерией Южного Урала – рекой Яиком: .

«Река Яик вытекла поровень с Оралтовою горою (то есть с Уральскими горами – С. П.) против верховья Табола реки. От Великие Тюмени река Яик вытекла за 250 верст.

А в росошах реки Яика прошли озера; а из росошей потекла река Яик в Хвалимское море (Каспийское море. – С. П.), а протоку реки Яика до моря 1050 верст» [65].

Описывая реку Яик по карте, писец перечисляет его притоки. Среди них он указывает и «Илез реку», то есть реку Илек. Приводим часть описания этой реки, представляющей для нас в данном случае особый интерес:

«...пала в Яик, с левые стороны Яика, Илез река, ниже горы Тустеби, по-нашему, та гора Соляная, ломают, в ней соль».

И далее:

«А на усть тое реки остров Кош-Яик.

А промеж тем протоком и реки Яика, на острову, Казачей городок» [66].

Следовательно, по данным «Книги Большому Чертежу», в конце XVI века на реке Яике в районе устья реки Илека находился остров, на котором стоял Казачий городок. Достоверны ли эти данные «Книги Большому Чертежу» и прежде всего данные о существовании в том месте острова?

Некоторые подтверждения этому есть. Следы острова неподалеку от села Илека можно видеть и в наше время. Село находится на левом берегу Урала. А против села, в обширной пойме правобережья, идет местами пересохающая старица, именуемая старожилами «Старым Яиком». Некогда она была полноводным рукавом. Пространство между ним и главным руслом Урала представляло действительно остров.

На существование острова в устье реки Илека указывают также некоторые материалы XVIII века, например, путевой дневник академика П. С. Палласа, путешествовавшего летом 1769 года по Оренбургскому краю и посетившего Илекский городок (ныне село Илек).

Этот остров показан также на карте 1755 года, известной под названием: «Карта, представляющая от Оренбурга Московскую дорогу до Кичуйского фельдшанца и всю Закамскую линию и от оног ж вниз по реке Яику до Яицкого казачья городка, а по Самаре до города Самары ново построенные крепости и с Ставропольским ведомством и смежными к тому местами» [67].

Но ни составители карты 1755 года, ни академик

Паллас не указывают названия этого острова. А «Книга Большому Чертежу» называет его: «остров Кош-Яик».

Откуда произошло такое название?

Слово «Кош» – тюркского происхождения и в переводе на русский означает «двойной, парный» (сравни: казахское «кос» означает «пара», «парный», «двойной»; татарское «куш» – «двойной», «парный», «слитный»). Следовательно, Кош-Яик – это урочище, где Яик шел двумя протоками, двумя рукавами, между которыми образовался остров.

Весьма важным для истории является сообщение о самом Казачьем городке на острове Кош-Яик. Составители карты «Большой Чертеж», а вслед за ними и писец «Книги Большому Чертежу» ограничились лишь одним упоминанием о городке. Когда же он возник и при каких обстоятельствах?

Для выяснения этого вопроса нам придется обратиться к историческим материалам и некоторым событиям из истории Среднего Поволжья конца XVI века.

*
* *

В 1586 году Московское правительство приступило к строительству нового укрепления на Волге – города Самары. Он был заложен в непосредственной близости от Самарской Луки – любимого прибежища казачьих волжских ватаг.

Одновременно с этим в Башкирии, на «старой Казанской дороге», связывавшей Казань с Западной Сибирью и Средней Азией, был заложен город Уфа.

Постройка Самары и Уфы вызвала резкое недовольство со стороны ногайского князя Уруса. Осенью 1586 года князь Урус писал царю Федору Ивановичу:

«...приехал от тебя толмачь Бахтияр с досадными словами. Таких слов от отца твоего белово царя отец мой Исмаил князь не слыхал. А приказал еси с ним, что ты на четырех местах хочешь города ставить: на Уфе, да на Увеке, да на Самаре, да на Белой Воложке. А теми месты твои деды и отцы владели ли? ...Поставил те города для лха и недружбы...» [68].

В ответных царских грамотах, отправленных в конце сентября 1586 года ногайским мирзам, разъяснялись

Город Самара в XVII веке. Рисунок Адама Олеария

причины, вызвавшие постройку этих городов. В грамоте на имя Араслан мирзы говорилось:

«А мы на Волге и на Самаре вас велели беречи накрепко и ваших улусов от воров от казаков, чтоб отнюдь никакое казак не воровал и на ваши улусы не приходил, того для есмь и город поставили на Самаре, чтоб вам и вашим улусом было бережнее... А которые воры казаки будут на Яике или вверх Самары, и вы б сослався в наш город на Самару с нашими воеводами на тех воров ходили с нашими людьми вместе и их побивали и, имая, вешали. А мы в Самарской город к воеводам своим писали, а велели им с вами на воров на казаков, которые громят ваши улусы и наших торговых людей громят, посы- лати стрельцов и казаков с вогненным боем с вашими людьми вместе и тех воров побивати и, имая, вешать. И вы б ныне кочевали на Волге и по Самаре у нашего нового города безо всякого опасенья, как у своего города, с нашими людьми у Самарского города торговали; а убытка вам из того города ни которого не будет...» [69].

Таким образом, постройкой Самары Москва стремилась взять под свой полный контроль великий водный путь и одновременно пресечь разбои казачьей вольницы на Волге и их набеги на ногайские улусы. Положение казачьих ватаг на Волге становилось все более трудным. Казакам предстояло либо перейти на службу к русскому царю, либо уйти на новые вольные места. Казаки из-

Московский всадник XVI века. С немецкого
изображения XVI века

брали второй путь. Весной 1586 года они двинулись на Яик, в глубину ногайских степей.

Подобные передвижения казачьей вольницы происходили и на других окраинах Русского государства и в более позднее время, известное нам по описаниям, а также из исторических документов. Поэтому мы можем воссоздать картину перехода казаков с Волги на Яик.

*
* *

...Ранней была весна 1586 года. В живописном приволье Самарской Луки собралось несколько сот волжских казаков на казачий круг.

Вышел из круга бывалый атаман Матюша Мещеряк. Снял шапку, поклонился кругу и заговорил:

— Слушайте, атаманы-молодцы! Тесно становится нам. Рыщут на Волге стрельцы. А недавно приплыли стрельцы с воеводой на Самару. Велел царь строить там городок. Стучат уже топоры, ставят стрельцы тын и башни городские. Приказал царь воеводе звать на службу волжских казаков, а не захотят — хватать и вешать. Не пора ли поразмыслить, как нам быть — перейти ли на службу царскую или попрощаться с Волгой и поискать новые вольные места.

Шумит, гудит казачий круг...

Выходят из круга один за другим атаманы и старые бывалые казаки и речь держат. И никто не хочет менять вольную жизнь на службу царскую. И все громче и чаще раздаются голоса:

«На Яик! На Яик! На Запольную реку!»

...Не зря выбрали казаки для перехода на Яик раннюю весну. В это время широк разлив, полноводна река Самара и легко идут по ней тяжелые волжские струги. Часть же казаков едет на квнях. А вот и верховье Самары, здесь место волока. Надо перетаскивать струги на речку Камыш-Самару. Нелегкая работа! Но казаки здесь 'бывали не раз, и дело это для них не новое. Припрягли они коней к лодкам, подложили катки, и потянулись струги по степному сырту. Не длинен волок, всего 6—7 верст, но тихо движутся струги вверх по сырту. Легче они пошли под уклон к речке Камыш-Самаре.

Извилиста, мелка Камыш-Самара, с трудом плывут казачьи струги. Но и эти места казакам знакомы. День пути — и они вышли на широкий и полноводный Яик.

Плывут казаки вниз по Яику. Высоко поднимается правый гористый берег реки. Густые леса, непролазная чаща на левом низком берегу. Напряженно вглядываются казаки в степную даль да высматривают, не появились ли на горизонте татарские всадники.

Уверенно ведут передовые струги бывалые казаки-вожи. Знают они, что против устья Илез-реки начинается Кош-Яик — парный Яик с обширным островом между двумя рукавами.

К этому острову и причаливают казачьи струги. Стремительно несется по двум рукавам по-весеннему полноводный Яик. Посоветовались атаманы и решили, что лучше места для городка не найти: кругом лес, вода — надежная защита от ногайцев. Выбрали казаки самое

высокое место на острове и разбили стан. Укрепили его тыном, окопали рвом, и стал городок первым русским поселением на Яике в глубине ногайских кочевий.

Обосновались казаки в городке на Кош-Яике и пошли за добычей в ногайские улусы.

Как развивались в дальнейшем события в то лето, рассказывают нам сохранившиеся исторические документы.

*
* *

Любопытные подробности о казаках, перешедших с Волги на Яик и о городке на Кош-Яике в устье Илека содержатся в так называемых «Ногайских делах», хранящихся в Центральном государственном архиве древних актов в Москве. Вот что в них сообщается.

В 1585 году из Москвы к ногайскому князю Урусу был отправлен посол Иван Хлопов и вместе с ним к ногайским мирзам — послы Розгильдей Любученинов, Василий Колтовский, Третьяк Стремоухов и Бунда Языков. Они должны были сообщить о смерти Ивана IV (1584) и воцарении Федора Ивановича и привести князя Уруса и мирз к «шерти», то есть присяге новому царю. Зимой 1585 — 1586 года Иван Хлопов пробыл в Астрахани. Лишь летом он попал в улусы ногайского князя. Во время пребывания русского посла у Уруса произошло два события: напали казаки на ногайские кочевья и приехал посол Бахтияр из Москвы с грамотой о постройке городов Самары и Уфы и о запрещении брать дань с башкиров. Раздосадованный Урус задержал Ивана Хлопова. Задержал Розгильдея Любученинова и Сеид Ахмет мирза.

27 августа 1586 года вернулись в Москву от ногайских мирз Василий Колтовский, Третьяк Стремоухов, Бунда Языков и служилые татары. Они сообщили, что князь Урус и Сеид Ахмет мирза задержали Ивана Хлопова и Розгильдея Любученинова «за тем, что у них воевали на Еике казаки засарачиковские улусы, и побии, государь, у них и полон поимали многих людей. А убили, государь, дву сеитов лутчих людей» [70].

Лишь поздней осенью 1586 года вернулся в Москву Розгильдей Любученинов от Сеид Ахмет мирзы. Он сообщил:

«Да при мне, государь, при холопе твоём, воевали ко- заки нагайские улусы. И Урус князь прислал к Седехме- ту (то есть Сеид Ахмету.— С. П.) мирзе человека своего, а велел ему итти со всеми его братьёю и з детми и с племянники и со всеми улусными людьми на казаки на Кош на Еик. А яз де Урус князь со всеми мирзами и со всеми людьми пойду ко Кош же на Еик, и станем де вместе промышлять над казаки. И будет де возьмем козаков и мы де государевых послов к Москве отпустим, а будет де козаков не возьмем и мы де их и с людьми распродадим. И Седехмет мирза пришол с своею братьёю, и з детми, и с - племянники, и со всеми людьми на Кош Еик и х коза- ком приступали восемь ден и казаки у Седехмет мирзы да у Хан мирзы многих людей побили. И на Кош Еике Седехмет мирза Уруса князя не дождался, пошел прочь» [71]. Еще более интересные подробности о казаках, напавших на ногайские улусы, сообщил в Москву астраханский воевода Федор Лобанов-Ростовский. 25 августа 1586 года пришли в Астрахань татары Балыкчей и Казы- майдан, сопровождавшие посла Бахтияра с письмом к князю Урусу. Урус князь задержал Бахтияра. Балыкчей и Казымайдан испугались и бежали в Астрахань. Они рассказали воеводе:

«...Приходили де казаки на Хозин улус и убили Бабу Хозю-, да жену ево, да взяли в полон Карашман Хози- ну жену, а Урусову сестру. А Карашман де Хозя утек. А были де на том деле Шидиахмет мирза, да Кучюк мирза, да Хан мирза, да Ярослав мирза да Сатый мирза. И казаки де от них отошли на лес. А взяли де у Нагаев казаки нагайских людей и полону с триста душ. А атамана де у казаков Матюшею зовут. А было де, сказывают, казаков человек с пясот. А поставлено де, государь, у казаков на Яике три городки. Да взяли де казаки у нагаев с три тысячи животины да пятнадцать пансырей. А при- ходили де казаки на улусы на Яике в полдни да убили де казаки Сатыева улусу Наймана Келдеураза да с Хан мирзина Юшана улусу Кулюка багатыря и детей де их. Нас не хотели отпустить, и мы де побежали...» [72].

Воевода Лобанов-Ростовский сообщил в Москву также показания татарина Ахмета, который был послан в Ногайскую орду вместе с Иваном Хлоповым, и «поло- ненников» (пленников), прибывавших в Астрахань из Ногайской орды. Ахметь рассказал:

«...Пришли казаки на Хозины улусы на богомолцовы, на Кара Хозин, и на Бабе Хозин, и на Кара Асман Хозин. И улусы погромили. Да в тех же де улусех взяли казаки Исмаилеву княжую дочь, Урусову сестру, а имени ей не упомнит. И Урус де князь учал говорити мирзам и черным людям: смотрите де вы государевы правды, кои де час к нам грамоты прислал, тот де час на нас и казаки пришли...».

Ахметъ же рассказал интереснейшие подробности о попытке ногайцев разбить казаков:

«...Приходили на казаков Шидиахмет мирза да Ку-чюк мирза и иные мирзы. И к городку приступали. И казаки де убили у них на выласке тридцат человек. И они де и проч пошли. Да приходил де Хан мирза к тем же казакам, а с ним шестьсот человек. И казаки де, подкрачися лесом, да на них приходили и нагайские де люди поутекали. А казаки де у них отгромили тритцат пансырев да седла и саадаки * поимали. И после де, государь, того приходили на тех же казаков Урус князь, Шидиахмет мирза, Урмагмет мирза, шесть братьев, да Хан мирза, Урусов княжой сын, а с ними вся Нагайская орда. И приступали к городку с приметом, а хотели, приметав лес, да городок зажеч. Да тут же де было наган двесте человек с руншицами.** И казаки де вылезли из городка да наганских людей побили. И убили у них з двесте человек и рушницы у них и рухляд поимали. И Урус де князь и мирзы и вся Нагайская орда от городка и проч пошли. Да отшедчи от городка и пришел де на них дождь и град и шол вся ноч. И они де омкши да почали были сушитца и казаки де, государь, пришли на них тиском, розделяся на шестеро. И побили у них многих людей да взяли у них полону нагайского с триста душ да шестьсот лошадей. И полон де давали казаки на откуп нагаем, а с лошадми пошли на украи-ны...***» [73].

«Полоненники», то есть люди, бывшие в плену у ногайцев и прибежавшие в Астрахань, показали:

«Поставили де русские люди город на Кош Яике. И подступал к городу Хан мирза да Ярослав мирза с нагайскими людьми и русские де люди нагаи побили. И у

* Саадаки – колчаны.

** Рушница – старинное фитильное ружье.

*** «На украину» – значит, на окраину.

русских людей побитые есть же. И Урус де князь и мирзы збираютца с людьми, а хочет итти к новому городу. А говорят: толко де город возмут и им де, сказывают, итти кочевать к Асторахани. А толко де города не возмут, и им де кочевать за Сыр реку. А как де, государь, на- гайские люди приходили к новому городу и взяли под городом твоих государевых людей трех человек и привели их к Урусу, и Урус князь их роспрашивал про город. И они сказали, что город крепок, взяти им города нелзе...

А казаков де наган облегли. А казаки де стоят на Яике в крепости, а около их вода, и суда, и лошади, и животина у них есть...» [74].

Поздней осенью 1586 года вернулся Иван Хлопов в Москву. Он привез с собой письмо князя Уруса. В этом письме также говорилось о нападении казаков на ногайские улусы. В письме указывалось, что в то самое время, когда приехал Бахтияр с грамотой с извещением о постройке Самары и Уфы, то «теж в поры пришед на Яик казаков с шессот и семьсот, поставили город бол-шой и из с того города нам много лиха починили. И Иван Хлопов то видел...» [75].

В своем отчете о посольстве Иван Хлопов писал, что Урус князь говорил, что казаки взяли в плен его сестру и что Урус князь хотел взять его с собой в поход на казаков, но некий Телисупа отговорил Уруса. После неудачи Уруса" под казачьим городком Иван Хлопов был отпущен ограбленным в Москву.

Таким образом показания современников и письмо князя Уруса Федору Ивановичу дают нам интереснейший материал об основании казаками городков и их нападении на ногайские улусы. Как видим, казаки заложили на Яике три городка, но, очевидно, главным из них был городок на Кош Яике.

Ногайцы осаждают его и пытаются выбить оттуда казаков, но попытки их кончаются неудачей. Городок остался в руках казаков.

История сохранила нам имена тех казачьих атаманов, которые перешли с Волги на Яик и основали городок на Кош-Яике и даже дальнейшую судьбу некоторых из них.

Осенью 1586 года Москва отправила на княжение в Астрахань крымского- царевича Мурат-Гирея. Его со

проводжали думный дворянин и воевода Роман Михайлович Пивов и воевода Михаил Иванович Бурцов со стрельцами. Через них самарскому воеводе Григорию Засекину царь приказал призвать «виноватых» волжских казаков на службу в Астрахань с обещанием «вины их отдати».

«Виноватых» казаков на Волге не оказалось. Тогда самарский воевода, посоветовавшись с воеводами Пивовым и Бурцовым, отправил на Яик голову * Семейку Кольцова с казаком, пришедшим в Самару с Яика. Через них было послано приглашение «виноватым» казакам приехать в Самару и отправиться на цареву службу в Астрахань с прощением их вины за нападение на ногайцев.

О результатах Григорий Засекин писал в Москву:

«И октября, государь, в 23 день пришли ко мне, к холопу твоему, на Самару с Яика Матюша Мещеряк, да Ермак Петров, да Ортюха Болдырев, да Тимоха П **. А с ними казаков сто пятьдесят человек. А на Яике остались атаман Богдашко Барбаша, да Нечай Шатцкой, да Ямбулат Ченбулатов, да Якуня Павлов, да Никита Ус, да Первуша Зе- зей, да Иванко Дуда. А с ними казаков полтретьяста человек...» (то есть 250 человек) [76].

Воевода сообщает, что пришедшие с Матюшей Мещеряком казаки отправлены в Астрахань 28 октября на государеву службу. «А Богданко, государь, Барбаша с товарищы с Яика на твою государеву службу не пошли и твоим государевым грамотам не поверили».

Судя по письму самарского воеводы Григория Засекина, на Яике было около 400 казаков во главе с 11-ю атаманами: Матюшей Мещеряком, Ермаком Петровым, Ортюхой Болдыревым, Тимохой П., Богдашко Барбашем, Нечаем Шатцким, Ямбулатом Ченбулатовым, Якуней Павловым, Никитой Усом, Первушей Зе- зей и Иванком Дудой.

Это 'были те самые атаманы, которые с волжскими казаками весной 1586 года перешли на Яик, основали казачий городок Кош-Яик в устье Илека и напали на ногайцев.

* Г о л о в а — воинский чин в стрелецком войске.

** Прозвище этого атамана не подходит для печати.

Однако дальнейшая судьба Матюши Мещеряка, Тимохи П. и других атаманов, пришедших с Яика, оказалась печальной. Они не поехали в Астрахань. Прибыв в Самару, они сговорились с некоторыми служилыми людьми Самарского городка и решили поднять восстание против воеводы, затем завладеть Самарским городком, сжечь его и захватить «государеву казну», которая была отправлена в Ногаи с новыми послами – Федором Гурьевым, Ратаем Норовым и Иваном Страховым. Последние вместе с ногайскими послами плыли в Астрахань. В это время Волга стала, и послы вынуждены были остановиться по дороге ниже Самары, в «Шилихмиц-ких горах».

Воевода Засекин, узнавший о заговоре казаков, приказал послам вернуться в Самару. Он сумел схватить казачьих атаманов. В письме в Москву Федор Гурьев, Ратай Норов и Иван Страхов писали, что на пытке казаки сознались, что «посылали весть на Волгу, на Увек и на Яик к атаманом и к их товарищем, а велели быти всем на нынешней 95 год (1587 год. – С. П.) к твоему государеву городу к Самарскому на Олексеев день человека божия или на Благовещенье день. А не будут на те сроки, и ино как вода росполица. Да воеводу и всех людей побита и жжеч и пришед в Шилихмицкие горы и нас холопей и нагайских послов побить и казна твоя государева взять» [77].

Зимой 1587 года из Москвы был прислан в Самару сын боярский Постник Косяговский с приговором о казни главных заговорщиков перед ногайскими послами.

Самарский воевода приказал повесить Матюшу Мещеряка, Тимоху П., Иванку Камышнина и двух их товарищей. Имущество их («ферези дороги алы, да ферези дороги зелены» и т. д.), пленники ногайские («жонка и детина») были переданы ногайским послам. Постник Косяговский перед ногайскими послами и перед всеми присутствовавшими на казни держал речь, в которой выразил желание, чтобы послы ногайские сказали князю Урусу, мирзам и всей Ногайской орде, как царь поступает с казаками, нападшими на ногайские кочевья [78].

Такова самая первая страница истории казачьего городка на Кош-Яике и его основателей – волжских казаков.

*
* *

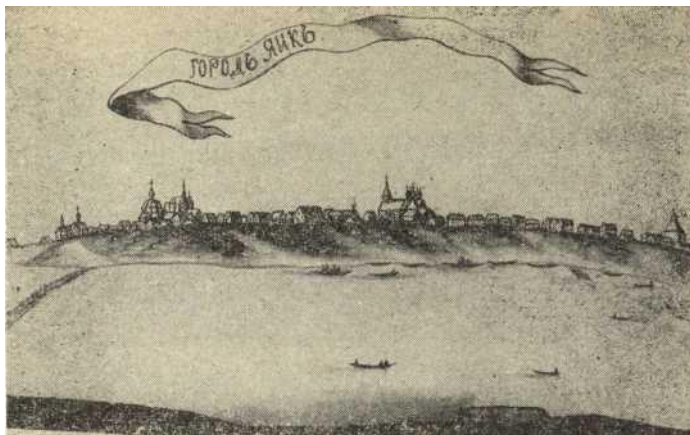
Переход волжских казаков на Яик в 1586 году и основание ими городка на Кош-Яике открывает новую страницу в истории нынешних оренбургских степей. Набеги казаков на ногайские кочевья до этого носили временный характер. Захватив пленных, скот, построив на время «городки» – небольшие укрепления, казаки вновь уходили на Волгу. Совсем иной характер имел поход казаков на Яик в 1586 году. Это было уже переселение казаков с Волги на новое место с целью продолжения вольной, независимой жизни.

Построив городок на Кош-Яике и в некоторых других местах по реке Яику, волжские казаки положили начало Яицкому казачьему войску. В 1591 году казаки, осевшие на берегах Яика, именуются уже яицкими казаками. В этом году Москва отправляет им грамоту, в которой просит выделить 500 человек для похода из Астрахани на «непослушника своего на Шевкальского», то есть на владетеля города Тарки на реке Тереке [79].

Через полтора десятка лет численность казаков на Яике была уже настолько значительной, что в 1605 году они совершают набег на Хивинское ханство. Они захватывают город Ургенч, разоряют и грабят его жителей. При возвращении с богатой добычей они были настигнуты хивинским ханом Араб-Магометом и разбиты [80].

Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству в 50-х годах XVI века после завоевания Казанского ханства отодвинуло границы Русского государства далеко на восток. Переселение волжских казаков закрепило границы Русского государства по Яику. Казаки на Яике считали себя частью Русского государства. Уже в начале XVII века при первом Романове – царе Михаиле Федоровиче, согласно народному преданию, они получают «владенную грамоту» на реку Яик с вершин и до устья.

Вначале казаки на Яике не представляли единой организации. Это были отдельные отряды-ватаги со своими атаманами, не зависимые друг от друга и жившие в

Город Яик (Яицкий казачий городок). Рисунок середины XVIII века

разных городках по реке. Лишь много позднее эти отряды слились в единое войско.

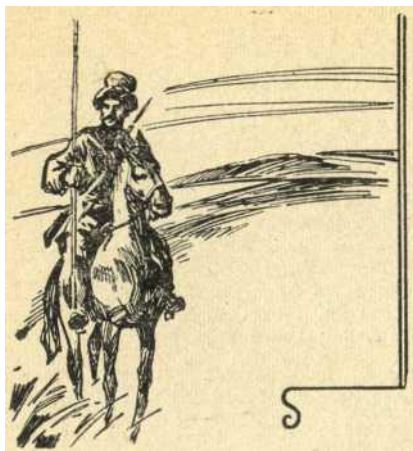
Дореволюционный историк Уральского казачьего войска А. Б. Карпов считает, что около 1614 года казаки оставили городок Кош-Яик и поселились ниже по Яику в районе современного села Кирсанова, а около 1620 года прочно обосновались в устье реки Чагана на месте современного города Уральска.

Прошли многие годы, но память о городке в устье Илека сохранялась среди яицких казаков. В 1719 году яицкий казак Карташов подал донос правительству о неполадках в Яицком войске. В своем доносе он писал также о непринятии мер войском против киргиз-кайсаков переходящих Яик с целью набегов «в урочище Илецкие соли, где напредь сего был городок Яицких казаков» [81].

Историк Уральского казачьего войска А. Б. Карпов уверен в том, что Карташов под этим городком подразумевал казачий городок Кош-Яик.

Осели казаки на Яике с центром в устье реки Чагана и стал Яицкий казачий городок убежищем всех тех, кто бежал от крепостной неволи. Кормила и поила река Яик казаков рыбой, дичью и создали песню казаки про свою Яик-реку:

Яик ты, Яикушка,
Яик, сын Горынович!
Про тебя, Яик Горынович,
Идет слава добрая,
Про тебя, Яик Горынович,
Идет речь хорошая.
Золочёно у Горыновича
Твое было дёнушко,
Серебряны у Горыновича
Твои круты бережки.
Изрыл же ты, выкопал Все
горушки-долушки,
Среди себя повымятал
Часты-мелки острова.
С вершин взялся, Горынович,
Бежишь вплоть до устьяца, До
славного до моря,
До моря Каспицкого,
До славного до города
Бежишь ты до Гурьева.
Выпадал за Гурьевым,
Батюшка, в синё море,
До славного до острова,
До острова Камынина.
На острове Камынине
Старцы живут старые.
Живут старцы старые Там
по девяносту лет,
В ладу, старцы старые С
ордою покоренною,
С Золотой Ордой. [82].

„Дикое поле“ —

„Дикая степь“

*(Оренбургские степи в
XVII — начале XVIII века)*

В XVII — начале XVIII века завожские степи (в том числе и теперешние оренбургские) называли «Диким полем», «Дикой степью».

Эго были обширные девственные земли, которых не касалась соха земледельца.

В старинной народной оренбургской песне поется:

В дикой-то степи, там пролегла большая
дороженька,
Шириной она не широкая,
Долиной-то дороженька конца-краю нет.
Как никто-то по ней, по дороженьке,
Никто не прохаживал,
Никто следика по ней не прокладывал,
Только шли-то, прошли удалы казаченьки. 83

В XVII и в начале XVIII века Яик был пограничной рекой. Обширные степи между Волгой и Яиком представляли из себя далекую юго-восточную окраину Русского государства.

В XVII веке нынешние районы Оренбургской области, расположенные на правобережье Урала, составляли окраины Уфимского и Самарского уездов.

За рекой Яиком начинались киргиз-кайсацкие степи — кочевые территории трех казахских государств

ных объединений: Младшего жуза (Малой орды), Среднего жуза (Средней орды) и Старшего жуза (Большой орды).

Таким образом, в XVII и в начале XVIII века территория таких районов, как Кваркенский, Новоорский, Адамовский, Домбаровский, Беляевский, Соль-Илецкий, Илекский была за пределами собственно Российского государства. И только в 30-х годах XVIII века, со времени перехода казахов Младшего жуза в русское подданство, казахские степи, а следовательно, и территория левобережья Урала вливаются в состав России. Однако еще в течение всего XVIII века Яик продолжает сохранять пограничный характер, и по его правобережью располагается укрепленная военная линия, отделяющая Башкирию и Заволжье от казахских степей.

В XVII — начале XVIII века бескрайние степные просторы Заволжья, степи и лесостепи правобережья Урала и бассейна Самары еще оставались девственными, нетронутыми. Соха земледельца не поднимала пластов могучего степного чернозема. По огромному морю ковылей, волнуемых степным ветром, паслись стада, принадлежавшие башкирам, казахам и калмыкам. Даже в 70-х годах XVIII века огромная часть плодороднейших земель Оренбургской губернии не обрабатывалась. В 1770 году оренбургский губернатор Рейнсдорп в особой записке на имя Екатерины II писал:

«Губерния сия, в рассуждении всего ея пространства, подобна великому полю, на котором хотя и все то, что потребно к содержанию и обогащению людей, преизобильно находится, но по причине великого ея недостатка в жителях надлежит почесть ее ныне по всей Российской империи за беднейшую. Самые наилучшие земли лежат в ней праздно, в редких местах и на одних только знатнейших дорогах находятся жилища; везде видна большая часть пустой и необработанной земли» [84].

Много разнообразных диких животных и птиц обитало в оренбургских степях. По их просторам бродили стада сайгаков, скакали косяки диких лошадей — куланов и тарпанов. В лесостепных районах западной половины области обитали лоси, медведи, а в камышах рек и озер и по их берегам — кабаны, бобры и выдры.

Академик П. С. Паллас, изучавший Оренбургский

край в 1768—1769 и 1773 годах, сообщает в своих записках, что бузулукские казаки ходят за дикими лошадьми в верховья рек Бузулука, Каралыка, Иргиза и Чагана, а в районе между реками Кинелью и Самарой «водятся еще дикие козы, сайги называемые, и лоси, зимой странствующие столь далеко, по коих мест Самара и впадающие в нее речки обросли кустарником, да и до самой гористой степи». Описывая крепость Новосергиевскую (ныне райцентр, село Новосергиевка), Паллас указывает, что «в пространной и травянистой лощине при Самаре находилось множество сайгаков, и в крепости держат их молодых детей».

В пойменных зарослях Урала и Сакмары, а также в степях между Кинелью и Самарой, в лесах по Самаре и в трупцах Бузулукского бора водились медведи. Паллас пишет, что «во всех степях при Кинели и Самаре водятся медведи, которые имеют свои берлоги в обросших кустарником долинах» [85].

Участник академической экспедиции Палласа капитан Рычков, сын первого оренбургского ученого П. И. Рычкова, описывая вершины Большой Кинели, сообщает: «Места окружающие вершины сея реки, будучи степные и никем не обитаемые, изобилуют разными зверями, живущими в водах, которые суть норки, выдры, бобры и выхухоли, а в степях находится множество диких коз» [86].

Еще в 60—70-х годах XVIII века в Заяицкой стороне — в зарослях камыша по старицам и степным речкам — бродили дикие кабаны, достигавшие порой 15—20 пудов веса.

Название небольшого левого притока Урала — реки Донгуз, означающее на тюркских языках (башкирском, казахском, татарском) «кабан», «дикая свинья», ясно указывает, что некогда в камышах этой речки водились кабаны. Еще в 60-х годах XVIII века они встречались по берегам Самары. Нечаянная встреча с одним из кабанов в районе современного Сорочинска в 1763 году чуть не кончилась гибелью молодого Г. Р. Державина. В середине XVIII века оренбургские губернаторы доставляли кабанов «для кухни ея императорского величества». В 1753 году оренбургский губернатор Неплюев отправил для царского двора 14 кабанов общим весом около 100 пудов.

В то же время в лесных зарослях, камышах, по озерам и речкам водилось много разнообразной пернатой дичи. Описывая степи между реками Кинелью и Самарой, Паллас указывает, что «в сей пустой стране везде находилось множество журавлей и диких северных гусей с детенышами». Еще в начале XIX века писатель и страстный любитель Оренбургского края С. Т. Аксаков писал:

«Птицы бывало такое множество, что все болота, разливы рек, берега прудов, долины и вражки с весенними ручьями, вспаханные поля – бывали покрыты ею. Стон стоял в воздухе (как говорят крестьяне) от разнородного птичьего писка, свиста, крика и от шума их крыльев, во всех направлениях рассекающих воздух; даже ночью, сквозь оконные рамы, не давал он спать горячему охотнику. Птица была везде: в саду, в огородах, на гумнах, на улице» [87].

Обилие птицы представляло даже немалую угрозу для урожая. Не случайно оренбургский военный губернатор П. П. Сухтелен ходатайствовал в 1831 году о сокращении запретных сроков отстрела птиц, так как «оне, постепенно умножаясь, делают не только значительные убытки во время уборки урожая хлеба, но часто лишают земледельца всех трудов его».

Богатство природы, особенно северо-западной части территории современной Оренбургской области, производило огромное впечатление на путешественников XVII века. В путевых записках академика Палласа во время его следования из города Самары в Оренбург в июне 1769 года указывается, что верстах в 20 от Самары начинается «высокая степь с черноземом» с травой в рост человека. Там же записано: «Не можно представить себе приятнейшей страны: ибо во многих местах находится лес сосновый, осиновый, березовый, также есть изобильные травами холмы и сенокосные луга...».

Участник экспедиции Палласа капитан Николай Рычков так описывает верховья реки Б. Кинели:

«Я никогда не видывал столь прозрачных и приятных вод, как сии, ибо светлость воды не уступает самому лучшему хрусталу и приятность вкуса равна с чистой ея». Вода Кинели, одной из «изобильных рек, протекающих в Оренбургской губернии», по словам Н. Рычкова, «так чиста и прозрачна, что более двух сажен во глуби

ну дно ея видеть можно, и в ясный день с веселием можно
взирать на плавающих в воде рыб».

Такова была природа оренбургских степей всего лишь
два столетия назад.

*
* *

Уже в XVI веке территория оренбургских степей (точнее, правобережье Урала) была хорошо известна в Московском государстве (см. выше повествование о Кочевьях Больших Нагаев). В упоминавшейся нами «Книге Большому Чертежу», составленной в 1627 году, дается подробный перечень всех основных рек нынешней Оренбургской области с их притоками и обозначением их длины. Например, указывается река Яик (Урал) с притоками: Вор (ныне Орь), Трюгун Сакмара (Сакмара), Илез (Илек), Самара с притоком Бузувлук (Бузулук) и Другие.

«Книга Большому Чертежу» сообщает также о населении заволжских степей — о «Больших Нагаях», башкирах. О последних говорится, что «кормля их мед, зверь, рыба, а пашни не имеют».

В «Книге Большому Чертежу» сообщается и о соляных богатствах области: «...пала в Яик, с левые стороны Яика, Илез река, ниже горы Тустеби, по нашему та гора Соляная, ломают в ней соль...». «Илез река» — река Илек. «Гора Тустеби» — ныне гора на окраине города Соль-Илецка. Свое название она получила от тюркоязычных народов. На башкирском и казахском языках «туз» означает «соль», «тюбе» — «гора». По имени этой горы казахи и башкиры позже стали называть крепость Илецкую Защиту, а затем и город Соль-Илецк. Еще и теперь старики башкиры и казахи вместо «Соль-Илецк» говорят «Туз-тюбе».

В XVII и начале XVIII века обширные степи Заволжья, в частности нынешнего Оренбуржья, становятся все более известными. Соседнее население Поволжья называет эти места «Дикой степью» и «Диким полем». А река Яик именуется «Запольной рекой», то есть рекой за «полем». В грамоте 1686 года об отводе жителям города Самары (ныне Куйбышев) конских и скотских выпусков и сенных покосов читаем: «...вверх по Самаре луга подле Кряжу по дикуую степь до Кинельского устья»

[88]. Челобитная жидких казаков от 12 октября 1720 года о выдаче новой жалованной грамоты на владение рекою Яиком вместо сторевшей подписана так: «Запольные реки Яику яйцкие атаманы-казаки». «Дикие степи» правобережья Урала именуются также «Самарской стороною», то есть стороной, примыкающей к району города Самары, тогда как левобережье Урала называется «Бухарской стороною», то есть обращенной к Азии, к Бухаре.

В XVII столетии через заволжское «Дикое поле» проходили торговые караванные пути из Русского государства в Среднюю Азию через Казань, Самару, Уфу. Они же были дорогами русских и среднеазиатских послов. Одна шла из Самары на Яик, затем на реку Эмбу и дальше на Ургенч. Этим путем с караваном среднеазиатских купцов – «тезигов» – проехал русский посол Михаил Тихонов в Персию в марте 1614 года «по пласту, по последнему пути, чтоб Яик перелести по льду».

Другой путь в казахские степи и в Среднюю Азию шел из Казани по территории Башкирии, минув Уфу, выходил на Яик в районе устья Сакмары и дальше шел степью. Этим путем в 1595 году проехал «в Казачью Орду» русский посол Вельямин Степанов. Из Казани проводником посольства был «чЮвашенин Куземка», который проводил посла до Яика «меж Юшатырского и Сакмарского устья» [89].

В XVII веке были известны и старинные водные пути с Яика на Волгу. Один из них шел с Яика вверх по небольшому правому притоку – Камыш-Самаре до ее верховьев. Затем лодки волоком перетаскивали до реки Самары в районе нынешнего села Переволоцкого. Отсюда начинался путь вниз по Самаре до Волги. Таким образом в названии нынешнего села Переволоцкого отразилось существование волока между верховьями Самары и Камыш-Самары.

На наличие этого водного пути указывают некоторые документальные материалы. В одном из них узнаем, что летом 1614 года на Яик бежал с группой своих сторонников и с Мариной Мнишек казачий атаман Иван Заруцкий, политический авантюрист, участник бурных событий начала XVII века. Засев в урочище «Медвежий остров» ниже современного города Уральска, Заруцкий пытался отправить водным путем лазутчиков в Самару.

«Отпиской» (то есть письмом) от 19 июня 1614 года астраханские воеводы писали самарскому воеводе князю Пожарскому, что по показанию двух ногайцев, бывших в стане Заруцкого на Медвежьем острове, казаки собираются послать «на Самару осьмь человек казаков проведывать что на Самаре вестей, а переволочиться де им с Яика на Самарских вершинах, а переволоки будет день...» [90].

Основным населением «Дикого поля» в XVII – начале XVIII века были казахи, башкиры, частично калмыки. Южнее границы нынешней Оренбургской области находился центр Яицкого казачьего войска – Яицкий казачий городок (ныне город Уральск).

Казахи кочевали со своими стадами на левобережье Яика. В бассейне Ори, Илека, Иргиза располагались летние кочевья казахов Младшего жуза. По рекам Тоболу, Ишиму, по речкам Тургаю, по Иртышу кочевали казахи Среднего жуза.

Отдельные партии наездников-казахов в летнее время переходили реку Яик и нападали на башкир, калмыков и ближайшие русские селения. Так в 1715 году Аб-дулхайр, хан Младшего казахского жуза, перешел Яик, дошел до реки Черемшана (левый приток Волги) и сжег Новошешминск.

По правобережью Урала до устья Сакмары располагались кочевья и оседлые поселения башкир Ногайской и частично Казанской дорог *. В основном в начале XVIII века они занимали бассейн реки Сакмары с ее притоками и в меньшей степени – район между Самарой и ее притоками Током, Воровкой и Б. Кинелем.

Река Самара являлась южной границей башкирских поселений и их кочевых угодий. Территория к югу от Самары по ее левым притокам была только местом для звероловства.

В 50–70-х годах XVIII века башкиры различных волостей Ногайской дороги обращались к оренбургским губернаторам с просьбой отпустить их «для звероловства по древнему их обыкновению внутри линии по той стороне Самары реки, по речкам Чагану, Бузулуку, Улустану, Тангале и по впадающим в них речкам».

* В XVII и XVIII веках Башкирия делилась на четыре части, именовавшиеся «дорогами» – Ногайскую, Сибирскую, Казанскую и Осинскую.

Перекочевка казахов. Рисунок живописца Оренбургской экспедиции англичанина Кэстля, 1736 год

Башкиры получали от оренбургских губернаторов разрешение на охоту южнее реки Самары сроком на несколько осенних месяцев с обязательством явиться по дороге в крепость, указанную в разрешении. Давалось им разрешение на охоту и на «бухарской стороне» Яика по его левобережным притокам вплоть до реки Илека [91].

В XVII—XVIII веках хозяйство башкир носило полукочевой характер. Зимой они жили в постоянных поселках, а летом выезжали на кочевки. Основным занятием их было скотоводство в сочетании с примитивным земледелием, охотой, звероловством и пчеловодством. Капитан Николай Рычков так описывает быт башкир, живущих по реке Деме в 60-х годах XVIII века:

«Сей народ обряды жизни своей ведет по древнему обыкновению своих отцов. Зимой пребывают они в убогих хижинах, а как скоро весна наступит, то оставя оные, обитают со всеми домашними своими на степях. Степные их жилища различны: богатые имеют кошомные кибитки, а бедные живут в лубяных шалашах, которые переносят с одного места на другое» [92].

Южнее реки Самары начинались кочевья калмыков, живших в обширных степях между Волгой и Уралом. Они появились в заволжских и оренбургских степях в

Башкирка. С гравюры XVIII века

начале XVII века. П. И. Рычков пишет, что калмыки до основания города Оренбурга «множественным числом» кочевали вниз от Яицкого городка по обеим сторонам реки Яика, а также в степях между Яицким городком и городом Самарой. «А иногда, — пишет П. И. Рычков, — располагались они вверх по Самаре реке, по правой стороне, и, кочуя тут с русскими торговали, что еще поныне многие памятуяют» [93]. Полковник Змеев в своей записке о выборе места для поселения крещеных калмыков, составленной в 1734 году, писал, что калмыцкий владелец Доржи Назаров «улусом своим в летнее время всегда кочевал по берегу Самары» [94].

В течение XVII столетия между башкирами и калмыками происходили частые военные столкновения. В середине XVII века башкиры жаловались: «...С которых де они с дальних их вотчин в казну ясак платят и в тех де их вотчинах по рекам по Яику, и по Илеку, и по Арю, по Кизилу и Сакмаре кочуют калмыцкие люди во все годы и их башкирцев побивают и в полон емлют» [95].

В течение XVII века уфимские воеводы совершают ряд походов против калмыков.

Русское правительство, защищая башкир от нападений калмыков, в то же время стремилось наладить отношения между ними. В указах башкирам говорилось, «чтобы они в вотчины свои для всяких промыслов ходи-

ли со всяким бережением и под калмыцкие улусы ни для какова воровства не ходили и лошадей у калмыцких людей не отгоняли».

Несмотря на военные стычки с башкирами, калмыки приезжали в Уфу торговать. Калмыков не разрешалось впускать в город за исключением тех, кто приходил по «посольскому делу», и не разрешалось продавать им «заповедных товаров», то есть оружия.

В XVII столетии начинается усиленный приток населения в Закамье и в пределы Башкирии из Поволжья. Заволжские и закамские степи, бывшие некогда в пределах Казанского ханства, быстро заселяются русскими крестьянами, а также мари, мордвой, чувашами, татарами.

В 1652–1656 годах русское правительство возводит укрепленную военную линию – «Закамскую линию», – чтобы прикрывать крестьянское население в междуречье Камы и Волги от набегов кочевников. Закамская линия представляла из себя мощный земляной вал со рвом, а в лесах – широкие лесные засеки. На ней были построены деревянные острожки, укрепленные деревянными стенами с башенками. Начиналась эта линия на Волге у устья реки Большой Черемшан острожком Белый Яр и тянулась до города Мензелинска на реке Ик (левый приток Камы).

Однако к концу XVII века крестьянские поселения уже перешагнули Закамскую линию и продвинулись дальше в глубь степи.

В XVII веке начинается освоение и колонизация оренбургских степей. Западная часть области осваивается населением Самарского уезда. В 1686 году по челобитным самарских «дворян, детей боярских и иноземцев, стрельцов, пушкарей, посадских людей и всяких чинов городских жителей» отводятся земли, «вверх по Самаре луга подле Кряжу по дикую степь до Кинельского устья, а с Кинельского устья по Сок реку, а Соком рекою на низ до Волги и Волгою до города» [96].

Самарские жители проникают глубоко в «Дикую степь», на берега Яика. Они ездят за солью, за рыбой. В 1689 году на партию самарских стрельцов, рыбачивших на Яике, напали яицкие казаки и прогнали их с берегов Яика.

В XVII веке некоторые земли «Дикого поля» «жа-

люются» отдельным людям и сдаются в оброк. В 1617 году некий «служилый татарин» Килей Монашев получил жалованную землю по реке Самаре в районе современного села Борского (Куйбышевская область) и по реке Малый Кинельчик. В середине XVII века чу-вашенин Байрягозя, родом из Арской дороги Казанского уезда, держал на оброке за три рубля в год огромную территорию. В 1677 году землями по реке Кувайру (приток реки Самары) владел башкирин Маметь Кур-маев.

В 1767 году оренбургский губернатор Путятин в своем представлении в Комиссию по составлению Нового Уложения писал, что в той части Оренбургской губернии, которая отделена от Башкирии Московской дорогой (то есть юго-западнее теперешнего Шарлыкского тракта) «бортные ухажья, бобровые гоны, рыбные и звериные ловли, щипание хмелю и сему подобное, из бывшего приказа Казанского дворца, по просьбам разных народов, то есть чувашам, черемисам, татарам и большею частью башкирцам отдаваемы были из оброков, а по татарскому названию из ясака... И таковые раздачи были так безрассмотрительны, беспорядочны и без-умеренны, что ныне и разобрать невозможно, потому что больше уверялись на прошениях, нежели справлялись с делами, и такие обширности, кои вмещали в себя от ста до пятисот верст и более, как например: по всей Самаре-реке, от вершины до устья, а после в тех же самых местах давали другим» [97].

В XVII – начале XVIII века растет численность Яицкого казачьего войска за счет беглых крестьян из поволжских районов России. Основным хозяйственным занятием яицких казаков была рыбная ловля.

Яицкие казаки возили в Самару и Сызрань обозы с рыбой и икрой и меняли ее на хлеб. Обозы сопровождались вооруженной охраной. В 1720 году яицкие казаки писали, что «ездили для охранения и для покупки хлеба на Сызрань и на Самару многояудством со всем боем и с пушками».

Академик Паллас сообщает в своих записках, что от города Самары к Яицкому городку идет «через степь прямая дорога с уметами или зимовьями в известном расстоянии, по которой дороге бывают и мосты через Мочу, Иргиз и другие степные речки». По этой же дороге

самарские жители в конце года и весной ездили караванами в Яицкий городок для закупки рыбы.

В «диких степях», на «Самарской стороне», промышляли не только яицкие казаки, но и партии промышленников с Поволжья. Здесь они били диких коз и кабанов, ловили рыбу, ловили куланов. В 1690 году башкиры жаловались Москве, что в их вотчины «по реке Самаре «въезжают насильством самаряне, всяких чинов русские люди» [98].

Яицкие казаки, башкиры и партии промышленников переходили и на «Бухарскую сторону» для добычи соли из степных соляных озер и из района современного города Соль-Илецка.

Уральский казак. Рисунок начала XIX века

В новом Уставе о соляной торговле, принятом в 1727 году, сообщается, что «между Казанской губернею и Уфимской провинцею, близ реки Илека, соль добывают и вывозят сухим путем».

К началу XVIII века образовались проторенные дороги с «Запольной реки» в Поволжье и в Башкирию.

Интересно, что в начале XIX века одна из старинных дорог, шедшая от реки Волги на город Уральск вдоль реки Большой Иргиз, называлась «Сиротской дорогой». Старожилы Саратовской губернии объясняли ее название тем, что «будто ее проторили люди сырые, которые, расставшись с родиной, бежали сим путем на Урал и Хиву» [99].

В 1640 году в устье Яика крупный рыбопромышленник Гурий с сыновьями построил деревянный городок – базу для рыбных промыслов и вместе с тем укрепленный пункт для защиты от нападении окрестных кочевников и яицких казаков. Позднее деревянный городок стал каменным и получил название «город Гурьев».

В 1670–1671 годах яицкие казаки участвовали в крестьянской войне под предводительством Степана Разина.

В связи с притоком на Яик беглых крестьян, увеличивающих число казаков, в конце XVII века возникает старейшее в пределах оренбургских степей русское поселение. Оно было основано в устье реки Сакмары и именовалось «городок Сакмара». Его основатели – беглые русские крестьяне-старообрядцы и беглые старообрядческие попы. В 1719 году старообрядческий священник Яицкого городка Яков Артемьев, допрошенный по делу об укрывательстве Яицким войском старообрядческих попов, показал: «Я посвящен (в священники, – С. П.) был в нонопостроенном городке Сакмаре. И как тот городок разорили башкиры, я приехал по-прежнему на Яик» [100]. Эта запись наталкивает на мысль, что городок Сакмара был разрушен во время башкирского восстания 1703–1711 гг.

Следы этого городка в устье Сакмары видел англичанин Кэстль, который осенью 1736 года совершил путешествие на лодке из города Оренбурга, находившегося на месте-современного Орска, в Яицкий городок. В своем интереснейшем путевом дневнике он записал:

«19 сентября перед полднем, около 10 часов, мы достигли устья р. Сакмары... Здесь, направо от устья и в 30 верстах от нового города Сакмары (то есть нынешнего села Сакмары. – С. П.), находится старый город Сакмара, разоренный башкирами более, чем 30 лет назад» [101].

К сожалению, мы не имеем никаких других данных по истории этого русского поселения XVII века в устье Сакмары. Возможно, наряду с этим городком по берегам Яика, ниже устья Сакмары, существовали и другие поселения беглых крестьян, в частности старообрядцев, бежавших от религиозных преследований в глухие места.

Русские крестьяне XVII века. Рисунок Адама Олеария

В конце XVII века самыми близкими русскими населенными пунктами к территории нынешней Оренбургской области были города Самара, Уфа и Яицкий казачий городок (ныне Уральск). В 1700 году в устье реки Кинели основывается самарский пригород Алексеевск (ныне село Алексеевка) с поселением в нем ста человек казаков. В 1703 году вне Закамской линии, на реке Сок, в урочище Казачий Холм был основан пригород Сергиевск (ныне село Сергиевск Куйбышевской области).

К началу XVIII века заселение крестьянами местных земель уже перешагнуло старую Закамскую линию. Для прикрытия крестьянских поселений в Закамье от набегов кочевников Русское правительство в 1732 году приступает к строительству новой линии в глубине диких полей Заволжья и Закамья. Эта линия получила наименование «Новой Закамской линии». Она шла по восточной части теперешней Куйбышевской области, несколько западнее нынешней территории Бузулукского, Бугу-русланского и Северного районов Оренбургской области и кончалась в пределах Татарской АССР. Она начиналась у пригорода Алексеевка в устье реки Кинели и

шла на север к реке Шешме, пересекала ее и заканчивалась на реке Кичуй (приток реки Шешмы) небольшим укреплением — Кичуйским фельдшанцем [102].

Общая длина Новой Закамской линии составляла свыше 200 километров. Линия представляла из себя земляной вал, местами широкую лесную засеку. Помимо трех крепостей (Красноярской, Кундурчинской и Черемшанской) на ней имелись редуты. Следы бывшего земляного вала до сих пор заметны местами в пределах Куйбышевской области. Новая Закамская линия строилась с 1732 по 1736 год. Когда в 1735 году на месте нынешнего Орска был заложен город Оренбург и ряд небольших крепостей по рекам Самаре и Яику, Новая Закамская линия потеряла военное значение, и через год ее строительство было прекращено.

Социально-экономические условия конца XVII и начала XVIII века — тяжелая подушная подать, рекрутская повинность, помещичий произвол и гнет дворянского государства — вынуждают бежать население из старых обжитых мест на окраины. Беглые крестьяне — татары, чуваша и мещеры — направляются в Башкирию и селятся на башкирских землях. Большое количество русского населения из Поволжья и соседних с ним районов бежит на Яик, в Яицкий казачий городок и зачисляется в Яицкое казачье войско. Беглый русский люд находит убежище также и в пределах современной Оренбургской области по берегам Яика и Сакмары. Во втором десятилетии XVIII века вновь возникает казачий городок на реке Сакмаре, только на этот раз на месте нынешнего села Сакмары. На это указывает перепись яицкого войска, произведенная в 1723 — 1724 годах полковником Захаровым. Захарову был представлен список казаков. В нем выделен специальный раздел: «Казаки ж, которые обретаются по Яику вверх по реке Сакмаре». В нем перечисляются 15 человек: атаман Фома Тимофеев сын Сибиряков, есаул Таврило Лукьянов сын Шигаи, 12 рядовых казаков и один работник у атамана. Все они были беглыми крестьянами. При требовании явиться для смотра в Яицкий городок для определения годности к службе большинство скрылось. Явилось на смотр всего пять человек. По своему происхождению они оказались выходцами из самых различных мест. Атаман Фома Сибиряков был «родиною Тобольского

уезду дворцовой Белоярской слободы». Ушел на Яик оттуда в 1702 году. Рядовой казак Иван Иванов Горшеня был выходцем из города Вязникова, Михайло Григорьев Кожевников — из города Ярославля, а казаки Михайло и Федор Костычевы — помещицки крестьяне из Крапивинского уезда (ныне в Тульской области) [103].

Помимо яицких казаков, поселившихся на реке Сакмаре во главе с Фомой Сибиряковым, в пределах теперешней Оренбургской области, на берегах Яика от устья Сакмары и ниже жили также беглые крестьяне и старообрядцы. Одним из мест их поселений было устье реки Илека.

Упомянутый выше англичанин Кэстль отмечает в своем дневнике, что за день до прибытия к устью Сакмары они натолкнулись на рыболовную снасть. По этому поводу Кэстль записал в дневнике: «Здесь находится много раскольников, все с правой стороны, со стороны Самары». Сообщая об одном раскольнике, следовавшем за ними на челноке ниже устья Сакмары, Кэстль указывает:

«Эти раскольники — беглые русские слуги, которые живут в этой глуши и считаются за пустынных; при своих скитах имеют маленькие огороды с капустой и репой и кормятся рыбой, которая так изобильна в Яике, как нигде в другом месте мира».

Выше устья Илека Кэстль и его спутники вновь встретили раскольников. В дневнике Кэстль записал: «Около этой местности живут многие раскольники. И они принесли мне красные репы необыкновенной величины, которые, однако, были желтые и твердые». В другом месте Кэстль пишет: «Впрочем, эта страна кругом пустынна и необитаема. Поэтому тогда, когда увидишь людей, то это обычно оказываются киргизские или башкирские разбойники» [104].

Наблюдения Кэстля о раскольниках (старообрядцах) и крестьянах по берегам Яика между Илеком и устьем Сакмары подтверждаются и переписью Яицкого войска, проведенной полковником Захаровым в 1723 — 1724 годах,

С основанием Оренбургской военной линии по рекам Яику, Сакмаре и Самаре в 30 — 40-х годах XVIII века беглые крестьяне, жившие в пределах теперешней Оренбургской области по берегам Яика, разошлись по различным укреплениям этой линии.

Иначе сложилась судьба казачьего городка на Сак-маре, где в 1723–1724 годах был атаманом Фома Сибиряков. Городок продолжал расти, укрепляться и вместе с тем стал убежищем для беглого крестьянского населения. Следующие страницы его истории связаны с именем Василия Федоровича Арапова – одного из атаманов Яицкого казачьего войска, предприимчивого, энергичного и грамотного казака.

28 апреля 1725 года Василий Арапов, прибывший в Петербург во главе казачьей станицы (то есть группы казаков. – С. П.) хлопотать по войсковым делам, подал донесение в Военную коллегию. В донесении Арапов просил о позволении ему и другим казакам, «которые желают быть на границе, на заставах по Яику, выше Яицкого городка, на устье реки Сакмары, близ башкирцев, где перелазят и в Россию ходят неприятельские каракалпаки и киргиз-кайсаки и городам, кои тому в близости, чинят великие разорения, также и в полон берут многих российских людей.., поселение иметь и крепость построить, проезды чинить и крепкие караулы содержать». «Для отпору от оных неприятелей» Арапов просил «4 пушки и к ним порох и ядра и прочее, что принадлежит».

Просьба Арапова рассматривалась в Сенате и была удовлетворена. Сенат разрешил Арапову основать поселение «выше Яицкого города на устье р. Сакмары, близ башкирцев, где перелазят и в Россию ходят неприятельские каракалпаки и киргиз-кайсаки». Однако свое решение Сенат обуславливал согласием Яицкого войска и условием быть «под смотрением» всего войска. В грамоте Сената от 19 июня 1725 года к Яицкому войску также особо подчеркивалось: «Подтвердить вам накрепко, чтоб беглых как великороссийских, так и малороссийских людей отнюдь не принимали» [105].

Одновременно Военная коллегия указом от 4 июня 1725 года разрешила Арапову получить из Москвы 5 чугунных пушек, ядра и порох. Пушки приказано было отправить сначала в Яицкий городок, а затем, если войско согласится на постройку крепости на Сакмаре, передать их Арапову с товарищами. Очевидно, Яицкое войско не возражало, так как в 1725 или 1726 году Арапов с товарищами поселился на реке Сакмаре. Однако для поселения казаки во главе с Араповым выбрали не

Яицкие (уральские) казаки. Гравюра начала XIX века

устье реки Сакмары, как писал в своей просьбе атаман, а место современного села Сакмары, где уже раньше жили казаки с атаманом Фомой Сибиряковым. В октябре 1727 года Василий Арапов приезжает в Петербург, в Военную коллегия уже как атаман «Новопостроенного Сакмарского городка» [106].

На высоком мысу, круто обрывающемся в реку Сакмару, казаки во главе с Араповым закладывают укрепленный городок с деревянным тыном, башенками и вооружают его теми пушками, которые были переданы в Москве. Одна из этих пушек сохранилась до наших дней и находится в Оренбургском музее. На пушке выбиты слова:

«По указу ее величества государыни императрицы за верную службу даны на новое место на Сакмару атаману Василию Арапову и есаулу Петру Кочурову с товарищи».

Возможно, что Арапова гора, расположенная у села Сакмары, названа так по имени атамана Василия Арапова.

В 20–30-х годах XVIII века Сакмарский городок становится убежищем беглого крестьянского люда из старинных русских слобод Западной Сибири, расположенных по реке Исети и ее притокам Пышме, Миассу, Тече, а также крестьян из Среднего Поволжья и Прика-

Жительница села Сакмары в старинной женской казачьей одежде. Фото 1950 года

мья. Уже в 1725 году в Сакмарском городке насчитывается 461 человек — беглые крестьяне с их женами и детьми. Среди них был «первой Тобольского уезда дворцовой Шадринской слободы крестьянский сын Иван Гореванов» [107].

В 1726 или 1727 году Сакмарский городок пополнился новой большой партией беглых крестьян из Западной Сибири, приписанных для работы на горных заводах. Посыльный Арапова казак Нагаев сообщил в Уфимской провинциальной канцелярии, что Арапов и они, казаки, встретили беглецов в 15 верстах от городка, «которых было 370 человек с женами и детьми оружейных». Ара-

Женщины из бывшей казачьей станицы Берды (ныне
в черте города Оренбурга) в старинной казачьей
одежде. Фото 1949 года

пов пытался не впустить их в городок, а «казак де Гореванов, -который пришлец из Сибири ж, пустил всех в оный городок» [108].

Рост беглого крестьянского населения в Сакмарском городке возбудил беспокойство центральной власти. В 1727 году по приказу Верховного тайного совета был отправлен в Сакмарский городок из Казани офицер с отрядом солдат для вывода из него беглых крестьян. Пока неизвестны документы о результатах действий отряда. Последующие события доказывают, что выступление отряда состоялось и большинство крестьян было выведено из Сакмарского городка.

Но несмотря на это, Сакмарский городок до основа

ния Оренбурга по-прежнему служил убежищем для беглых крестьян. Уполномоченный Военной коллегии по Уфимской провинции по «понуждению подушного сбора и взыскания всяких доимок и набору рекрут» полковник Иван Анненков 16 января 1734 года писал в Военную коллегию, что уфимские офицеры-помещики Аничков, Жуков и их товарищи жаловались ему: «Ныне де от многих от них из Уфимского уезду люди и крестьяне бегают в новопостроенный Сакмарской городок. И того де города казаки принимают беглых людей их и других чинов и, укрывая, держат у себя» [109].

С самого своего основания Сакмарский городок был в ведомстве Яицкого казачьего войска. Лишь в 1869 году Сакмарская станица была передана из Уральского казачьего войска в состав Оренбургского казачьего войска.

Первый историк Оренбургского края П. И. Рычков сообщает две версии об основании Сакмарского городка. В «Истории Оренбургской», написанной в 1744 году, он пишет:

«Сакмарский казачий городок заведен сходцами из Сибири в 1720 году, к которым пристало несколько яицких казаков, живших тогда на устье Сакмары-реки малым юртом и, время от времени умножаясь оными казаками, сочинили казачью станицу до 300 человек под ведением Яицкого войска».

В «Топографии Оренбургской губернии», составленной в 1760 году, через 16 лет после написания «Истории Оренбургской», П. И. Рычков писал: «Сакмарская станица заселена еще лет за 30 прежде города Оренбурга охотниками из Яицкого корпуса».

В целом данные П. И. Рыčkова не противоречат приведенным выше материалам. Они подтверждают, что в основании Сакмарского городка приняли участие как выходцы из Яицкого городка, так и «сходцы» из Западной Сибири. Даты, сообщаемые П. И. Рычковым, основаны, вероятно, на показаниях живых свидетелей, а не на документальных материалах. Основываясь на данных переписи Яицкого войска полковником Захаровым в 1723 – 1724 годах, следует считать, как указывалось выше, что современное село Сакмара основано во втором десятилетии XVIII века, около 1710 года.

Интересно, что еще в конце XVIII века знали, что в

основании Сакмарского городка приняли участие крестьяне из Сибири. На страницах обширного «Топографического описания Оренбургской губернии», написанного в 1797 году оренбургским губернским землемером Тимофеем Афанасьевым, читаем, что в Сакмарском городке живут «казаки, причисленные к Уральскому войску». Особо отмечается: «Надлежит знать, что они не одного с ними происхождения, ибо сакмарские казаки суть перешедшей в сие место из Сибири вольной народ...» [110].

В 1734–1736 годах Сакмарский городок являлся одним из опорных пунктов и баз Оренбургской экспедиции, начавшей строительство Оренбурга и первых крепостей по рекам Яику и Самаре.

*
* *

Летом 1730 года в Петербург прибыли послы казахского хана Младшего жуза Абдулхаира с просьбой о принятии Младшего жуза в подданство России. Просьба хана была удовлетворена. Включение Младшего жуза в состав России вызвало проект об основании города Оренбурга. Основание города в августе 1735 года в устье реки Ори, в глубине «Дикого поля», открыло новую страницу в истории Оренбургского края.

Использованная литература

1. Государственный архив древних актов (Москва). Ногайские дела. Книга 10, лл. 261, 263.
2. Рычков П. И. Описание пещеры, находящейся в Оренбургской губернии при р. Белой, которая из всех пещер, в Башкирии находящихся, за славную и наибольшую почитается. — «Ежемесячные сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие», 1760, март, стр. 195 — 225.
3. Бадер О. Н. Каповая пещера. М., «Наука», 1965, стр. 20.
4. Протоколы заседаний Оренбургской ученой архивной комиссии за 1901 и 1907 гг. Оренбург, 1909, стр. 40.
5. Гольмстен В. В. Археологические памятники Самарской губернии. РАНИИОН (Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук). — В кн.: Труды секции археологии. Вып. IV. М., 1928, стр. 125 — 137.
6. Окладников А. П. Утро искусства. Л., «Искусство», 1967, стр. 70.
7. Бадер О. Н. Каповая пещера, стр. 16.
8. Матюшин Г. Н. О характере материальной культуры Южного Урала в эпоху мезолита. — «Советская археология», 1969, № 4, стр. 23 — 48.
9. Сальников К. В. Южный Урал в эпоху неолита и бронзы. — В кн.: Археология и этнография Башкирии. Т. 1, Уфа, 1962, стр. 32 — 33.
10. Граков Б. Н. Работы в районе проектируемых южноуральских гидроэлектростанций. — В кн.: Археологические работы Академии истории материальной культуры на новостройках в 1932 — 1933 гг. М.—Л., 1933, стр. 110 — 111.
11. Гольмстен В. В. Материалы по археологии Самарской губернии. — Бюллетень общества археологии, истории, этнографии и естествознания при Самарском университете, 1925, № 2, стр. 5 — 10.

12. Смирнов К. Ф. Отчет о работе Оренбургской археологической экспедиции за 1957 год. Рукопись. Хранится в научном архиве Оренбургского областного краеведческого музея.
13. Федорова-Давыдова Э. А. Новые памятники неолита и бронзы в Оренбургской области. – В кн.: Вопросы археологии Урала. Вып. 2. Свердловск, 1962, стр. 16 – 20.
14. Смирнов К. Ф. Древняя культура в оренбургских степях. – В кн.: Новое в советской археологии. М., «Наука», 1965, стр. 156 – 159.
15. Смирнов К. Ф. Отчет о работе Оренбургского отряда Южно-Уральской экспедиции института археологии АН СССР и Оренбургского краеведческого музея за 1964 год. Рукопись. Хранится в научном архиве Оренбургского областного краеведческого музея.
16. Попов С. А. Работы в Оренбургской области. – В кн.: Археологически' открытия 1968 года. М., «Наука», 1969, стр. 144 – 145.
17. Фисенко В. А. Племена ямной культуры юго-востока. Учебное пособие по курсу «Основы археологии». Саратов, изд. Саратовского гос. ун-та, 1970, стр. 40.
18. Сальников К. В. Южный Урал в эпоху неолита и бронзы, стр. 49.
19. Кузьмина Е. Е. Новый тип андроновского жилища в Оренбургской области. – В кн.: Вопросы археологии Урала. Вып. 2. Свердловск, 1962, стр. 9 – 15.
20. Кривцова-1 ракова О. А. Алексеевское поселение и могильник. – В кн.: Труды Государственного исторического музея. Вып. XVII. М., Изд. Гос. историч. музея, 1947, стр. 59 – 164.
21. Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887, стр. 397 – 398.
22. Рычков Н. П. Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства в 1769 и 1770 гг. СПб, 1770, стр. 118 – 124.
23. Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Изд. 2-е, ч. 1, СПб., 1809, стр. 369 – 370.
24. Отчеты и протоколы Оренбургской ученой архивной комиссии за 1914 и 1915 гг. Оренбург, 1917, стр. 122 – 123.
25. Сальников К. В. Очерки древней истории Южного Урала. М., «Наука», 1967, стр. 185.
26. Археология СССР. Свод археологических источников. Анд-роновская культура. Вып. I. Памятники западных районов. М. – Л., «Наука», 1966, стр. 8.
27. Ростовцев М. И. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. Пг., 1918, стр. 82 – 83.
28. Иессен А. А. Ранние связи Приуралья с Ираном. – В кн.: Советская археология. Вып. XVI. М., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 218.
29. Кастанье И. А. Отчет о раскопках двух курганов в Уральском уезде летом 1911 года. – «В кн.: Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. XIX. Оренбург, 1913, стр. 73 – 83.
30. Макаренко Н. Продолжение раскопки кургана около пос. Красногорского Оренбургского уезда. – В кн.: Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. XVI. Оренбург, 1907.
31. Геродот. История. Книга IV. – «Вестник древней истории», 1947, № 2, стр. 262.

32. Смирнов К. Ф. Сарматские племена Северного Прикаспия. — В кн.: Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях института истории материальной культуры. Вып. XXXIV. М. — Л., Изд-во АН СССР, 1950, стр. 106.
33. Геродот. История. Книга IV, стр. 280.
34. Гиппократ. О воздухе, водах и местностях, — «Вестник древней истории», 1947, № 2, стр. 295 — 296.
35. Псевдо-Скилак. Описание моря, прилегающего к населенной Европе, Азии и Ливии. — «Вестник древней истории», 1947, № 3, стр. 240.
36. Поллен. Военные хитрости. — «Вестник древней истории», 1948, № 2, стр. 219.
37. Граков Б. Н. Пережитки матриархата у савроматов. — «Вестник древней истории», 1947, № 3, стр. 107.
38. Там же, стр. 114 — 115.
39. Там же, стр. 121.
40. Смирнов К. Ф. Сарматские племена Северного Прикаспия, стр. 108 — 109.
41. Смирнов К. Ф. Савроматы. М., «Наука», 1964, стр. 259.
42. Протокол общего собрания Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете от 20 декабря 1896 г. — «Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете». Т. XV, вып. 4. Казань, 1899, стр. 473.
43. Аммиан Марцеллин. История. — «Вестник древней истории», 1949, № 3, стр. 304.
44. Середонин С. М. Историческая география. Пг., 1916, стр. 49.
45. Смирнов К. Ф., Попов С. А. Сарматское святилище огня. — В кн.: Древности Восточной Европы. М., «Наука», 1969, стр. 210 — 215.
46. Аммиан Марцеллин. История, стр. 305.
47. Кулаковский Ю. А. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев, 1899, стр. 24 — 45, 56 — 72.
48. Смирнов К. Ф. Итоги и очередные задачи изучения сарматских племен и их культуры. — В кн.: Советская археология. Вып. XVII. М., Изд-во АН СССР, 1953, стр. 133.
49. Ростовцев М. И. Эллинизм и иранство на юге России. Пг., 1918, стр. 238.
50. Смирнов К. Ф. Савроматы, стр. 52 — 53.
51. Артамонов М. И. История Хазар. Л., Изд-во гос. Эрмитажа, 1962, стр. 40 — 170, 336 — 353.
52. Аннинский С. А. Известия венгерских миссионеров XIII — XIV вв. о татарах и Восточной Европе. — «Исторический архив», вып. III, 1940, стр. 71 — 112.
53. Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрук. М., Изд-во географ. л-ры, 1957, стр. 72, 122.
54. Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921 — 922 гг. Харьков, 1956, стр. 130.
55. Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М. — Л., Изд-во АН СССР, 1930, стр. 17, 297.
56. Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрук. М., стр. 102.
57. Очерки истории СССР. Период феодализма. IX — XV вв. Ч. II. М., Изд-во АН СССР, 1953, стр. 437.

58. Смирнов А. П. Железный век Башкирии.— В кн.: Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 58. М., Изд-во АН СССР, 1957, стр. 97.
59. Ивлентьев К. О татарском кладе, найденном в Бузулукском уезде в 1847 году.— «Оренбургские губернские ведомости», 1849, № 36, часть неофициальная.
60. Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. Саранск, Мордовское книж. изд-во, 1960, стр. 194.
61. Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечения из персидских сочинений. М.—Л., 1941, стр. 114.
62. Там же, стр. 118.
63. Токарев С. А. Этнография народов СССР. М., Изд-во Моск. гос. ун-та, 1958, стр. 306—307.
64. Рычков П. И. История Оренбургская, стр. 82.
65. Книга Большому Чертежу. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1950, стр. 92.
66. Там же, стр. 93.
67. Оренбургская губерния с прилежащими к ней местами по «ландкартам» Красильникова и «Топография» П. И. Рычкова 1755 года. Оренбург, Изд. Оренбургского отдела Русского географич. об-ва., 1880.
68. Государственный архив древних актов (Москва). Фонд 127, Ногайские дела в столбцах. Столбец 8, л. 9.
69. Пекарский П. П. Когда и для чего основаны города Уфа и Самара. СПб., 1872, стр. 19.
70. Ногайские дела в столбцах. Столбец 1, л. 3.
71. Там же, столбец 5, л. 3.
72. Там же, столбец 1, лл. 19, 20.
73. Там же, столбец 1, лл. 30, 32.
74. Там же, столбец 1, лл. 21, 22.
75. Там же, столбец 8, л. 10.
76. Там же, столбец 13, лл. 39—40.
77. Там же, столбец 10, л. 90.
78. Там же, столбец 10, л. 91.
79. Акты исторические. Т. I, СПб., 1841, стр. 443.
80. Карпов А. Б. Уральцы. Исторический очерк. Уральск, 1911, стр. 89—93.
81. Там же, стр. 564.
82. Небольсин П. Уральцы. СПб., 1855, стр. 110.
83. Мякутин А. И. Песни оренбургских казаков. Вып. II. Песни былевые. Оренбург, Изд. Оренбургского казачьего войска, 1905, стр. 82.
84. Материалы по истории Башкирской АССР. Т. IV, ч. 2. М., Изд-во АН СССР, 1956, стр. 473.
85. Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Изд. 2-е, ч. 1, СПб., 1809, стр. 297-298, 311, 316.
86. Рычков Н. П. Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства в 1769 и 1770 гг. СПб., 1770, стр. 112.
87. Аксаков С. Т. Записки ружейного охотника Оренбургской губернии. М., 1909, стр. 36.
88. Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Вып. VII. Оренбург, 1907, стр. 30.

89. Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Ч. 1. Л., 1933, стр. 293.
90. Акты исторические. Т. 3. СПб., 1841, стр. 25 – 26.
91. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 3, оп. 1, ед. хр. 44, лл. 214 – 225, 1757 год; ед. хр. 55, л. 64, 1776 г.
92. Рычков Н. П. Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства в 1769 и 1770 гг., стр. 115.
93. Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии, стр. 74.
94. ГАОО, ф. 2, оп. 1, ед. хр. Г, л. 13.
95. ГАОО, ф. 6, оп. 11, ед. хр. 104, л. 449.
96. Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Вып. VII. Оренбург, 1907, стр. 30.
97. Сборник Русского исторического общества. Т. VIII. СПб., 1871, стр. 420.
98. Там же, стр. 433.
99. Леопольдов А. Историко-статистическое описание Заволжского края Саратовской губернии. – В кн.: Материалы для статистики Российской империи. Т. 1. СПб., 1839, стр. 107.
100. Карпов А. Б. Уральцы, стр. 553.
101. Путевой дневник Джона Кэстля публиковался на немецком языке в Риге в 1784 году в сборнике «Материалы к истории Русского государства со времени смерти Петра Великого. Часть вторая (1730 – 1741)».
102. Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии, стр. 312 – 314.
103. Центральный государственный военно-исторический архив в Москве (ЦГВИА). Оп. 107, св. 21, ед. хр. 2, лл. 178, 780 – 781.
104. Путевой дневник Джона Кэстля.
105. Полное собрание законов. Т. VII. СПб., 1830, № 4686.
106. ЦГВИА, оп. 107, св. 12, ед. хр. 1, л. 1.
107. Сборник Русского исторического общества. Т. 69. СПб., 1889, стр. 621 – 627.
108. Там же, стр. 622.
109. ЦГВИА, оп. 107, св. 12, ед. хр. 9, л. 15.
110. Афанасьев Тимофей. Топографическое описание Оренбургской губернии. Рукопись. Один экземпляр рукописи хранится в архиве Московского государственного исторического музея (фонд 445, ед. хр. 14), другой – в Центральном государственном военно-историческом архиве (фонд ВУА, ед. хр. 18895).

Содержание

В неведомое	3
Древние художники Каповой пещеры	7
Древние рыболовы и охотники	15
Окрашенные костяки	21
Древние скотоводы, земледельцы и металлурги -.	34
Чаша Атромитра	50
Страна савроматов – сарматов	64
Тайны Пятимаров	91
Народы движутся на запад	124
Под властью Золотой Орды	134
Казачий городок на Кош Яике	151
«Дикое поле» – «Дикая степь» ...	166
Использованная литература	188

Попов Сергей Александрович

Т А И Н Ы П Я Т И М А Р О В .

Очерки по древней и средневековой
истории оренбургских степей.

Челябинск, Южно-Уральское кн. изд.,
1971. 193 с. с илл.

9 (С 17) + 902.6

Редактор Н. Т. Струздюмов

Оформление В. А. Тельнова

Худож. редактор Э. И.

Плещейская Техн. редактор О.

Я. Понятовская Корректоры Н.

В. Канищева и С. А.

Кулакова

Сдано в набор 25/XII-1970 г. Подписано к
печати 9/IV-1971 г.
ФВ00756.

Формат бумаги 84X108/32 — 6,125 физ. п.
л., 10,3 уел. п. л., 9,9 уч.-изд. л. Бумага №
3. Тираж 5000 экз.

Изд. № 2906. Южно-Уральское книжное
издательство, г. Челябинск, пл.
Революции, 2. Областная типография
Челяб. обл. управления по печати, г.
Челябинск, ул. Творческая, 127. Заказ №
2906. Цена 30 коп. Переплет 14 коп.

44 к.

ЮЖНО-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО